

*95-летию со дня рождения Геннадия
Николаевича Хлебникова
посвящается*

ХЛЕБНИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 1
2010

ПАМЯТИ
ГЕННАДИЯ НИКОЛАЕВИЧА
ХЛЕБНИКОВА

Прекрасна жизнь, но и печальна.
Увы, конечен каждый путь.
Мы Вас уже не повстречаем,
И к вам на чай не заглянуть.

Но ликования и печали
Мы помним каждый миг и час.
И даже то, как Вы молчали,
Сегодня согревает нас.

Наш город был ещё младенцем,
Лишь в планах строил корабли,
Когда сюда по зову сердца
Вы ехали на край земли.

С наивной удалью, азартом
Вы стали город возводить,
Чтоб занести его на карту
И в Комсомольске жизнь прожить.

Чтоб книги написать об этом,
Дань отдавая тем годам.
Чтоб нам помочь в делах советом.
Мы помним Вас! Спасибо Вам!

Антонина Николаевна
Кухтина

**МУК «Городская централизованная библиотека»
Филиал № 6**

*95-летию со дня рождения
Геннадия Николаевича Хлебникова
посвящается*

АЛЬМАНАХ

ХЛЕБНИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Гражданская война на Дальнем Востоке.
Образ Тряпицына в романе Г. Н. Хлебникова
«Амурская трагедия»**

Выпуск 1

**Комсомольск-на-Амуре
2010**

Содержание

С. И. Вишнякова Слово о Хлебникове	стр.6
В. М. Мусалитина Хлебниковские чтения	стр. 12

Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г.Н. Хлебникова «Амурская трагедия»

В.Ф.Зуев Землю согревают люди	стр. 17
В.Г. Берсенеv Гражданская война в Приамурье	стр. 36
Д. Словинский Николаевские дни	стр. 38
В. Клипель Тряпицынщина	стр. 49
С.И. Вишнякова Убийцы	стр. 58
П.Л. Фефилов Что мы знаем о Якове Тряпицыне и тряпицынщине?	стр. 75
А.О. Демидова О романе Г.Н. Хлебникова «Амурская трагедия»	стр. 80
Е.А. Коржавин Кровавый след Якова Тряпицына	стр. 84
О.Е. Щербакова О романе Г.Н. Хлебникова «Амурская трагедия»	стр. 89
Г. Левкин Светлой памяти Якова Ивановича Тряпицына	стр. 91
О. Гусев Яков Тряпицын	стр. 105
Н.Ф. Лоскутников Н.Ф. Партизанское движение на Нижнем Амуре	стр. 115
В. Смоляк В огне брода нет	стр. 126

Хлебниковские чтения : Гражданская война на Дальнем Востоке: Образ Тряпицына в романе Г.Н. Хлебникова «Амурская трагедия» : Альманах. Вып. 1 / МУК «Городская централизованная библиотека», филиал № 6. – Комсомольск-на-Амуре : Агора, 2010. - 138 с.

Альманах посвящён 95-летию юбилею Геннадия Николаевича Хлебникова.

На страницах данного выпуска составители знакомят читателей с историей гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922) через публикации писателей, историков, членов Приамурского географического общества, выступления читателей библиотеки, где они дают свою оценку событиям тех лет. А если конкретней, страшным событиям, которые коснулись города Николаевска-на-Амуре. Этот период вошёл в историю освобождения Дальнего Востока от японских захватчиков и связан с именем Якова Тряпицына – одного из руководителей партизанского движения. Период, довольно - таки противоречивый. Тема эта волновала Геннадия Николаевича на протяжении всей жизни и нашла своё отражение в произведении «Амурская трагедия». Роман вышел в свет в 2002-м году. В нём автор, опираясь на свои собственные изыскания, поднимает вопрос о восстановлении исторической справедливости по отношению к забытым реальным людям, рассказывает о необыкновенной и трагической судьбе Якова Тряпицына и Нины Лебедевой.

Альманах рекомендуется краоведам, студентам и школьникам старших классов и всем интересующимся историей Дальнего Востока.

С. Вишнякова СЛОВО О ХЛЕБНИКОВЕ

I

1988 год, апрель. Я в гостях у Хлебникова в который раз. Комната, куда меня любезно пригласил Геннадий Николаевич, небольшая. Это рабочий кабинет писателя. Всё в нём просто, уютно, ничего лишнего. Письменный стол, на котором неизменно находится пишущая машинка. Рядом со столом — стул, кресло. Стул — для хозяина, кресло — для гостя. Шкафы и книги заполнили всё пространство. Книги лежали повсюду, постоянно находясь в поле зрения хозяина. Из окна — удивительный вид на Амур. Молодой ветер свободно проникал в комнату через открытую форточку, парусинил тюлевые занавески и выгонял накопленную теплоту. Писатель и краевед, художник слова и документалист, словограф и летописец. Я преклоняюсь перед мужеством этого человека, ибо он описывает реальные события, поступки реальных людей, подчас не лицеприятные. И не всем это нравится. Приходится вступать в перестрелки, страдать от остро отточенных стрел, изнывать от кровоточащих ран.

Общаясь с первостроителем города вечной юности Г.Н. Хлебниковым, я учусь у него стойкости, я вбираю мудрость. И благодарю судьбу, что не дала разминуться нам в этой жизни.

Геннадий Николаевич, высокий худощавый человек, несмотря на преклонный возраст, строен, с внимательным прищуром добрых глаз. На все мои вопросы отвечал, сдержанно взвешивая каждое слово.

— Родился я в селе Кипень Гатчинского района Ленинградской области. Кипень — русское слово: гореть, пламенеть, кипеть. Наречие оправдывает себя. Когда едешь со стороны Красного села, то на пути встречаешься с большим оврагом, ещё со времён ледника возникшим. По оврагу речка змеится. В народе её зовут ласково — Змейка. На берегу Змейки в весеннюю пору полыхает белый огонь — это черёмуха буйно цветёт, белая кипень ярится, пенится.

Изначально Кипень — почтовая станция. От неё, как от озера, в разные стороны, разбежались три ручейка — три деревеньки: русская, эстонская и немецкая колония. Немцы приехали в Россию и заселили русские земли ещё при Екатерине Второй.

Геннадий рос здоровым, весёлым, любознательным мальчиком. Как и другие мальчишки, его сверстники, в жару он не вылезал из реки, ловил рыбу, ходил в лес по грибы и ягоды. Мальчик трудился на грядках с отцом. Трудились славно. И на работу отец вовремя поспевал.

И всё-таки мальчуган отличался от своих сверстников особым восприятием природы, окружающего его мира. Глаза, распахнутые встреч солнцу, говорили со светом на языке света. Чудесная музыка лилась с небес и падала золотыми зёрнами в недра сердца мальчиша. Музыка слов наполняла его существо, душа пела. Он ещё неумело складывал из слов образы, рисовал поступки сказочных персонажей, борьбу добра со злом. А затем проверял склады на слушателях, как они воспринимали его фантазии.

— Учиться я начал в 1922 году,— вспоминает Геннадий Николаевич. — В первом классе учился в немецкой колонии. Обучение велось таким образом: пять дней — занимались на немецком языке, один день — на русском. Так что читать, писать и излагать свои мысли на немецком языке научился гораздо раньше русского языка. Мои успехи отмечали учителя. Писали пером рондо, буквы получались угловатые, колючие, готические.

Николай Андреевич радовался успехам сына по немецкому языку. Но его всё же настораживало: а не забудет ли сын свой русский язык? Не растеряет ли и запахи, и звуки, и колыбельный мотив родного слова? И отец находит выход: вечерами, по очереди с сыном, читали вслух народные сказки, былины, сказания. Мать же наизусть знала много сказок, она пропевала каждое слово. Напевное слово устанавливало первые контакты с миром, побуждало к милосердию.

Геннадий не просто слушал сказки, черпая из них необходимый жизненный опыт, но и запоминал звучание слов, повторял про себя, проигрывал их, сочинял продолжение, находил свою концовку. Он фантазировал, комбинировал. Отец поощрял сына в литературной игре.

И совсем не случайно, став взрослым, Геннадий Николаевич вводит в свои книги сказочные события ("Легенда о Чуге").

Русские народные сказки, былины о богатырях, сказания о тружениках научили Геннадия Николаевича бережно обращаться со словом и постоянно стремиться к той высокой простоте, которая доступна лишь творческому человеку.

С 1928 по 1931 годы учился в школе — семилетке, в школе крестьянской молодёжи, сокращённо ШКМ. Жил в интернате. Школа находилась в Гостилице Ленинградской области.

С 1931-1933 годы учился в ФЗУ, получил рабочую профессию слесаря. Работал слесарем на Путиловском заводе, легко влился в трудовую семью, его усердие заметили, поощряли за старание и аккуратность.

Мог бы учиться в юридическом институте, мечтал об этом. И поступил бы. В те годы принимали в высшие учебные заведения без экзаменов. Но это долгий путь к самостоятельной жизни. Семейные события сложились так, что требовали как можно быстрее зарабатывать деньги, стать опорой матери.

II

Я с дочерью возвращалась из светлого Пиваньского леса с Одарками великана — с разнотравьем для чая. На пристани народ заметно прибывал, все ждали пароход. На валуне сидел мужчина с переполненными авоськами. Знакомая фигура. То был Геннадий Николаевич Хлебников. Я поздоровалась и присела рядом на горячую гальку. А дочь стала кидать камушки в Амур — любимое занятие.

— С дачи? — задала нелепый вопрос писателю, щурясь от яркого солнца.

- Да... Не потрудишься на земле, не отдашь ей энное количество поклонов, и не услышишь, как она поёт тебе славу. Каждый день принимаю награды за вежество. Чудно всё это.

- И что выращиваете?

Да всё: и овощи, и фрукты, и ягоду, зелень, и даже грибы шампиньоны. Собрал клубнику, видите какая она крупная да сладкая. Угощайтесь. А жена варенье наварит. На земле она не работает, болеет. А дома - труженица. Мы с ней поделили обязанности.

Ленивые воды набегали на пологий берег, лизали его прохладным и влажным языком. Под тихую музыку амурской волны хорошо помолчать, помечтать ни о чём.

"Ом" причалил. И люди хлынули бурным потоком по деревянному настилу, торопились занять лучшие места в залах. Мы не спешили. Мы остались на палубе: здесь ветер обдувает и солнце ласкает. От ветра, солнца и воды исходит пар, как от только что испеченного хлеба. На гребнях волн играют белые зайчики.

Хоть медленно, но приближается противоположный берег. Белый город приветствует издалека, его высотные дома сбежали на кручу и застыли в ожидании "Ома".

— Вот так всегда, пересекая Амур и приближаясь к родному взгорью, вспоминая, как впервые сошёл с "Рыбака" и каким город предстал передо мною, — говорит Геннадий Николаевич и умолкает, задумчиво глядя вдаль. Его взгляд устремлён не на приближающийся город, а мимо, в глубь прожитых лет. — В Павловске учился в ФЗУ два года на автослесаря, был активным корреспондентом стенгазеты, — при этих словах Геннадий Николаевич улыбнулся и улыбка отразилась в глазах, осветила их тихой радостью. — Таковы мои первые шаги на пути к литературному творчеству. Практику проходил на заводе в Царском Селе. На работу ходил мимо памятника Пушкину, мимо плачущей девушки у разбитого кувшина, через Царскосельский парк. После ФЗУ работал в Ленинграде на Путиловском заводе.

27 июля 1934 года ЦК ВЛКСМ принял постановление о дополнительном призыве молодёжи на строительство города юности. Комсомолец Геннадий Хлебников долго не размышлял. Желание сделать больше своих возможностей жило в нём. Наступил момент осуществить свою мечту. Желających поехать оказалось двадцать человек, завод же должен был отправить всего пять человек. На открытом комсомольском собрании обсуждалась каждая кандидатура.

— Атмосфера в зале накалилась, каждому хотелось попасть в число счастливых, — вспоминает Геннадий Николаевич. — По большинству голосов прошёл и я. Представляете мою радость!

Юноша чувствовал себя открывателем неведомого мира. Для него Дальний Восток — другая планета. Ленинградские добровольцы — юноши и девушки — собрались в Смольном. Один за другим подходят они к председателю обкома комсомола, называют фамилию и профессию:

- Пишите: Геннадий Хлебников - слесарь Путиловского завода.

- Мне было в то время восемнадцать с небольшим. На вокзале нас провожал Сергей Миронович Киров. Его речь дала большой заряд на всю долгую дорогу, — свидетельствовал писатель.

Паренёк взял в дорогу самое необходимое: сахар, чай, сухари, три тома сочинений А.С. Пушкина, книги Лермонтова, два романа Жюль Верна, роман А. Фадеева "Разгром". И... мечту - построить город своими руками. С ним отправлялся Василий Гусев, его друг, единомышленник.

Геннадий сообщил родителям о своём непоколебимом решении — самое трудное позади. Бедная мама, она-то всё хлопочет, чтобы её Геннадий был поближе, пусть

не совсем рядом, не в родительском доме, но поближе. "Ничего, освоюсь на новом месте, домом обзаведусь, вот тогда всю родню перетяну к себе, опять будем вместе", — мысленно утешал доброволец себя и мать.

Они вошли в вагон — он и Василий. И много других молодых парней и девчат.

...Серый осенний день. По небу гуляли лохматые облака. Старый "Рыбак" причалил к пристани Комсомольска-на-Амуре 19 сентября. Пассажиры сошли на берег, их встречали музыкой, словами приветствия.

— Будете жить на Брусчатке, — объяснили прибывшим.

Их сначала накормили в столовой, пристроенной к часовне Ильи Пророка, а потом привели в общежитие — обыкновенный деревянный барак с пустыми глазницами окон и тёмным провалом дверей. Геннадий и Василий растерянно переглянулись.

— Были бы стены, — сказал провожающий, заметив растерянные взгляды новичков, — дом достроите сами, после работы. Завтра — на стройку. — И ушёл быстрым широким шагом.

Парни осторожно, словно боясь оступиться, вошли в барак. Под ногами шуршала стружка, пахло смолой.

Хлебников и Гусев заняли место поближе к окну. Сверх стружек бросили одеяла и, не раздевшись, легли спать. Помолчали. Не хотелось разговаривать. Перед глазами воспроизводилась безрадостная картина: бараки, шалаши, землянки, ухабистые дороги, брёвна, доски, щепки, неприветливое небо. После Ленинграда показалось жутковато.

- Гена, слышишь меня? — позвал друга Василий.

- Слышу.

- Может, вернёмся?

- Почему? — приподнявшись с лежанки, отозвался Геннадий. Пышный чуб упал на лоб и от этого он выглядел совсем мальчиком. — А как же клятва?... Нельзя, дружище.

Всю ночь хлестал дождь по золотистым брёвнам. К утру затихло, подсинённое небо пронзило яркое солнце.

Первое утро в далёком краю, омытое прохладным дождём, ворвалось в неухоженное жильё, прогнало дрему. И вскоре — труд землекопа, к которому ребята не были приучены. Были кровавые мозоли, и пот застилал глаза, и в голове шумело от усталости. Потом втянулись в работу и даже план перевыполняли, а вечерами достраивали своё жильё. Торопились, ведь впереди их ждала зима, она уже не за горами, по утрам стояла у дверей и всё не решалась постучаться, знала, что будет незваной гостьей.

Геннадий Николаевич первое время работал не по специальности. Для того чтобы работать слесарем, нужно построить хотя бы мастерскую. Землекопом, плотником он начинает свою трудовую биографию, затем работал слесарем, бригадиром монтажников на строительстве судостроительного завода, устанавливал опоры здания эллинга "А".

Со слов писателя: "Летом 1936 года был послан комитетом комсомола на монтаж оборудования кирпичного завода № 1 (в районе озера Мылки). После окончания монтажа остался на заводе, чтобы этими механизмами управлять. Работал бригадиром, техноруком, стал керамиком. В армию не взяли, забраковали из-за зрения. Отработал на заводе десять лет: слесарь, бригадир, мастер, два последних года — главный инже-

нер кирзавода. Изучил керамику, все хитрости изготовления кирпича. Всё это за счёт самообразования. У меня было семилетнее образование, здесь я закончил десять классов, получил среднее образование. Технологию производства изучал по книгам, советовался с деловыми людьми".

III

Геннадий Николаевич был членом литературного объединения с первых дней жизни на стройке. Руководил ЛИТО в то время Николай Кириллович Поварёнкин — один из первых поэтов города.

"Всё-то мы могли, везде успевали: и самоучёба, и работа до седьмого пота, и ежедневная стенная газета в рабочем уголке красной комнаты. Мы жили радостью приобщения к художественному слову. Мы знали А. Фадеева, П. Павленко, Н. Островского, В. Пастернака, Н.Тихонова, Э. Багрицкого. И был у нас свой поэт, ровесник по судьбе и времени. Это Николай Поварёнкин. Он помогал нам уверовать в себя, в свои возможности. Это была счастливая пора познания и удивления. Мы радовались каждому новому стихотворению, рассказу своего товарища", — поведал мне Г. Хлебников в доверительной беседе.

Г. Хлебников начинал свою литературную деятельность с небольших заметок, зарисовок, со стихов, басен; они печатались в городской газете: "Трактор в болоте", "Пчела и саранча", "Хорёк - критик" и др. Острые, сатирические, на злобу дня стихи вызывали спор, не оставляли равнодушными. Подписывался псевдонимом — Николаев.

Первая серьёзная заявка на литературном поприще — очерк "На окраине города", опубликованный в начале 1945 г. Его заметили. Эта публикация сыграла решающую роль в судьбе будущего писателя. Нужны были литсотрудники для газеты "Сталинский Комсомольск", направляли рабкоров, творческую молодёжь. Н. Поварёнкин порекомендовал Г. Хлебникова. У Геннадия Николаевича возникло двойственное чувство к интересному предложению. Газета — это всё-таки творчество, начало литературного процесса, можно приучить себя писать. Рядом с ним, в нём самом жило трепетное чувство к журналистике. Лестно, что именно ему предложили, а значит доверяют, верят в него, в его возможности, в его принципиальность, честность. Да и он сам понимал: журналистика — его дело, его стезя. И в то же время боялся нарушить уже сложившуюся жизнь. На кирпичном заводе он - главный инженер, нужный работник и как руководитель, и как человек, умеющий выслушать другого, понять, направить, разобраться в сложных ситуациях. Да и семья: жена, дети, приличная зарплата, немецкая легковушка, жильё рядом с производством... Да и не мальчик, чтобы начинать сначала, уже тридцать лет... Редакция находится далеко. Каждый день вышагивать пять километров. Никаких привилегий... В общем отказался. Ему пригрозили: может получить выговор. Ночь не спал. Не выговора испугался, он привык быть там, где нужнее его познания, его участие. К тому же он — коммунист. Какой пример для других!

2 октября 1945г. приступил к новой обязанности. Тогда редактором газеты был Фёдор Куликов. Он назначил Г. Хлебникова заведующим промышленным отделом. На новом месте пришлось начинать с нуля: заново изучать русский язык, учиться рассуждать. Но уже через полгода освоил все жанры публицистики: очерки, статьи, зарисовки, репортажи. Иногда писал рассказы.

В 1948 году Хлебникова назначают зам. редактора, а в 1955 — редактором. С годами журналиста всё чаще стало подводить зрение, и он вынужден был уйти с должности редактора. Начал работать в ТАСС. Был собкором по Комсомольску, Совгавани, Николаевску. Работа немного легче, высвободилось дополнительное время для литературного творчества.

Со слов писателя: "Если бы я в газете не работал, то и ничего не написал. Нужно было преодолеть страх перед белым листом. Желание быстро высказаться, пренебрежение к деталям мешало литературной работе. Поэтому я долгое время не мог написать больше шести страниц. Не умел распоряжаться материалом, строить логические мостики".

Первая большая публикация — очерковая книга о бригадире строителей Николае Щеглове. Второй книгой явилась историческая повесть "В долине Желтуге" — это его первое крупное историко-художественное произведение. О золотоискателях, золотодобытчиках, о различных приключениях и бытие старателей, о дружбе русского и китайского народов...

С лёгкой руки благословения и благодарения знаменитого писателя Вс. Иванова Г. Н. Хлебников вошёл уверенно в семью писателей Дальнего Востока.

Им написано более двадцати книг.

Геннадий Николаевич Хлебников прошёл нелёгкий путь:

- от слесаря до главного инженера кирпичного завода №1;
- от рабочего корреспондента до редактора газеты "Сталинский Комсомольск" (ДВК);
- от очеркиста до писателя России.

Есть люди, и таких не мало, которые играют роль культурного человека; но, когда неприятная струя касается их души, они взрываются и тем самым обнажают свое истинное "Я". Не таков Хлебников. Геннадий Николаевич по своей сути культурный человек: культура сама проявлялась в нем, а он - в культуре. И даже тогда, когда дальше постели не двигался, Геннадий Николаевич встречал гостя в форме, старался сидеть прямо и слушать со вниманием. Как это ему удавалось — никто не знает.

Культура сама в нем жила, совершенствовалась, наливалась золотым зерном и падала в черствые души, заставляла их трепетать, сопереживать, жить.

А какой собеседник! С ним интересно было общаться. Он умел слушать и слышать человека.

Мусалитина В.М.

МУК «Городская централизованная библиотека», филиал № 6,
ведущий библиотекарь

«Хлебниковские чтения»

Вот уже три года, как ушёл из жизни писатель-комсомольчанин Геннадий Николаевич Хлебников. 23 декабря 2010 года ему исполнилось бы 95 лет. Автор более двадцати книг,

член Союза писателей России, первостроитель, Почётный гражданин города и края, награждённый Правительством Хабаровского края Почётным знаком имени Н.Н. Муравьёва-Амурского «За заслуги», Геннадий Николаевич был уважаемым человеком как в городе, так и читателями, и коллективом нашей библиотеки. Не единожды он общался на вечерах встречах с читателями разного возраста, где рассказывал о том, как 18-летним юношей, по комсомольской путёвке приехал строить город вместе с другими добровольцами, о трудностях, невзгодах, с которыми пришлось столкнуться. Не каждый выдерживал такой ритм, многие уезжали, а Геннадий Николаевич остался верен городу до последних дней своей жизни, полюбив его однажды и навсегда.

Он сумел искренне донести до нас историческую правду о том времени, о людях, совершивших беспримерный подвиг. Герои его произведений не вымышленные персонажи, а реальные строители, врачи, таёжники, рабочие. Долгое время он возглавлял Литературное объединение города. Многим начинающим писателям дал пу-

тёвку в литературную жизнь. Именно поэтому, после его смерти писательская организация носит его имя. Именно поэтому в нашей библиотеке создан литературный музей Геннадия Николаевича.

Здесь представлены материалы о жизни и деятельности писателя, фото из личного архива, его произведения, отклики других писателей на его работы, рукопис-

ный материал, выступления и обращения к жителям города по определённым мероприятиям и т.д.

Третий год в честь дня рождения писателя мы проводим декабрьские «Хлебниковские чтения». Это целый ряд мероприятий, где библиотечные работники совместно с писательской организацией города проводят работу по пропаганде произведений писателя – первостроителя. Это встречи - воспоминания людей, которые лично знали Геннадия Николаевича, беседы, обзоры книг, экскурсии школьников в библиотеку с целью знакомства с произведениями, с материалами, представленными в музее. Это выступления на радио, заметки в СМИ города.

Так в ходе чтений была подготовлена и проведена читательская конференция по книге Геннадия Николаевича «Зарницы». Это приключенческая повесть, в которой читатель вместе с героями познаёт историю родного края, учится бережно относиться к природе, знакомится с новыми именами и названиями, узнаёт красивые легенды о

Театрализованной студией «Город солнца» был показан фрагмент из повести Хлебникова «Зарницы».

прошлом нашего края. В конференции приняли участие учащиеся старших классов школы № 42. Примечательно ещё то, что к нам присоединились ребята из молодёжного театра «Город солнца». Они инсценировали фрагмент из повести.

В 2008 году сотрудниками библиотеки

был составлен и оформлен аннотированный рекомендательный указатель произведений писателя, куда вошли: перечень отдельных произведений и публикации в периодической печати и сборниках.

Обсуждением книги «Амурская трагедия» закончились «Хлебниковские чтения», проводившиеся в 2009 году. В воскресенье 20 декабря, в библиотеке собрались те, кто знаком с творчеством Геннадия Николаевича. Между ними состоялся серьёзный разговор на тему романа, который рисует нам картину гражданской войны на Дальнем Востоке.

События гражданской войны описывали в своих произведениях писатели и историки, поэты и художники. К большому сожалению, до сих пор об огромных потерях в этой братоубийственной войне слишком мало информации, и сегодня в историю этой войны вписаны новые страницы, о которых мы, ныне живущие, не знали. Страницы, из которых наши читатели узнают новые имена и события тех лет. А если конкретней, страшные события, которые коснулись города Николаевска-на-Амуре. Этот период вошёл в историю освобождения Дальнего Востока от японских захватчиков и связан с именем Якова Тряпицына — командующего партизанской красной армией. Период, довольно таки, противоречивый. Документы говорят, что это по приказу Я. Тряпицына 2 июня 1920 года, якобы, был сожжён город, кирпичные здания взорваны. Пепел, руины и бродящие между ними редкие полубезумные жители — это всё, что осталось от богатого, купеческого города. Тема эта не оставляла равнодушным Геннадия Николаевича и нашла своё отражение в произведении. Роман «Амурская трагедия» вышел в свет в 2002-м году. В нём автор, опираясь на свои собственные изыскания, рассказывает о необыкновенной и трагической судьбе Якова Тряпицына и Нины Лебедевой. Сам Геннадий Николаевич на вопрос о том, кто до него пытался писать об этих событиях, отвечал так: «Нельзя сказать, что все эти годы никто не пытался восстановить истину гибели Тряпицына и Лебедевой, воздать им должное. Но каждый раз раздавалось предостерегающее: «Нельзя!». И откладывались документы и рукописи в стол, а то и в спецхран, а то и вообще уничтожались...» Уважая историю минувших лет, желая восстановить справедливость, писатель своим произведением реабилитирует имена героев, показывает Якова Тряпицына яркой личностью, талантливым полководцем. На мероприятии, где обсуждалась книга, выяснилось, что далеко не все присутствующие согласны с писателем. Н. Лоскутников, В. Берсенев и В. Зуев, П. Фефилов опираясь на исторические факты, рассказы очевидцев того страшного времени, настаивали, что Тряпицын — бандит, грозным смерчем пронёсшийся по Амуру. Другие гости библиотеки, например, С. Вишнякова, А. Демидова, О. Щербакова, Л. Рудь и другие читатели, наоборот, выступили в защиту автора и героев романа. Здесь же присутствующие были ознакомлены с другими публикациями о Якове Тряпицыне, присланными в библиотеку из других регионов. В этот день долго продолжались споры по поводу событий, описанных в романе. Каждый отстаивал своё видение событий. Главное, что не было среди присутствующих равнодушных. Были отмечены серьёзные недостатки в издании книги. Это оформление, ошибки, допущенные при издании и т.д. Высказаны были пожелания, что к 95-летию юбилею писателя неплохо бы переиздать роман. Каждый из присутствующих и выступающих на этом мероприятии ушёл со своей точкой зрения в оценке событий тех лет.

К нам в библиотеку продолжают поступать материалы по гражданской войне на Дальнем Востоке и Якову Тряпицыну. И то, что людей это волнует и что об этом говорят и спорят, доказывает одно - роман не оставил равнодушными, тех кто его читал, а это главная оценка для автора.

Так кто же он - Яков Тряпицын? Бандит, «хромой диктатор» или герой, который не хотел, « чтобы русские убивали русских», который верил, что « придёт время, люди оценят нас, оценят труд наш и кровь нашу, пролитую во имя справедливости и осудят палачей наших....». В любом случае этот человек имеет право на своё место в отечественной истории. В этом были едины все присутствующие на обсуждении романа.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. ОБРАЗ ТРЯПИЦЫНА В РОМАНЕ Г.Н. ХЛЕБНИКОВА «АМУРСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

**В.Ф. Зуев, писатель-краевед, член
Приамурского
географического общества**

Землю согревают люди

В июне 1918 года в село Кондон на лодке приехал председатель Нижне-Тамбовского волостного Совета учитель Дмитрий Семенович Бузин. Вместе с ним приехали учитель

Василий Иванович Агеев и два вооруженных красногвардейца. Лодку сопровождали гребцы из с. Наан, братья Самар - Николай, Афанасий, Кирилл, Апанас.

По стойбищу Кондон босоногие мальчишки разнесли новость: «С Амура бывший наш учитель Дмитрий Семенович Бузин приехал. А вместе с ним со Средне-Тамбовского вернулся учитель Василий Петрович Агеев! Они сообщили, что белого царя свергли, что больше нет царя, его расстреляли! Мы теперь хозяева жизни! Учителя велели всех людей собрать на собрание в школу». Первая школа по изучению молитв в стойбище Кондон была открыта миссионером А. Протодиаконовым в начале 70-х гг. XIX века. Функционировала эта школа три года. С выездом священника из Горинского туземного стана в Хабаровск школа была закрыта. Через год часовня, где находилась и школа, сгорела. Миссионерское дело по просвещению инородцев р. Горюн продолжил Прокопий Протодиаконов... В 1891 году он заново построил в селе Кондон церковь по инициативе старосты стойбища Иннокентия Духовского и замечательных охотников Дэки-кэ, Вэтэну, Кусыгэ, Кивэну, Копокта - Кесты, Дяки, Исэ, Коника, Ламбия, Гогчоа, Хурэн и других. По предложению священника в церкви было выделено помещение под школу для изучения молитв. В 1892-1896гг. миссионерскую деятельность в горюньских стойбищах продолжил священник - учитель И.В. Сухов, который умер в 1896 году и был похоронен в селе Кондон.

В 1901 году Благовещенская православная миссия открыла в Кондоне смешанную трехклассовую церковно-приходскую школу со штатом: два учителя и два сторожа - истопника. Финансировалась школа, главным образом, за счет казны миссии и на пожертвования жителей стойбища. В 1902 году в Кондоне было построено деревянное здание, а также учительский дом. В школе имелась хорошая библиотека русской и зарубежной классической литературы, несколько десятков книг русских миссионеров.

Первым учителем и заведующим школой был Василий Иванович Агеев. Здесь он учил нанайских детей вместе со своей женой Натальей Васильевной с 1901 по 1908 год. Затем учителями работали Г.В. Халапин, В.Н. Навидов, И.И. Вшивков, священник Г. Пожарский, Г.П. Ермошин, И.Г. Геращенко. Затем Ермошин работал учителем в с.Найхин, а Геращенко - в Торгоне. Последний был убит в 1916г. на русско-германской войне. На первую мировую войну были мобилизованы Халяпин, Навидов. Учитель Вшивков учительствовал в стойбище Наан, где умер в 1921 году. А учитель - священник Пожарский погиб в селе Верхне-Тамбовском от рук анархиста Лапты. В Кондонской школе в 1912-1914 годах работали учителя - супруги Д.С. Бузин и Н.Д. Мефодьева. В школе Бузина призвали в армию, а Мефодьева переехала в село Средняя Тамбовка. С 1914 года по 1918 год учителем в Кондонской школе вновь стал работать В.И. Агеев. Немного в Кондонской школе работал учитель Александр Петрович Иванов. Затем он заведовал Наанской церковно-приходской школой. В 1915 году был призван в русскую армию, пал смертью храбрых на русско-германском фронте в 1916 году.

Ближе к вечеру у здания школы собиралось все население стойбища Кондон, а также соседних - Ямихты и Сорголя. На собрании присутствовали делегаты стойбищ Сироко, Куин, Син-дан, Хуинда, Сируха, Хорпп, Боктор, Таланда.

Собрание проходило возле школы на пригорке. Люди чинно расселись на валежинах, на траве. Рядом спокойно лежали собаки. И даже ручной медведь спокойно слушал выступление учителя Дмитрия Бузина. Он сообщил народу, что в Хабаровске состоялся Дальневосточный съезд Советов, который провозгласил Советскую власть по всему Дальнему Востоку. По всей Нижне-Тамбовской волости новая власть установлена везде, кроме горюньских селений. Поэтому в горюньском районе нужно создать свой орган власти.

- А у нас есть свой староста - Олони Самар, сын Сэкэну, его назначил сам губернатор края, - сказал старый охотник Коника.

Тут поднялся с валежины учитель Агеев и обратился к народу: «Я получил из Хабаровска бумаги от новой Советской власти, по которым старая власть отменяется, в том числе должность старосты и губернатора. Новая власть выбирается народом. И нам нужно выбрать свой туземный Совет».

- А что с попами, с церковью делать будем? Ломать, что ли? - не унимался Коника.

- Сломать! А ты один смог бы построить церковь? Она больших денег стоит, - закричал на старика Олони.

- А ты не кричи, я вместе с твоим отцом церковь строил. Всё село строило.

- Я спрашиваю, а учитель должен ответить. Он более знает, чем мы с тобой. Ему есть что сказать!

Агеев успокоил народ, он объяснил людям, что церковь не мешает революции, что человек не может жить без веры. Церковь у человека, как ваша язычная вера, рождает доброту, честность, искренность и любовь к людям, учит детей хорошему. Советская власть не против веры. Хочешь - верь церкви, хочешь - иди к шаману. Бог у всех народов един. Но новая власть против того, чтобы церковь вмешивалась в дела государства. Поэтому советским декретом церковь отделена от государства.

В июне 1918г. собрание в Кондоне приняло решение: «Инородцы племен самагир, дигор, тумали, альчика, наймука, киле, проживающие в стойбищах Сорголь, Сироко, Ямихта, Куин, Кон-до, Синдан, Хуинда, Наан, Сируха, Хоопи, Боктор, Таланда, расположенных на реках Горюн, Хуин и озере Эворон Хабаровского уезда Нижне-Тамбовской волости, организовались в одно общество - Горюнский туземный Совет, избрав из своей среды Исполнительный инородческий комитет в составе: председателя - Агеева, заместителя председателя Олони Самар, секретаря Тимошки Самар, казначея Канны Самар, членов: Кузьмы Наймука /Сорголь/, Антона Самар /Наан/, Андрея Дигора /Сируха/, Сергея Тумали /Хуинда/, Григория Самар /Таланда/». За председателя собрания подписался Олони Самар, за секретаря - В.И. Агеев.

Нанайцы Горюнского района еще толком не поняли, как интервенты - японцы, американцы, чехи, белогвардейцы захватили весь Дальний Восток, свергли новую власть? По Амуру поползли японо-белогвардейские карательные отряды, которые убивали, грабили людей. Местные жители затаились до времени, но не смирились. Многие уходили в тайгу. Так появились на Амуре партизанские отряды Шерого, Лизина, Бузина-Бича, Агеева, Тимошки Красного. Последние на Горюне создали свои партизанские базы, а в стойбище Кондон расположился их штаб и небольшой госпиталь.

Для уничтожения партизанских отрядов Агеева, Тимошки Красного и Бузина колчаковское командование в Горюнскую тайгу направило карательный отряд под командованием офицера Токарева. Но вблизи стойбища Синдан отряд белых был разбит, а Токареву удалось бежать в Нижнюю Тамбовку. В декабре 1919 года в Кондоне был создан Горюнский туземный ревком, который возглавили Красный Тимошка и Агеев. В то время по решению военревштаба Приамурских партизан из-под Хабаровска до Николаевска-на-Амуре двинулись партизанские отряды, которые в Нижне-Тамбовском объединились в партизанскую армию. Но, к сожалению, армию возглавил анархист Яков Тряпицын.

В походе на Николаевск-на-Амуре участвовали многие кондонские охотники, в их числе Красный Тимошка, Павел Самар, Павел Наймука, Михаил Самар, Коника Самар со своими старшими сыновьями, младший Унгу погиб под Николаевском.

Были походы, бои, многочисленные разведки. Храбро сражался воин нанайского лыжного отряда под Софийском, Кизи, Де-Кастри, особенно запомнился Тимофеев штурм крепости в Чныррах. Он первым ворвался в крепость и захватил дальнобойное орудие, которое вместе с подоспевшими партизанами-артиллеристами повернули против японцев, засевших в бастионах. Через несколько часов крепость была в руках партизан.

На следующий день партизанские отряды выбили японский гарнизон и вошли в Николаевск-на -Амуре. Теперь все низовье Амура находилось в их руках. Повстанческая армия оказалась в руках Якова Тряпицына, начальником штаба у которого была его любовница - эссерка Нина Кияшко-Лебедева.

Однажды, когда Тимофей Самар вернулся в Николаевск с партизанским отрядом Корнева после похода на Тугур и Чумикан, его пригласил Дмитрий Бузин. Войдя в избу Бузинных и ломая русский язык, Тимофей доложил:

- Товарища командира, командира разведки Самар прибыла по вашей команде.

- Будет тебе, Тимофей, садись пить чай с пирогами, - сказал по-нанайски Бузин, приглашая Самара к столу.

Тот проворно скинул шубу. Из соседней комнаты вышла Дарья Мефодьева, поставила на стол самовар. За чаем разговорились. Тимофей рассказал о походе на Охотское побережье, как были выбиты белогвардейцы из Тугура и Чумикана.

- Все хорошо, учитель, - продолжал рассказ Самар,- только мне командир наш Лапта не нравится. Нанайцев за людей не считает. Особенно плохо относится к нивхам и эвенкам. В одном стойбище нивха избил, в другом - ограбил, в третьем с женой или дочерью его переспал. Пушнину забирает. А куда охотнику без пушнины? Это голодная смерть... Шибко нехорошо. Человек Иван Лапта - хунхуз и только.

- Лапта - бандит. Арестовать его приехал член военного совета Бессонов. А Тряпицын раскричался: «Я командир или Бойко-Павлов!?», велел Бессонова расстрелять. Наши командиры Мизин и Иванченко хотели помешать этому. Но и их велел Тряпицын расстрелять. Вот какие наши дела, Тимофей, - вздохнул Бузин. Далее он поведал Тимофею Самар печальные и трагические новости. Тряпицын со своими помощниками Лаптой, Заварзиным, Биценко, Дылдиным, Оцевилии, Сасовым развязали террор на Нижнем Амуре. Убиты сотни нижеамурцев, расстреляны видные советские деятели Бузин, Бессонов, Иванченко, Холодилов, Агеев и другие коммунисты. Лапта утопил в проруби начальника телеграфно-почтовой конторы села Верхняя Тамбовка Ивана Федорова и учителя-священника Пожарского. На Лимурских приисках он хорошо почистил золотишко, убивая тех, кто не отдавал золото. В марте 1920 года отряд Лапты совершил набег на Амгуньские золотые прииски и села. Они грабили и расстреливали людей. Именем революции анархист Лапта конфисковал золото и пушнину у золотопромышленников, охотников и оленеводов. Под конфискацию имущества попал и Кондонский предприниматель, дед Тимофея по материнской линии Сэкэну Самар. Лапта забрал у него все намытое за сезон золото, всю пушнину и все промышленные товары. Затем Лапта приказал Духовскому уволить всех рабочих и отправить их по домам, а ему ликвидировать прииск на реке Керби и торговые точки на Амгуни и уйти.

По пути Лапта сжег факторию Сэкэну, который всю жизнь честным трудом создавая свое производство и богатство, по воле одного человека оказался нищим стариком.

Через некоторое время Дмитрий Семенович Бузин обратился к Тимофею:

- Нынче всех нанайцев, ульчей и нивхов из армии демобилизуют по приказу Тряпицына и Лапты. Тебя в списках видел. Но ты не горячись, Тимофей. Пусть Тряпицын тебя демобилизует, а я даю тебе боевое задание. Положение на фронте тяжелое. Пока мы удерживаем перевал от этих японцев, но вскрыется Амур, их корабли могут зайти к нам в тыл. Кроме того, в Хабаровске вновь власть взяли японцы и белые. В их руках канонерки Амурской флотилии, они обязательно пойдут против советских сел на Амуре. А у нас, в Нижней Тамбовке, госпиталь, где лежат раненые в боях партизаны. Им угрожает опасность как со стороны Хабаровска, так и со стороны Николаевска. Оказать им помощь мы не успеем. Один путь - эвакуировать госпиталь по Горюну в Кондон. Там партизанское командование решило создать тыловую партизанскую базу. Тебе надо добраться до села и помочь эвакуации в Кондон. Понял?

- Понял, учитель. Все сделаю, как говоришь.

Летом 1920 года под натиском хорошо вооруженных и многочисленных сил японцев и белогвардейцев, высадившихся в Де-Кастри, партизанские отряды стали медленно отступать вначале на Амур, а затем вверх по реке. Командовал партизанскими отрядами Лапта. Узнав об аресте в Керби Тряпицына, он решил идти ему на выручку. Отряд раскололся на две половины: одна пошла с Лапотй, а вторая - под командованием коммуниста Бузина-Бича.

Лапта захватил пароход «Соболь», на котором находился золотой запас с Нижне-амурского банка, и отправился вверх по Амуру, производя расправу над мирным населением.

К этому времени партизаны узнали о предательстве Лапты. В 1918-1919 годы он выдал калмыковцам всех хабаровских подпольщиков. В нанайском стойбище Бичи отряд Лапты был окружен, и он согласился сдать отряд, но пошел на хитрость. На крыше дома, принадлежащего торговцу, установил пулеметы. Провокатор рассчитывал на то, что когда он будет отдавать отряд, пулеметы ударят по партизанам. Но случайность спасла партизан от гибели. Партизан Метелица влез на чердак, увидел пулемет и пулеметчиков. Один из них признался, что Лапта должен застрелить Бузина, полагая, что после убийства командира у партизан начнется паника, и он расправится с ними. Оставив у пулемета Тимофея, Метелица спрыгнул с чердака и направился вслед за Лапой, который шел позади Бузина. Лапта считал партизан, и когда его рука полезла за маузером, его схватил сзади Метелица и повалил на землю. Один из корейцев пустил несколько винтовочных выстрелов в Метелицу. Одна пуля попала в голову, другая - в сердце. Сбросив с себя безжизненное тело партизана, Лапта вскочил на ноги и хотел выхватить из-за пояса гранату, но в это время, потрясенный гибелью друга, Самар выпустил по белогвардейцу очередь из «Максима»: девять пуль пробило тело Лапты, и тот упал на песок. Метелицу похоронили со всеми почестями. Тимошка тогда сказал:

-Жил Лапта, как собака, умер, как собака.

П.Д. Малеев - коммунист с 1920 года, участник партизанской войны в Приамурье и низовьях Амура, организатор и руководитель медико-санитарной службы в Нижне-Тамбовском районе, рассказывал:

-Нижне-Тамбовский районный ревком, которому угрожала опасность как со стороны Хабаровска, так и со стороны Николаевска, принял решение об эвакуации госпиталя и партизанских отрядов из села Нижне-Тамбовского-на-Амуре на о. Горин, в стойбище Кондон, где к этому времени была организована тыловая партизанская база.

Нанайцы, бойцы из отряда Тимофея Самара, который хорошо меня знал, охотно согласились перевезти на лодках больных, сотрудников и имущество нашего головного партизанского госпиталя до стойбища Кондон, расположенного на о. Горюн - левом притоке Амура. Более двухсот километров надо было проплыть против быстрого течения по этой горной реке, по которой вести лодку умели только местные жители - нанайцы. Сам Тимофей Самар и несколько его товарищей были родом из села Кондон.

На восьмые сутки мы благополучно прибыли в селение Кондон. Это было большое нанайское село с рублеными домами под железной крышей, церковью и школой, где мы и развернули госпиталь. Я очень сожалею, что не помню фамилий нанайцев, проживавших в стойбище Кондон. Но могу сказать, что нанайцы - это прекрасные люди со своей

самобытной культурой. Женщины - хорошие мастерицы, искусно выделывавшие замшу из шкур лося, оленя, кабарги, медведя и других животных. Одежда нанайцев, особенно у женщин, разукрашена оригинальным орнаментом. Женщина - нанайка выполняет всю домашнюю работу, одевает семью, воспитывает детей; в ее обязанности входит и кормление собак. У нанайцев дети с самого раннего возраста приучаются к труду, к охоте и т.д. Мы полюбили этот простодушный и доверчивый народ.

Кондонцы во главе с Тимофеем Самаром снабжали нас мясом и рыбой. В партизанском госпитале работали сотрудники Дмитрий Семенович и Клавдия Михайловна Самсоновы, Матвей Алексеевич и Агриппина Спиридоновна Мартыненко, фельдшер Иван Дядькин.

В это же время, получив информацию о движении по Горюну отряда анархиста Лапты, партизаны во главе с Тимофеем Самаром выступили навстречу противнику. Одновременно с этими событиями в Кондон из Керби пришел вооруженный отряд в составе 35 человек, называвших себя анархистами. Командовал ими Павличенко. Они арестовали нашего коменданта Пыталь. Около школы, где мы обосновались, стояли анархисты.

Под таким домашним арестом мы находились примерно дней десять. Нас было в школе вместе с больными всего четырнадцать человек. Надо было ехать за рыбой на озеро, а нам за пределы стойбища выход не разрешался.

Однажды утром мы проснулись и не обнаружили анархистов: они исчезли также внезапно, как и появились. Комендант наш Пыталь оказался на свободе. Выяснилось, что ночью в Кондон возвратился нанаец Ники Дзяпи из поездки в стойбище Бок-тор и сообщил, что Лапта убит, а его отряд разбежался по амурским селам, что по Горюну идет пароход, который скоро будет в Кондоне. Этих известий было достаточно, чтобы «герои дали тягу». Опасаясь вторичного налета, мы в тот же день оставили Кондон и наших замечательных хозяев - нанайцев. Обратно мы плыли очень быстро и благополучно доплыли до стойбища Бичи. Здесь мы встретились с партизанскими отрядами Бузина-Бича и Тимофея Самара и рассказали им об анархистах. Отряд Самара на легких берестяных оморочках уплыл в Кондон. На озере Эворон они пленили анархистов, а мы из стойбища Бичи перебрались в село Троицкое-на-Амуре, где был фельдшерский пункт, которым заведовал опытный фельдшер Микишин.

С партизанским командиром Тимофеем Самаром из села Кондон я встречался еще не раз. Кроме огромной силы он обладал невиданной храбростью и значился у партизан Дмуза самым метким стрелком. Он был грамотным, хорошо писал и читал бегло по-русски, знал китайский и корейский языки, был переводчиком, потому что в отряде было много партизан из китайцев и корейцев. Знал Тимофей и японский, что помогало ему в разведке. Если он встречался с нивхом, ульчем, негидальцем, эвенком или якутом, он умел говорить с ними на их языке. Если бы не трагическая гибель, он бы стал, возможно, первым нанайским писателем и ученым».

Нарта, подпрыгивая на льду, мчалась по застывшему Горюну, змеей извивающемуся среди скалистых сопок и дремучей тайги. Тимофей не подгонял собак, он смотрел на родные берега, и на душе становилось радостно от мыслей о скорой встрече с родными и близкими.

Три зимы прошло с тех пор, как ушел он из родного стойбища с партизанами, много воды утекло с тех пор, много увидел и пережил Тимофей. Теперь он возвращался домой. Жаль было расставаться с боевыми товарищами, но что поделаешь, надо ехать. И он торопился. Утром он выехал из волостного центра Нижняя Тамбовка. Не дав собакам отдохнуть, он проехал мимо стойбища Халбы, надеясь к вечеру попасть в Кондон, куда его послал волостной ревком устанавливать в таежных стойбищах Советскую власть. Назначили его чрезвычайным комиссаром по борьбе с бандитами и хунхузами в горюнской тайге. Ему выдали мандат и боевое оружие, пистолет и ручной пулемет японского производства. Возле стойбища Бичи Тимофей остановил нарту, бросил собакам юколу, взял рюкзачок и направился к небольшому могильному холмику, запорошенному снегом. Набрав сухих сучьев, он разжег костер, затем набил в котелок снега, укрепил его над костром. Когда вода закипела, он снял котелок с огня, бросил в котелок заварку. Усевшись на валежину, Тимофей разложил у ног заячью шкурку и на нее выложил из рюкзака кусок лепешки, нарезанной талы из тайменя, достал бутылку араки. Налив в кружку огненной жидкости, он пальцами побрызгал на холмик, остатки выпил. В этом могильном холмике похоронен его бывший друг Метелица. Воспоминания о партизанских походах, о друге Метелице растревожили партизана. Он взял из костра горящий уголек и раздул трубку.

- Прощай, друг, надо ехать, - сказал Самар и направился к нарте.

Через несколько минут звонкий собачий лай и монотонный скрип полозьев нарушили тишину лесных сумерек.

Вечером в юрте Тимофея Самара собралось все население Кондона. Тимофей рассказал о том, как воевал, как думает в дальнейшем строить новую жизнь. Потом вытащил письмо, /оно и ныне хранится в народном музее села Кондон/ и познакомил кондонцев с решением первого съезда инородцев, проходившем в Нижней Тамбовке. Нанайцев волновало многое: состояние охотничьих угодий и рыбалок, непривычное земледелие, брачные отношения и другие события. В самом деле, можно ли терпеть брак десятилетних девочек с сорокалетними мужчинами? Вот несколько строчек из решения, принятого делегатами: «Всесторонне обсудив вопрос об изменении обычаев, решили, что существующий обычай женитьбы стариков с малолетними, или девочек 10-13 лет с мужчинами 25-30 лет, обычай купли и продажи невесты, изжить. Считать, что такие браки должны проходить без принуждения.

Старый обычай выселять роженицу из дома в зимнее время в холодную палатку отменить и строго придерживаться при родах правил современной медицины.

В отношении погребения покойного окончательно запретить вывешивать на деревья трупы младенцев.

Просить разрешения отдела народного образования, чтобы дети коренного населения: нанайцев, орочей, ульчей принимались в школы русского населения...»

Внимательно слушали односельчане рассказ Тимофея Самара. Собрание шло до позднего вечера. Люди решили: восстановить свой Туземный совет. А когда зашел разговор о председателе - все дружно закричали:

- Красного Тимошку! Самара Тимошку! Он лучший охотник, по-русски говорит, хо-

рошим председателем был раньше. Его избирать надо.

- Ну, что же, Тимошка, отвечай, твое слово.

- Я так думаю, товарищи, - заговорил Тимофей, - если вы назвали меня, значит, доверяете. Но чтобы нам хорошо жилось, нужно соблюдать новые законы. Вот за это не взыщите - буду спрашивать со всей строгостью.

В конце 1922 года налетел на тунгусские и нанайские стойбища, расположенные по берегам реки Горюн, большой отряд хунхузов, принеся погромы, насилие, грабеж и другие страдания. Ворвалась тревожная весть и в стойбище Юдоми - хунхузы пришли.

Их много, все с винтовками и винчестерами. С ними приехал китайский торговец Синдан, у которого красные партизаны еще в двадцатом году конфисковали все склады с продовольствием, боеприпасами, охотничьим имуществом и раздали бедным нанайским семьям, а самого прогнали из стойбища.

- Ох, шибко он ругать нас за это будет, - говорили женщины.

- В тайгу надо бежать, - сказала бабушка Оксана, собирая детей.

- Верно говорит ада /мама/, - сказал её сорокалетний сын Ники Самар, - в тайгу надо, а Чумбоку - в Кондон, к Красному Тимошке послать.

Но убежать в тайгу успели немногие. Хунхузы окружили стойбище, жители спрятались в юртах и фанзах.

Ночью его разбудил условный стук в окно. Стучал Дзяпи. Тимошка снял запоры и открыл дверь. Весте с морозом в избу вошел пятнадцатилетний Никифор, весь покрытый инеем. Отогрев и накормив мальчугана, Тимошка стал спрашивать о результатах разведки.

- Дела у нас не очень хорошие, - докладывал мальчуган. - Я побывал в бандах Кислова и Зайцева. Кислов с двадцатью бандитами сидит у оленеводов, приказчик Сулунгу отдал ему двадцать верховых оленей и говорит: «Если надо, еще дам, чтобы Красного Тимошку убить, а его сердце испечь и съесть». У Кислова на оленьей упряжке установили станковый пулемет, два ящика гранат, все вооружены японскими карабинами и винтовками. Зайцев с десятью бандитами находится в верховьях реки Эвур, в стойбище Ццаии. Говорят, в стычке со старателями пять бандитов было убито и шесть ранено. Так он самолично раненых расстрелял, чтоб не мешали в походе. Старатели собрали вооруженный отряд и, получив подкрепление, выступили в погоню. Зайцев, узнав об этом, стал кружить по тайге, запутывая следы. Это ему удалось, красногвардейцы отстали на два дня пути, и он решил отдохнуть в стойбище Юдоми, а наутро выступить на Эворон, где находятся склады с продовольствием, там же назначена встреча с Кисловым. Надо уходить, нам с ними не справиться. Их много.

- Вот что,- Тимошка прикурил трубку, которой пользовался еще его дед, - бери патроны и уходи. Надо дать знать нашим, что банда идет грабить тыловые склады, что идет к границе с большим запасом золота. Впрочем, нет! Одному тебе не добраться.

- Доберусь!

- Нет, не доберешься. Никифор, дорогой, нельзя, увидят - донесут бандитам. В обход надо с Арсентием, до волостного центра двести верст. Вечером, в крайнем случае ночью, вам надо быть там.

- Нет, я с тобой останусь. Пусть Арсентий с Михаилом идут в Тамбовку. У них на Бокторе дядя живет, у него есть хорошая собачья упряжка. На ней они к вечеру поспеют, а на лыжах - нет. Из Боктора пойдут на лыжах через сопки верст двадцать по дороге, а по речке - сто. Этот путь Михаилу, да и Арсентию, хорошо знаком. А я тебе здесь пригожусь, не забывай, что я ходил в разведку, все хорошо знаю о бандитах.

- Дело говоришь, - согласился Тимошка, - ребята надежные, зови их.

Через двадцать минут Михаил и Арсентий с винтовками были у председателя.

- У вас мало времени. Винтовки тяжелые будут мешать в пути...

Достал два револьвера с обоймами, передал ребятам.

- Это будет сподручнее. На дня два мы банду задержим. Пусть дядя предупредит Павла Наймука, если вы его дорогой не встретите, чтобы он соблюдал осторожность. Если в Кондоне все будет спокойно, пусть идет ко мне на помощь. Все поняли?

- Все, - ответили ребята.

- Вот что, Дзяпи, зови чоновцев, кто остался в стойбище, и как можно быстрее:

- Осталось без нас пятеро: Васька Бормотов, Дмитрий - сын Игната, Александр Самар, Павел Самар и старик Дзяпи. Остальные с Павлом Наймуком ушли; кто на охоту, белку в Бокторских кедровиках промышляет, - ответил Никифор.

- Молодец, все знаешь, - похвалил юношу Тимошка. - Ну, беги, зови.

Через полчаса чоновцы были у председателя Совета.

- Ты, Дмитрий, ступай на пост, а то не ровен час, кулаки подожгут склады.

- Хорошо, командир, - и Дмитрий скрылся в дверях.

Тимошка ознакомил чоновцев с оперативной обстановкой, с результатами разведки Никифора Дзяпи.

- Положение серьезное, бойцов у нас мало, да и сочувствующих охотников в стойбище нет, все на охоте. Зато кулаки на месте. А их человек двадцать с работниками наберется. Не ровен час, могут выступить! И на банду надо, - он немного помолчал, раскуривая погасшую трубку. - С собой беру Чумбока и Никифора Дзяпи, остальные будут охранять склады. По одиночке вас перебьют, как бурундуков. Старшим остается Бормотов. Станковый пулемет оставляю вам, а ручной беру с собой, выступаю сейчас же. О том, что я вам рассказал, никому ни слова. Поняли?

- Поняли, командир! - ответил Васька Бормотов, - Не волнуйся, склады отстоим.

- Хорошо. Если Павел Наймука подойдет, отправляйте его на Холодную. Пусть уходит из стойбища скрытно и соблюдает осторожность. И вы не ловите мух.

- Все будет хорошо, - ответил Васька.

В три часа ночи отряд из трех человек незаметно вышел из стойбища. Пройдя километров пять на юг, лыжники круто повернули на восток, миновали гряду сопки, а затем двинулись марью на север. Ветер и снег бил в затылок, подгоняя, и тут же заметал следы.

Чумбок понял маневр командира, Тимошка путал следы, значительно, на три трубки сокращал при этом путь. В первую очередь решили идти на Эвур, чтобы разделаться с Зайцевым.

- Правильно поступил, - думал Чумбок, еле поспевая за ним.

- Бежит, как лось, с таким не пропадешь, - думал о Тимошке Дзяпи.

Через два часа пути отряд перевалил гряду сопки и вышел в долину реки Эвур.

- Вот что, командир, тут рядом охотничья землянка Михаила - твоего зама по Совету. С ним его сыновья Алексей и Миха.

- Ладно, ступай к ним и двигайтесь к лосиной сопке, там Зайцева и встретим, - сказал Тимошка, убыстряя шаг.

- Понял, петлю устроим на зайца. Я мигом! И Чумбок скрылся в темноте.

К началу рассвета Тимошка и Никифор были на месте. Сопка одиноко стояла среди мари, и русло реки вплотную подходило к ней. Левый берег был крутой и высокий, метрах в пяти от него бугрились большие сугробы, а возле сопки снег едва прикрывал лед.

- Здесь и устроим Зайцу засаду, - сказал Тимошка, маскируя пулемет за валежиной.

Минут через десять Никифор нарушил тишину:

- Кто-то идет!

Тимошка прислушался и, улыбаясь, сказал:

- Чумбок спешит с охотниками.

Через полчаса они были на месте и заняли оборону. А еще через несколько минут с верховьев реки послышался отдаленный лай собак.

- Идут, - шепотом сказал Чумбок, - видимо, взяли в Юдоми две упряжки. Собаки плохие, хорошие на охоте. На упряжках, конечно, золото.

Вскоре сквозь морозный туман чоновцы увидели силуэты людей. Шли они гуськом: четверо впереди, еще четверо тащили упряжки, помогая собакам, двое шли гуськом позади нарт.

- Они прошли сорок километров - сказал Тимошка, - видишь, как плетутся, еле ноги передвигают. Видимо, у сопки решили сделать привал.

- Место хорошее, сухие дрова есть, - сказал Михаил Антонович - пожилой охотник со шрамом на лице, он в первом и во втором созыве Совета избирался заместителем председателя. А когда Тимошка уходил воевать с белыми в низовья Амура зимой и весной двадцатого и зимой двадцать второго под Волочаевку и Хабаровск, он оставался за председателя и выполнял обязанности милиционера по охране складов и стойбищ от банды. И не раз в схватках с хунхузами и белыми показывал храбрость и отвагу.

- Стрелять начнем по моей команде, как все спешутся, - сказал Тимошка, наводя пулемет.

Все замерли. Бандиты приближались. Собачьи упряжки остановились у подножья сопки, вооруженные люди столпились, о чем-то совещаясь, и тут раздался пулеметный и оружейный огонь. Паника. Стоны. И через несколько минут все стихло. Испуганные собаки пробежали метров пятьсот и, свалив на бок нарты, остановились. К ним бросился проворный Чумбок.

В нартах оказалось шесть пудов золота, десять мешков с пушниной, мешок с продуктами. Чоновцы выбрали тринадцать винтовок японского образца, шесть револьверов, браунинг и два маузера. Закопав в мари убитых, отряд Тимошки в полдень двинулся на стан Холодный. Чтобы ускорить путь, Тимошка послал упряжки с Алексеем в Кондон, а сам во главе четырех бойцов двинулся навстречу полковнику Кислову.

В ту ночь отряд Кислова ночевал в стойбище Абкан, что расположилось на высоком берегу в верховьях реки Сироки. Сироки берет начало в десяти километрах от стана Холодный.

В стойбище мужчин почти не было, все были в тайге на промысле, кроме охотника Кого Бельды, который пришел в стойбище проверить свою молодую жену. Бандиты разошлись по юртам, легли спать к женам и дочерям охотников. Кислов, брезгуя ночевать в нанайских юртах, велел разложить палатку, где из толстого слоя хвой была устроена постель. Сверху был разложен спальный мешок, сшитый из медвежьей и собачьих шкур. В палатке также была установлена небольшая печурка, склепанная из жести. Веселым пламенем горели дрова в печке, возле которой склонился пожилой солдат. В палатке жарко, пьяный полковник валялся на своей постели. Вдруг он приподнялся и громко крикнул:

- Иван, хватит хныкать. Лучше приведи жену того молодого гольда, который под арестом сидит.

- Слушаюсь, ваше благородие! - рявкнул солдат и мигом выскочил из палатки, надевая на себя шинель.

Через полчаса солдат возвратился, ведя за руку молодую жену Кого Бельды.

- Смотри ты, - вставая, сказал Кислов, - гилячка, а приятная, - он хохотнул.

Грозно глянул на солдата из-под густых, черных бровей.

- Пошел вон! - и шагнул к женщине. Подойди, черноглазая, ну, шаманка.

Она не понимала его, угрюмо смотрела в угол палатки, где прямо на земле валялись груды беличьих, соболиных, лисьих шкур.

- Ну и шаманка, дурнушка! - радовался офицер. Лицо его побагровело, губы подрагивали.

Пошел! - замахнулся он на солдата.

Тот отпрянул и исчез за пологом палатки.

Она все стояла на месте без движения и смотрела на огромного человека. Молчала даже тогда, когда он сдернул с ее плеч куртку из выделанной кожи, и она осталась голой по пояс. И вдруг прыгнула к лежащему на столе нагану. Сильный удар свалил ее на груды шкур.

Утром полковник самолично расстрелял Кого Бельды. Потрясенная женщина схватила винчестер и разрядила обойму в сторону полковника, но промахнулась, при этом убив одного бандита, другого тяжело ранив.

Женщину схватили, отрубили руки и ноги, выкололи глаза, отрезали уши и язык. Потом повесили.

- Что с раненым делать? - спросил у Кислова коренастый бандит в лохматой папахе.

- Раненого кончить. Пушнину и все, что есть ценного, забрать, юрты сжечь. Да - а, дорого обошлась нам эта красотка. Которая это у нас на счету вместе с мужем?

- Сто девятнадцатая, ваше благородие, за период похода по Амгуни. А любовница двадцатая...

Когда на землю стали спускаться сумерки, к стану Холодный подъехали олени и собачьи упряжки. Бандиты с радостными криками попрыгали с нарт и, подойдя к скла-

ду, стали сбивать замки. Они не сразу услышали стрельбу. Через полчаса с бандой Кислова было покончено. Четырнадцать человек было убито. В плен взяли троих и самого Кислова, их доставили в волостную милицию Нижней Тамбовки.

В конце января 1923 года, через месяц после боя на стане Холодный, пришли в Кондон на лыжах три человека от ревкома Кербинских золотых приисков. Они попросили Тимошку перевезти продовольствие со складов стана на прииски, где начался голод.

- Сколько надо оленьих и собачьих упряжек? - спросил Тимошка у комиссара.

- Оленьих - пятьдесят нарт.

- В стойбище - десяток собачьих, остальные - на промысле, - задумался председатель.

Выход из трудного положения нашел Дзяпи, присутствовавший при разговоре.

- На Харпичанских марях пасется оленье стадо богача Сулунгу. Можно взять оленей, которые ходят под выюками. Пастухов я знаю, помогут.

Так и решили. Для сопровождения и охраны грузов Тимошка выделил двенадцать человек, почти весь свой отряд, а сам, по причине ранения в ногу во время боя с бандой Кислова, остался с Васькой Бормотовым охранять партизанские склады. Ошибся Дзяпи в том, что Сулунгу не заметит отсутствия выючных оленей. Узнал он об этом в тот же вечер. Но что делать, разговор с Тимошкой короткий, чуть что - ставит к стенке, и отбить их вместе с грузом сил маловато. Затаил он злобу, но на время смирился.

А через три дня ночью к Сулунгу пришел из тайги человек - посыльный от китайских контрабандистов - спиртоносов, которые, как и хунхузы, спаивали и грабили коренное население тайги. Сулунгу тут же решил встретиться с главарем. Такая встреча состоялась в стойбище Горюн, в десяти верстах от Кондона.

- У меня в отряде десять человек. Вооружены одной винтовкой, остальные - охотничьи ружья да копыя, - сказал китаец Ван.

- У меня есть оружие, есть десять вооруженных парней.

- Но у них пулемет.

- Пулемет Тимошка отдал Наймуке сопровождать на Керби грузы. Возьмем склады. Там золото, оружие, продовольствие, пушнина, - хитрил богач.

Он знал, что отряд чоновцев и милиция вывезли золото и пушнину, отобранную у Кислова и Зайцева, в волостной центр, но он хорошо знал и алчность китайцев.

- Вооружимся, сделаем налет на Керби, перебьем всех комиссаров, а заодно и красных нанайцев во главе с Наймукой, всех, как щенков, - потер руки Сулунгу.

- Люто ненавидит он Тимошку и его рабов, но черт с ним, золото - главное, - подумал Ван, а вслух сказал:

- Хорошо, побьем Тимошку и твоих красных нанайцев. Но половину золота ты отдашь мне.

- Отдам все, только покончи с Тимошкой, - заявил лукаво богач.

Ночь. Воздух трещит от мороза. Стреляют деревья. Скрипучий снег отражает звуки. Тимошка сидит у керосиновой лампы и читает «Дело Артамоновых».

«Хорошо бы перевести на нанайский, - думает Тимошка, только жаль, нет у нас своей письменности. Попрошусь учиться, стану писать книги, учить грамоте детей».

Вдруг до чуткого его уха долетел какой-то шорох. Кто-то остановился возле дома и сопит. Тимошка поднялся, схватил маузер и, затушив лампу, подошел к двери. Вышел в темень, осторожно двинулся к изгороди.

- Кто? - резко спросил.

- Это я, дядя Тимошка, - послышался мальчишеский голос.

- Ты, Акимка? - Я.

- Ну иди, что в такую темень пришел?

- Мара послал предупредить, что Сулунгу с хунхузами убивать тебя ночью будет. Их человек двадцать. Вооружены плохо.

- Когда придут?

- Скоро придут из леса хунхузы, они знают, что вы дома. Мара велел сказать, что до утра надо продержаться, за это время он успеет собрать охотников.

- Ладно, пусть идут. А ты, малец, беги к отцу. Скажи, Тимошка благодарит его за весть.

Пройдет время, и этот маленький мальчик станет первым нанайским писателем...

После ухода Акима Самара Тимошка спрятал в подполье все ценные бумаги, прихватил ручной пулемет и другое оружие, находившееся дома, и пробрался в церковь на колокольню, которая возвышалась над селом. Отсюда хорошо просматривались партизанские склады. Снег и луна создавали хорошую видимость. «Предупрежу Ваську, пусть гранатами встретит бандитов, а я садану с вышки», - думал Тимошка, спускаясь по лестнице. Он растолковал Ваське суть дела и прихватил тулуп, чтоб не замерзнуть.

На востоке посветлело. И Тимошка увидел, как по руслу реки к селу на лыжах приближались двадцать человек, они вышли на берег возле школы, прошли по селу. Из дома Сулунгу вышли семеро вооруженных людей, и всей гурьбой бандиты направились в сторону складов. Среди них выделялся высокий старик с белой седой бородашкой - Сулунгу.

Возле дома Тимошки бандиты спешили, окружили дом. Хунхуз тихонько вошел в дом, но через несколько минут вышел. Ван и Сулунгу не поверили, что дома никого нет, пошли проверить. Столпились напротив сторожки, обсуждая, что делать.

- Это хорошо, что все здесь, - и Тимошка нажал на спуск...

Бой утих. На белом снегу, освещенном утренним солнцем, лежало двадцать шесть трупов. Залаяли собаки Сулунгу, их вой подхватили другие, в домах богатеев зарыдали женщины. А с запада, со стороны тайги, вышел отряд охотников. Впереди - Дмитрий Самар, отец мальчика Акима.

В конце мая 1925 года возле здания сельсовета, на зеленой полянке собралось все население стойбища Кондон. Задымили трубки, люди решали важное дело: начальство из районного центра просило лесных людей явиться в Хабаровск на совещание.

- От нашего стойбища, - сказал Тимошка Самар, - надо послать одного представителя.

Охотники и рыбаки раздумывали: кого послать, кто достоин? Шаман Поко сидел, нахохлившись, мрачно поглядывая на огонь костра, который горел на берегу реки. Над костром на рогатине висело ведро, кипятили чай для участников совещания. Возле ко-

стра хозяйничала нанайка Туру - жена старого охотника Игната. Поко не нравилось то, что происходило в стойбище.

- Духи, помогите мне, - призывал духов шаман, - помогите, чтобы люди не послали на это совещание Тимошку, который продался русским, забыл наши традиции и законы.

- Я считаю, - заявил Михаил Самар, - надо послать человека и просить, чтобы в стойбище прислали учителя, детей надо учить грамоте; прислали врача, открыли контору по приемке пушнины, дичи, ягоды и открыли магазин.

- Лучше сдохнуть, чем идти к русским, - перебил Михаила шаман, - не пропадем без них, с русскими к нам пришли все беды. У нас свои законы, обычаи...

- Зачем нехорошо говоришь о русских? - возмутился охотник Игнат, глава большой семьи, - сейчас все одинаковы - лоча и нани. У нас и у лоча одна земля.

- Верно говорит Игнат, - зашумели люди.

Шаман посмотрел на Игната, потом встал и устало зашагал к берестяной оморочке, сев в которую, поплыл вверх по реке к своему дому, расположенному на противоположном берегу. Тем временем у костра шла оживленная беседа. Кондонцы выбирали делегата. Кто-то заметил:

- Надо выбрать человека, умеющего говорить с властями, умеющего бумаги читать.

- Надо послать Тимошку, он не хуже лоча бумаги читает, сам пишет и песни сочиняет. Пусть едет Тимошка, - сказал древнейший житель стойбища - дедушка Китоне.

- Правильно! Тимошку! - неслось с мест. Это кричали молодые охотники, старики степенно кивали головами в знак согласия.

На следующий день кондонцы провожали в дальнюю дорогу своего председателя Тимошку Самара.

- Бери самую быструю, - сказал Павел Наймука, оглядывая опрокинутые кверху днищем лодки.

- Бери мою! Нет, у меня лучше! - наперебой предлагали охотнику и рыбаки свои лодки.

К Тимошке подошел Дзяпи Никифор:

- Бери, Тимошка, мою берестяную оморочку, она легкая, понесет тебя по Горюну до Средней Тамбовки, а до Хабаровска доберешься русским пароходом.

Все согласно закивали, зная, что Дзяпи - лучший мастер по изготовлению оморочек и лодок.

На ней и уплыл Тимошка, оставив за себя Павла Наймука и Никифора Дзяпи. Долго стоял на вершине скалистой сопки старый Коника, провожая глазами удаляющийся силуэт оморочки своего внука. Тревогой было охвачено его сердце. И как тут не волноваться, второго внука отправлял в дальнюю дорогу старый Коника. Первый не вернулся, сгинул на далекой земле. А этот...

Поеживаясь от холода, Тимошка поднялся с тальниковых веток и прошелся по берегу реки. На противоположном берегу Горюна с годами нагромоذيлся завал из вековых деревьев, голых коряг и камней, а теперь в пене, с диким воем билась река об завал, упорно пытаясь разбить свое творение. А здесь, где стоял Тимошка, был небольшой за-

ливчик, глубокий и прозрачный, как слеза. Тимошка сидел и наблюдал, как в воде резвилась молодь, как за проворным пескарем охотилась зубастая щука.

- Надо торопиться, - подумал он, набивая трубку листовым табаком. К вечеру надо добраться до стойбища, рассказать, что видел и слышал в Хабаровске.

На второй день работы съезда выступил Тимошка. Он говорил о борьбе с хунхузами и белобандитами, о том, как строится Советская власть в Горино-Амурской тайге, о работе кондонского туземного Совета. Высказал просьбу, чтобы в селе открыли заготовительный пункт и магазин Охотсоюза. Что во многих госторгорганизациях работают вчерашние торговцы, которые с одной стороны служат, а с другой - выжимают и собирают свои долги. В настоящее время старые торговцы работают в селе Вознесенском, в Дальгосстрое: Алексей Руднев, Иван Руднев - в селе Верхне - Тамбовском, в Охотсоюзе. А в Нижне-Тамбовском Охот-союзе работают Лейкерман - торговец, бывшие китайские торговцы - спекулянты Лаум и Александр Ван, которых надо выгнать и принять новых работников.

- Надо, - сказал он, - организовать рыболовецко-промысловые артели, дать средства для устройства питомников, в которых надо разводить соболей и лисиц, открыть в стойбищах школы, фельдшерские участки, избы-читальни, заготовительные конторы Охотсоюза...

С 15 по 23 июня 1925 года в Хабаровске проходил Дальневосточный съезд народностей Севера. На съезд съехалось девяносто человек, среди них чукчи, коряки, эвенки, негидальцы, ульчи, нивхи, нанайцы, якуты и другие народности, проживавшие на территории Дальнего Востока. От Хабаровского уезда было избрано четырнадцать делегатов. Среди них товарищи Тимошки по партизанскому движению: Михаил Бельды, Богдан Ходжер, Алексей Заксор. Был приглашен и Тимошка.

Съезд принял решение по ряду вопросов о Советской власти, кооперации, оленеводстве и охотничьем промысле, о школьном деле и медицинской помощи, о работе среди женщин и молодежи.

По предложению Тимошки было принято решение открыть в Кондоне кооперативный торг Охотсоюза, медицинский пункт, направив фельдшера, акушерку, учредить при нем три койки, открыть школу с интернатом, уволить бывших торговцев, запретить торговлю китайцев в стойбищах на реках Горюн и Амгунь, определить сроки охоты на соболя, белку, лисицу и хорька с 15 ноября по 15 февраля.

...

Тимошка подошел к оморочке, плескающиеся ленки и хариусы бросились врассыпную. Он медленно поплыл вверх по горной реке мимо нависших над водой тальников. А в это время раздались выстрелы...

Знаменитый охотник и следопыт тайги, бывший председатель колхоза «Сикау Покто» в 1936-1949гг., а в 1950-1973гг. - заместитель председателя этой же артели Никифор Дмитриевич Дзяпи /годы жизни 1903 -1986гг/.

Дзяпи рассказывал о своем знакомстве с секретарем Далькрайкома партии Я.Б. Гамарником. Первая их встреча состоялась в 1926 году. Дзяпи в Хабаровск отправили кондонцы. Просили рассказать о своих бедах. Большую поддержку нанайскому ходуку

оказал тогда В.К. Арсеньев. Он вместе с Липским присутствовал при беседе Дзяпи с Гамарником.

- Как зовут, кем работаешь? - задал вопрос Гамарник.

- Никифором зовут, я из нанайского рода Самар. Занимаюсь охотой, являюсь заместителем председателя Горино-Самагирского туземного совета.

- Как прошел у вас зимний промысел?

- Неважно.

- Но почему так плохо в эту зиму?

- Лет двадцать тому назад в нашем крае можно было добыть любого зверя, потому что его было много. За несколько десятков лет численность зверя в тайге, особенно соболя, резко сократилась. Тогда кондонские охотники обратились к Арсеньеву о введении запрета охоты на соболя.

- Это верно, горюнцы с такой просьбой в 1909 году обращались к генерал-губернатору, - подтвердил Арсеньев. - Запрет был установлен с 1910 по 1915 год.

- Пять лет охотники терпеливо ждали конца срока, - продолжал говорить Никифор, - не убивали соболей. А охотники - братья Константин и Федор Кого, старик Иннокентий Духовской, Канна, Кеста, Коника, Кэвэну и Федор Самар ходили в Якутские горы, ловили там соболей и привозили их на Горюн, выпускали в тайгу. Горюнцы даже несколько лет после запрета не охотились на соболя. В то время было достаточно других зверей, без соболя можно было обойтись.

Раньше кондонцы не знали охотничьих билетов. Каждая семья по указу генерал-губернатора от 1909 года имела свой определенный охотничий участок, куда никого не допускали, даже своих родственников, если те жили самостоятельно. Первый съезд инородцев Нижне-Тамбовской волости поддержал этот указ губернатора о закреплении охотничьих участков за индивидуальными хозяйствами. Такое же решение принял и Первый съезд туземцев Дальнего Востока.

В 1926 году было принято решение о ликвидации родовых охотучастков, они вошли во владение лесничества. Лесничий выдает охотничий билет всем желающим, кто уплатил взнос - 2 рубля 50 копеек в год. Поэтому в наших лесах появилось много охотников, которые охотятся повсюду, в любое время года, никто не запрещает, лишь бы билет был.

- Что вы предлагаете? - спросил Гамарник.

- Закрепить за нанайскими селениями, родами и индивидуальными хозяйствами охотничьи угодья и водоемы. Запретить охоту на соболя и выделить средства на его разведение. Упорядочить систему охоты.

- Хорошие предложения. Продолжайте.

- Что-то неладное творится у нас с торговлей. До 1924 года у нас на Горюне торговали китайцы, амурские крестьяне да наши частники - нанайцы: братья Константин и Владимир Духовские, Кого Самар. Им запретили торговать. Вместо них появились организации Дальторга и крестьянского кооператива. Сейчас на Горюне занимаются торговлей организации Охотсоюза, которые взяли к себе на работу бывших купцов. Так, например, в нашем Горюно-Амурском туземном товариществе Охотсоюза работают бывшие торговцы - братья Алексей и Иван Рудневы, картежник Сашка Шейкерман, ки-

тайские спекулянты Лау и Александр. Им стало очень хорошо. С одной стороны, служат, в с другой - выжимают и собирают долги, спаивают нанайцев, продают вино и спирт в счет пушнины. Расплату за пушнину ведут нечестно. Иногда охотники ждут их по два, а то и по три года. До сих пор в селе не открыли начальную школу-интернат, фельдшерско-акушерский пункт. Чтобы улучшить жизнь нанайцев, необходимо выполнить все, что я предложил. И еще предлагаю организовать артели, выделить средства для обустройства питомников по разведению соболей и лисиц, организовать в селениях Кондон и Боктор пункты по приему пушнины и дикоросов.

Дзяпи часто вспоминал эту встречу с Гамарником и Арсеньевым. Он очень уважал их и ценил знакомство с этими замечательными людьми.

Гамарник помог выполнить все предложения, высказанные Дзяпи. Много помогал нанайцам, как отмечал Дзяпи, Арсеньев. О Липском, напротив, Дзяпи отзывался отрицательно. Он слышал о том, что Липский сочинял доносы на Арсеньева, Гамарника и председателя нанайского райисполкома Богдана Хеджера.

Дзяпи рассказывал о том, как летом 1938 года на Горюн приезжал Липский. Как он разъезжал по нанайским селениям в форме сотрудника НКВД с пистолетом. Называл себя то ученым-этнографом, то археологом, то сотрудником НКВД. Отрывал колхозников от работы, требовал, чтобы они вели археологические раскопки под дулом браунинга заставлял рыть могилы предков в стойбище Наан, в селении Хуинда, устроил фотографирование родов.

- Из селения Синдан в Кондон его привезли на лодке, - вспоминал Дзяпи. - Зашел ко мне в правление, барским тоном потребовал выделить ему квартиру, истопить баню, назначить колхозников для проведения антропологических исследований на старом кладбище. Я сказал, что решить эти вопросы без правления колхоза не могу. Тогда он стал хвататься за кобуру и угрожать мне. Но правление и исполком сельского Совета ему отказали в решении этих вопросов, как и в предоставлении ему лодки с гребцами и в отпуске товара, который был положен только для пайщиков кооператива. Ушел он из Кондона пешком до соседней станции Горин. Нанайцы сильно боялись этого «ученого» и за версту обходили его, - завершил свой рассказ Никифор Дзяпи.

В ноябре 1925г. после убийства бандитами Тимошки в нанайских селениях на Горюне прошли выборы в Горюно-Сама-гирский туземный совет Нижне-Тамбовского района Дальневосточного края. Большинство в данный совет были избраны из числа жителей с. Наан и по одному члену от сел Кондон, Боктор. Председателем Совета был избран Антон Самар, его заместителем - Константин Кого - Самар.

В 1926-1927гг. проходила ожесточенная борьба между кондонцами и нанайцами за охотничьи участки и рыболовецкие тони на озере Эворон и его притоках. В связи с этим началась эмиграция жителей Кондон в амурские села. Так, в село Бичи переехала большая семья охотника Дмитрия Самар, отца первого нанайского поэта Акима Самар.

В декабре 1927 г. на выборах в Горюно-Самагирский туземный совет Нижне-Тамбовского района Дальневосточного края победили кондонцы. Председателем был избран Павел Алексеевич Наймука, его заместителем стал Павел Самар. С этого периода начался выезд на Амур жителей Наана и Хуинды.

В 1926г. изучением материальной культуры горинских нанайцев занимались сотрудники экспедиции Академии наук СССР под руководством Н.К. Мргера и И.И. Козьминского. По данным этой экспедиции, в селах на реке Горюн в этот период проживало: в Бичах - 101 человек, в Бокторе - 35, Наане - 53, Хуин-де - 38, Кондоне - 97, Ямихте - 56, Сорголе - 60, Таломде - 13, Намекане - 22.

В 1927г. в Кондон приехала учительница В.И. Пяхкель. Она открыла в селе четырехклассную школу.

В 1930-1931гг. на Горюне работала Амурская Красная Юрта во главе с А.П. Путинцевой. В Кондоне открылись почта, магазин, клуб, баня, больница на пять коек, начальная школа-интернат, метеостанция, госприемник по разведению охотничьих собак-лаек. В клубе была установлена киноустановка. Первый киномеханик села - Васильев. Заведовал фельдшерско-акушерским пунктом с 1926г., а затем с 1931г. - и больницей известный на Амуре доктор Алексей Матвеевич Мартыненко /1880-1960гг./. За самоотверженный и добросовестный труд он был награжден орденами Ленина, «Трудового Красного Знамени», орденом «Знак Почета».

В августе 1930 г. большая группа комсомольцев из селений Сорголь, Ямихта, Кондон, Наан выехали в Ленинград на учебу в институт народов Севера. Много интересных и ценных наблюдений, коллекций и материалов собрал о жизни нанайцев В.К. Арсеньев. На их основе писатель создал много замечательных книг. С целью изучения этнографии и быта Горюнских нанайцев В.К. Арсеньев посетил Кондон летом 1930г. В этом путешествии его сопровождал К.Я. Луке - председатель Комитета народов Севера.

10 апреля 1931 года в Кондоне образовался колхоз «Сикау Покто». В него вступили также жители соседних сел: Сорголя, Ямихты, Хуинды, Наана, Синдана. Председателем этого хозяйства был избран П.А. Наймука, а председателем сельсовета стал Д.В. Самар. Затем руководителями колхоза работали Д.В. Самар, В.П. Самар, Н.Д. Дзяпи, Г.И. Духовской, Лаптев, Н.Д. Дзяпи, И. А. Герасимов, Е.В. Самар, И.А. Герасимов, Р.И. Визгерж, П.З. Самар, А.Я. Бурматов, В.И. Непомнящий, Г.А. Самар.

В мае 1931г. в селе Боктор была создана охотничье промысловая артель «Горная речка». В 1931г. в Горино-Амгунском районе работали Амгунская и Нижне-Амурская комплексные экспедиции Дальневосточной академии наук. Эти экспедиции внесли большой вклад в исследование природы, природных ресурсов и хозяйства Приамурья.

В августе 1933г. после окончания Ленинградского института народов Севера вернулась первая учительница В.И. Пяхкель. Она работала директором школы. Вильгельмина Иоганновна сыграла большую роль в культурно-просветительской и воспитательной работе среди кондонцев и вложила много сил в развитие села и колхоза. В 1936г. Пяхкель перевели директором в Нижне-Халбинскую семилетнюю школу-интернат. В 1939г. она становится заведующей отделом народного образования Комсомольского района. Она укрепила материальную базу сельских школ. В 1944-1945гг. Пяхкель вновь работает директором Кондонской школы. 4 мая 1945г. она умерла от укуса энцефалитного клеща. За свой самоотверженный и добросовестный труд В.И. Пяхкель была награждена орденом «Знак Почета» и знаком «Почетному железнодорожнику».

Летом 1932г. на Горюне и Амгуни появились изыскательские партии по поиску и проектированию БАМа. В селе Кондон находилась центральная база' изыскательской экспедиции. Груз сюда доставляли с Амура на лодках по реке Горюн. Гребцами работали кондонские рыбаки. Лучшие следопыты-охотники работали проводниками у изыскателей. «А сколько собачьих упряжек, вьючных оленей, лошадей передали проектировщикам? Много! - рассказывал Н.Д. Дзяпи. - Наверное, человек двадцать, а то и более, из числа самых лучших охотников-колхозников работали с мая по сентябрь в поисковых партиях в 1932-1937гг. Мне два сезона пришлось работать в партии Хрулева на участке - Кондон-Эворон-Мони-Дуки». В сентябре-октябре 1938г. кондонские охотники-следопыты приняли самое активное участие в поисках героического экипажа самолета «Родина».

В 1938г. колхоз «Сикау Покто» был переведен на сельскохозяйственный устав. Кондонцам было запрещено заниматься рыбодобычей. В 1956г. данное хозяйство было переведено в рыболовецкую артель. Но зато в 1939-1969гг. вместо исконных хозяев на водоемах озера Эворон и его притоках, на реках Девятка и Горюн вели лов частиковых пород рыб 22 амурских колхоза, 11 рыболовецких бригад Амурлага и 10 бригад Гослова. Для переработки рыбы на Эвуре, в Кондоне и в Наане Нижне-Тамбовский комбинат построил рыббазы.

В 1939г. проходили выборы в Кондонский Совет депутатов трудящихся. Председателем сельсовета был избран М.И. Миронов. В этот период к территории данного сельсовета относились населенные пункты: Боктор, Наан, Хуинда, Сорголь, Кондон, Ямихта, Хурмули, Горин, Харпичан и более десятков колонн Амурлага. В 1932г. Горюнский туземный Совет был преобразован в Кондонский сельский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Нижне-Тамбовского района Дальневосточного края. В состав сельсовета входила большая часть нынешнего Солнечного района, исключая участок по долине реки Амгунь и поселка Дуки. В 1949г. здесь был создан сельсовет.

В 1933-1934гг. Кондонский сельсовет входил в состав Комсомольского района ДВК, затем - в Комсомольский-на-Амуре городской Совет ДВК, а с 1939 по 1977гг. - в состав Комсомольского района Хабаровского края, с 21 апреля 1977г. вошел в состав Солнечного района Хабаровского края. В 1991г. были прекращены полномочия исполнительного комитета Кондонского Совета народных депутатов. Была создана администрация села Кондон Солнечного района

**В.Г. Берсенёв, член Приамурского
географического общества**

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПРИАМУРЬЕ

Отрывок из документальной повести «На плёсах
Амура»

Чем ближе к Хабаровску, тем беспокойней. В Вознесенске замучен и казнён комиссар партизанского «морского» отряда Иван Иванович Шерый, схваченный в Иннокентьевке. Выпорот нагайками Василий Акакиевич Берсенёв за связь с партизанами. Сельчане спасли его, вывезли на заимку, где он отлежался и ушёл в краснопартизанский отряд Г.С. Мизина, действовавший под Малмыжем. Этот отряд, называвшийся «морским», сформированный из матросов Амгуньской военной флотилии и жителей приамурских сёл, наносил удары по карателям от Синды до Малмыжа, где проживали семьи местных партизан. Действовал он с вёсельных лодок, зимой передвигался на охотничьих лыжах.

В районе, изобилующем мелководными протоками Амура, серьёзный урон врагу наносила гребная флотилия, нарушавшая судоходство на Амуре: уничтожала береговые створы, бакены. Ночами нападала на стоящие на якорё пароходы: японские и белогвардейские, и вновь уходили в глухие протоки, недоступные для вооружённых судов врага.

По рассказам И.И. Цинцевицкого, участника отряда «...однажды от нас, буквально, убежал пароход «Владивосток». В результате одного из набегов, партизаны отбили от парохода «Джож Коккериль» баржу, на которой находилось 22 тысячи пудов муки. В течение ночи 8 сентября 1919 года партизаны переправили её на лодках на острова, в надёжное место, обеспечили себя хлебом. Часть муки отдали крестьянам, которые увезли её подальше от глаз карателей на острова. Этой муки нам хватило надолго, кормились до зимы и зимой. Когда отряды пошли вниз по Амуру, их тоже снабдили этой мукой. Белые не давали нам покоя после боя в Малмыже, когда мы отбили баржу. Рыскали везде и всё время с японцами, часто в сопровождении канонерок. Высаживались в каждой деревне... Разгромить нас им не удалось, отряд рассыпался на мелкие группы».

Самой большой группой была синдинская, в которую вошли братья Луненко, братья Шерые, Степан Кашинский, Фёдор Каштанов, Стрельцов.

Секретарём партийной ячейки избрали хабаровского слесаря Василия Черных, скрывавшегося от калмыковцев в Синде. Командиром синдинской группы избрали П.Д. Малаева, которому поручили сбор оружия и организацию отряда.

В Славянке партизанскую группу возглавил матрос Амурской военной флотилии Леонтий Алексеевич Везнер. Все партизанские группы имели связь с основным отрядом Г.С. Мизина, базировавшегося в районе Малмыжа. «Морской» отряд поддерживал

связь с другими партизанскими отрядами, пользовался широкой поддержкой крестьян окрестных селений.

При создании Нижне – Амурской повстанческой армии во главе с Тряпициным, «морской» отряд вошёл в неё составной частью. Повстанческая армия на своём пути к Николаевску разгромила под Циммермановкой белогвардейцев, разогнала казаков Киселёвки, захватила крепость Чныррах и освободила Николаевск от японцев, а потом началось непонятное...

Штаб фронта оказался в руках анархо-максималистов, всё более опиравшихся на бандитствующие элементы, и героический порыв массового патриотизма трудящихся здесь был сильно замутнён своевольными, а затем сознательно преступными актами командующего партизанскими силами анархиста Тряпицына и начальника штаба эсера-максималистки Лебедевой и их сподвижников. Убийство коммунистов – командиров отрядов Г.С. Мизина, И.А. Будрина и ряда других преданных борцов, сожжения Николаевска переполнили чашу терпения. Нижне-Амурские партизаны сами освободились от преступных элементов, расстреляв в Керби по приговору суда 103-х представителей партизан, Тряпицына и Лебедеву.

Костяком организации здоровых сил явились горные рабочие из отряда погибшего коммуниста И.А. Будрина, матросы отряда Г.С. Мизина и артиллеристы Чныррахской крепости. Отряды ниже-амурцев дрались потом против японских интервентов на Хабаровском (Восточном) фронте.

Моё отношение к Тряпицыну и Лебедевой – отрицательное, а участники тех событий в Советское время подвергались репрессиям.

28 февраля 1933 года был арестован бывший матрос Амурской военной флотилии, партизан «морского» отряда Г.С. Мизина, рыбак села Славянка, Нанайского района Везнер Леонтий Алексеевич. Осуждён на 5 лет концлагерей по статье 58–10. Его семья была выслана в Нижнюю Тамбовку, где и отбывала ссылку.

Василий Акакиевич Берсенёв сгинул безвестно под Волочаевкой.

НИКОЛАЕВСКИЕ ДНИ

Об одном из самых кровавых эпизодов «красного террора» на Дальнем Востоке - Николаевск-на-Амуре был разрушен до основания, население его было целиком уничтожено. Последствия этих событий до сих пор ощутимы в российско-японских отношениях

В сознании российских людей неизгладимый след оставила японская интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке во время Гражданской войны в России в 1917-1922 годах. Тогда от пуль японских солдат и поддерживаемых ими белых офицеров погибли тысячи советских людей. Пропаганда и в СССР, и в Японии всячески скрывала истинные причины конфликтов. Так Русско-японская война 1904-1905 гг. в России изображалась как вероломный акт японских самураев, которые без объявления войны напали на российские корабли у Порт-Артура и Чемульпо. Хотя было ясно, что царское правительство строительством Китайско-Восточной железной дороги и военно-морской базы в Порт-Артуре пыталось вытеснить японцев из Китая, где у них имелись стратегические интересы. В нашей стране эта пропаганда имела собой важную цель - представить Японию в виде жестокого и агрессивного самурая и тем самым оправдать вступление Советского Союза в войну против Японии и захват островов Курильской гряды.

Большевики-разбойники

К концу января 1920 года находившиеся в Хабаровске японские войска сохраняли нейтралитет. В первые дни февраля еще держались части атамана Калмыкова. Однако вскоре Хабаровск заняли партизаны, образовавшие там красное «временное правительство» в виде революционного комитета. То же произошло и в Благовещенске.

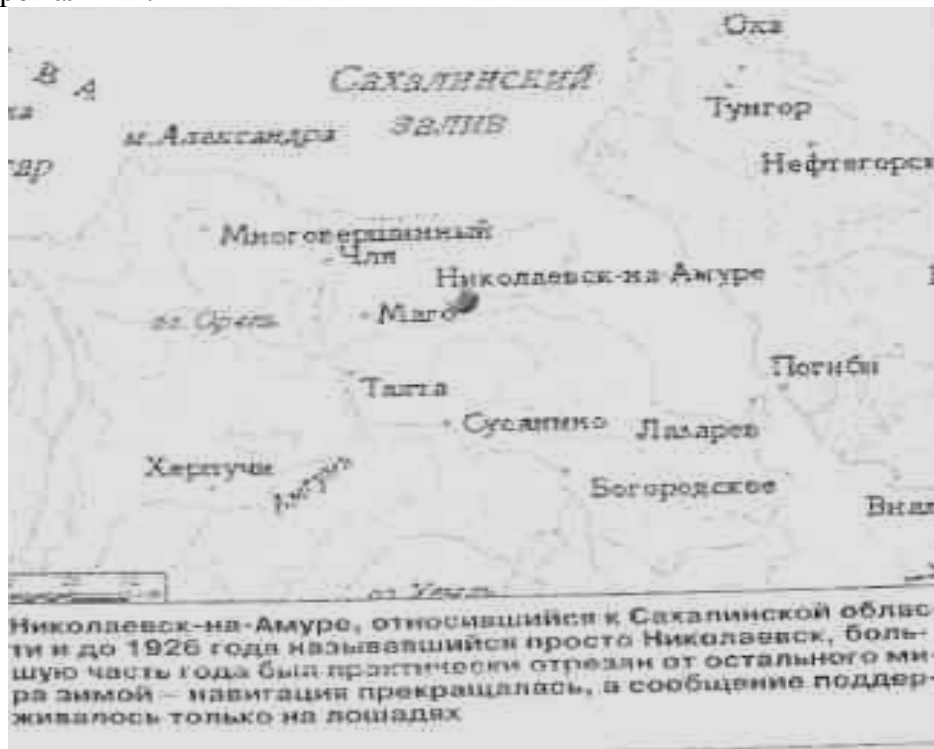
Сегодня необходимо внести коррективы в то, что называется партизанским движением 1918-1920 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. Особенно это касается Сахалинской области, имеющей ряд особенностей. Ее население, городское и сельское, состояло большей частью из переселенцев, колонизировавших край, частью из ссыльных переселенцев бывшей сахалинской каторги. Амнистия Керенского освободила из дальневосточных тюрем большое количество уголовных каторжников, занявшихся разбоями, главным образом на отдаленных золотопромышленных приисках области.

Примитивные лозунги большевиков о перераспределении собственности - «Отобрать собственность у богатых и передать ее бедным», «Вся власть рабочим, солдатским и крестьянским депутатам» - зарождали у беднейших и малоимущих слоев крестьян надежду разбогатеть за счет богатых, завладеть лучшими землями.

В Николаевском районе, где главное занятие населения в основном было связано с рыболовством, в зимний период, с прекращением навигации, работа на рыбалках останавливалась. Рабочим в городе делать было нечего, и многие из них стали заполнять ряды партизан. Их привлекала главным образом перспектива пограбить богатых «буржуев» и зажить привольной жизнью.

Большевики, завладевшие властью в Хабаровске и Благовещенске, не подчинились правительству во Владивостоке и стали устанавливать у себя настоящий коммунистический режим. Заработали чрезвычайные комиссии, ревтрибуналы, начались массовые убийства, конфискации имущества, аресты и т.д. Японское командование Хабаровска, выполняя инструкции своего Генерального штаба, охраняло лишь своих большевиков. Но пребывание японских отрядов все же мешало большевикам в их работе по очистке края от белогвардейцев. Во Владивостоке начались переговоры с японцами, имевшие целью убедить их окончательно уйти из края.

Японское правительство запуталось в своей двойственной политике и не могло решиться на какой-нибудь серьезный шаг. Большевики тоже то заигрывали с японцами, то угрожали им.

Петроградский посланец

И вот в этих условиях появляется на сцене некий Яков Тряпицын - бездомный бродяга, неизвестно откуда прибывший для насаждения огнем и мечом советской власти на Дальнем Востоке. 23 лет от роду, рабочий одного из Петроградских заводов, весной 1918 года оказался в Сибири и, как писала газета «Владивостокский коммунист» того времени, был командирован большевистским центром на Дальний Восток для организации там партизанского отряда. Из Иркутска через Маньчжурию он к концу лета пробрался в Хабаровск и оттуда был послан подпольным штабом вниз по Амуру, чтобы подготовить партизанские части для захвата Николаевского района. С именем Тряпицына связано одно из наиболее кровавых преступлений, совершенных от имени советской власти, - так называемый Николаевский инцидент.

Весь ужас случившегося отражен в резолюции, вынесенной 16 августа 1920 года Сахалинским областным съездом: «Сахалинская область управлялась именем

Социалистической Федеративной Республики в течение трех месяцев, с 1 марта по 2 июня 1920 года. В этот промежуток времени представители советской власти в области расстреляли, закололи, зарезали, утопили и засекли шомполами всех офицеров (русских), за исключением одного случайно спасшегося подполковника Григорьева, громаднейшую часть интеллигенции, много крестьян и рабочих, стариков, женщин и детей. Уничтожили всю без исключения японскую колонию с японским консулом, экспедиционным отрядом, сожгли и уничтожили дотла город Николаевск».

Город разрушен был до основания. Население же его целиком уничтожено. Количество убитых во время разгрома исчисляется официально около 6 000 тыс. человек, но фактически погибло значительно больше. Вошедшие в начале июня в город японские войска нашли догорающее пепелище и гниющие на улицах трупы людей.

В Николаевске-на-Амуре советская власть пала вскоре после падения ее в Хабаровске осенью 1918 года. В начале сентября город оказался в руках белогвардейцев. В это же время появились там и японские войска, так как Токио рассматривал Николаевск-на-Амуре важным пунктом как в стратегическом отношении, так и с точки зрения рыболовства.

Николаевский гарнизон находился в особом положении. Регулярное сообщение с городом возможно только летом, причем навигация продолжалась лишь несколько месяцев в году. Большую часть года Николаевск отрезан от остального мира, а зимой сообщение поддерживалось только на лошадях. В то время, когда все японские войска, оперировавшие в Приморье, находились между собой в постоянной связи и имели возможность всегда связаться с командованием, николаевский гарнизон с прекращением навигации предоставлялся самому себе.

7 января 1920 года японский консул в Николаевске по согласованию с военным командованием срочно телеграфировал министру иностранных Дел Утида о тревожном состоянии в городе. Он просил разрешения эвакуировать японское население. Тогда еще была возможность спасения японского населения. Но виконт Утида, получив телеграмму консула, почему-то не обратил на нее внимания. К концу января консул, убедившись в непосредственной опасности, угрожающей городу и японскому населению, вновь телеграфировал министру иностранных дел о присылке воинских Подкреплений ввиду слабости гарнизона и возрастания активности партизан.

Но и этот сигнал не вызвал в японском МИДе настороженности. Одновременно японский морской штаб получил тревожную телеграмму от старшего лейтенанта флота Мияке из Николаевска, в которой он от имени военного командования, указывая на опасность, просил незамедлительной присылки подкреплений. Но ни морской штаб, ни министерство иностранных дел не придали должного значения этим телеграммам.

Сдача города

Тем временем под влиянием успехов Красной армии в Сибири началась активизация деятельности партизан в Приамурье. В селе Анастасьевском состоялась конференция партизанских отрядов. Согласно ее решению против белогвардейских и японских сил, находившихся в Николаевске-на-Амуре, был направлен небольшой партизанский отряд под командованием Тряпицына. Было решено захватить Николаевск-на-Амуре.

Партизаны в январе 1920 года осадили город, причем осада длилась почти целый месяц. В их распоряжении оказалась крепость Чныррах (в 12 км от Николаевска), доминирующая над городом. В ней находилось несколько дальнобойных крепостных орудий.

Партизанский штаб обратился к городским властям и японцам с предложениями пропустить их в город, где они намеревались установить советскую власть. Получив отказ, они открыли по городу артиллерийский огонь. Чтобы избежать кровопролития, городской голова и председатель думы прибыли к красным на переговоры об условиях сдачи города. Были согласованы следующие условия: 1) гарнизон белых должен все оружие и снаряжение сдать японскому командованию, которое также разоружает и добровольческую дружину; 2) все военные и гражданские лица до прихода красных в город должны оставаться на местах; 3) мирное население не должно подвергаться террору, имущество и личность каждого должны быть неприкосновенны; 4) охрана города до прихода красных лежит на обязанности японского командования, которое оставляет за собой лишь посты, занимавшиеся им ранее в целях охраны своего населения.

Штаб Тряпицына. Николаевские партизаны

Городские власти, тщательно изучив предложения партизан, высказались за необходимость в целях спасения города от разгрома допустить вступление красных и заключение с ними мира. Белогвардейское командование, однако, не разделяло этих взглядов и утверждало, что такая капитуляция приведет к полной гибели русского военного отряда и всего городского населения. Вопрос окончательно решило японское командование, которое 27 февраля получило указание из хабаровского японского штаба не препятствовать организации той или иной русской власти в городе, лишь бы спокойствию и жизни мирного населения не угрожала опасность.

Центральное японское командование в конце января 1920 года приняло решение войти в соглашение с социалистами, выступающими за прекращение гражданской войны, за примирение с коммунистами и создание буферного государства, в котором эсеры собирались осуществить верховную власть. 31 января японцы допустили приморских партизан во Владивосток под лозунгом «Вся власть земству!». Почти одно-

временно были допущены японцами красные партизанские отряды на таких же условиях в Хабаровск и Благовещенск.

Японский штаб рассматривал отряд Тряпицына как часть войск, подчиненных хабаровскому революционному командованию, и был, очевидно, уверен, что стоило только договориться с командующим красными войсками в Хабаровске Булгаковым об условиях вхождения в город, чтобы больше не тревожиться за последствия этого шага.

27 февраля 1920 года состоялось подписание соглашения о вступлении отряда Тряпицына в город Николаевск на вышеприведенных условиях. В тот же день начальник российского гарнизона полковник Медведев предпочел позорной сдаче партизанам выстрел из собственного пистолета в висок.

С первых же дней пребывания партизан в городе начались грабежи, массовые аресты белогвардейцев, состоятельных граждан и интеллигенции. Тюрьма города оказалась переполненной. При этом среди арестованных было очень много обыкновенных обывателей и мелких рыбаков. Все белые солдаты и офицеры поголовно объявлены врагами народа: Тряпицын начал выводить их из тюрьмы и расстреливать. В результате очень многие мирные жители, а не только белогвардейцы, вынуждены были укрываться под защитой японских штыков.

«Никому не нужный бой»

Тряпицын понимал, что только японцы могут помешать ему стать абсолютным хозяином в городе. Поэтому 10 марта предъявил им ультиматум, в котором предписывалось японскому гарнизону добровольно разоружиться и сдать оружие партизанскому штабу. На исполнение ультиматума красные дали японцам двухдневный срок, оканчивающийся в 12 часов ночи 12 марта.

11 марта несколько японских офицеров во главе с майором Исикава отправились к Тряпицыну, чтобы попытаться уладить возникший конфликт мирным путем. Однако Тряпицын повторил майору свое требование о сдаче оружия. Исикава категорически заявил, что о принятии предложения о разоружении не может быть и речи, ибо подобный образ действий несовместим с высоким званием солдата и офицера японской армии.

Японскому командованию оставалось одно: сделать последнюю попытку спасти свое положение, а если это не удастся, то умереть с честью. Около часа ночи 12 марта японские отряды повели наступление на партизанский штаб, где находился почти весь командный состав. Они подожгли помещение и стали обстреливать его пулеметным огнем. Однако многим удалось спастись бегством. Сам Тряпицын был ранен в ногу и бежал из горящего здания. Что касается большинства партизан, то они были рассредоточены по всему городу и, когда началась стрельба, быстро смогли включиться в бой.

Японцы оказались атакованными с флангов и тыла. Из снежных траншей, расположенных по тротуарам, партизаны обстреливали японцев из ружей и пулеметов. Только немногие добежали до своей казармы, большинство были тяжело ранены или погибли на улицах и в домах. Партизанам удалось взять в плен 147 человек, которых же расстреляли.

14 марта партизаны решили приступом взять здание японского консульства, в котором находилась часть гарнизона. Здание было окружено со всех сторон, подожжено и обстреляно орудийным и пулеметным огнем. По версии, исходившей от одного случайно спасшегося слуги консула Исида, последний после начавшегося пожара убил свою жену и детей, а затем сам застрелился.

В ночь на 13 марта японских женщин с детьми, заключенных утром 12 марта в тюрьму, вывели на берег Амура и там зверски убили. Как впоследствии рассказывали очевидцы этой трагедии, трупы их были брошены в снежную яму. Часть детей, особенно младшего возраста, до 3 лет, была брошена в яму живыми.

Покончив с консульством, партизаны 15 марта переключились на казарму, где находились оставшиеся японские солдаты. Однако на следующий день из японского генштаба в Хабаровске пришло по радиотелеграфу в адрес местного японского командования распоряжение: «Никому не нужный бой прекратите. Между японскими и русскими войсками установлены мирные отношения. Ко всякому сепаратному выступлению и тем более бою японское и русское командование относится крайне отрицательно и считает необходимым еще раз предложить вам немедленно прекратить всякие боевые действия. Для разрешения конфликта мирным путем ведем переговоры о высылке японской и русской делегаций. Подпись; командующий японскими войсками Ямада, командующий русскими войсками Булгаков, японский консул Х. Сугино, комиссар иностранных дел И. Гейцман».

Подчиняясь приказу своего командования, оставшиеся в живых обезоруженные японские солдаты в количестве 110 человек в 12 часов дня 16 марта с белым флагом вышли из казармы, ведя за собой еще 17 раненых японцев.

Тряпицын, докладывая в Хабаровский штаб об уничтожении японского отряда и японского консульства, с целью замести свои кровавые следы скрыл от советских военных властей об ультиматуме о сдаче оружия, который он выдвинул японцам.

На основе версии Тряпицына была составлена и нота Наркоминдела РСФСР правительству Японии от 22 марта 1920 г. В ней говорилось: «Нападение, которое вопреки соглашению, заключенному с командованием красных войск, было предпринято 12 марта японскими войсками в Николаевске против штаба Красной Армии, имело самые пагубные и самые прискорбные последствия и привело к кровопролитию, о котором следует глубоко сожалеть. Наиболее эффективным средством для того, чтобы сделать невозможным повторение столь катастрофических событий, является возможно более быстрое прекращение продолжающихся еще военных действий и открытие между Россией и Японией мирных переговоров, уже предложенных нами».

Однако японское правительство не ответило на данную ноту и отклонило советское предложение о расследовании инцидента.

Утопить в крови

Офицеры и солдаты других японских гарнизонов, раскинутых на Дальнем Востоке и Забайкалье, узнав об участии своих товарищей, естественно, заволновались. Японские войска в ночь с 4 на 5 апреля произвели скоординированный удар по революционным отрядам во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске, Спасске, Шкотове и других пунктах Приморья и Приамурья. В результате этого погибли несколько тысяч красных бойцов и командиров.

Тряпицын, получив информацию о событиях 4-5 апреля, понял, что японцы, как только откроется навигация, отомстят ему за содеянное. Надо было немедленно спастись. На экстренном заседании ревштаба и чрезвычайной комиссии решили эвакуироваться из города на Керби и Амгунь, сам город сжечь до основания и уничтожить всех оставшихся его жителей.

Порядок массового убийства был установлен следующий: в первую очередь шли евреи и их семьи, затем жены и дети офицеров и военнослужащих, третьими обозначены были все семьи лиц, ранее арестованных и убитых по приговору трибунала, в четвертой очереди шли лица, по каким-либо причинам оправданные трибуналом и выпущенные на свободу, равно как и их семьи. В пятую очередь предназначались чиновники, торговые служащие, ремесленники и некоторые рабочие, не сочувствовавшие политике красного штаба. По составленным спискам подлежало к уничтожению около трех с половиной тысяч человек. Почти месяц, приблизительно до мая, продолжалась усиленная работа по намеченному плану. Внесенные в список ежедневно убивались небольшими партиями (по 30-40 человек). Казни производили специально выделенными отрядами из преданных Тряпицыну русских партизан, корейцев и китайцев.

В 20-х числах мая из города ушли последние нейтральные свидетели канонерки и китайское население. Освободившись от лишних свидетелей, большевики перестали стесняться. В ночь с 22 мая в городе началась кровавая экзекуция. В последующие три дня варварским способом были убиты около трех тысяч человек. 24 мая огромную партию арестованных вывели из тюрем со связанными руками и вывезли на баржах на середину Амура. Там всех ударами прикладов и штыками сбросили в реку. Из содержавшихся в тюрьмах пленных японцев часть зверски убили на месте, а остальных привели на береги Амура и там кололи штыками, рубили шашками и стаскивали в воду. Таким же образом поступили с 17 ранеными японцами.

28 и 29 мая, покончив почти со всеми жителями, партизаны приступили к уничтожению самого города. В первую очередь стали поджигать рыбалки, находящиеся против города. 30 мая подожгли лесопильный завод, золотоплавильную лабораторию, а 31 мая уже весь город представлял собой сплошное море огня.

3 июня 1920 года японские войска прибыли в Николаевск, где обнаружили 700 тел убитых своих граждан, сожженное дотла японское консульство и сам город в руинах и пепелище. К этому следует добавить трупы более 6 тысяч русских, которые были убиты партизанами Тряпицына. Весть об этом преступлении быстро распространилась по всему миру,

Партизаны - изменники

«Подвиги» Тряпицына спутали все карты большевиков. Они очутились перед настоящей необходимостью как-нибудь смягчить крайне неприятные события. С этой целью в советской печати появились публикации, оправдывающие действия Тряпицына. В них, в частности, утверждалось, что партизаны просто дали отпор белым и японцам, которые предательски, вопреки достигнутому мирному соглашению, неожиданно ночью на них напали. Однако, убийство 6 тысяч русских, разрушение город, где 90% населения составляли рабочие, рыбаки и ремесленники, большинство из которых

принадлежало к трудовому классу, не могло не вызвать возмущения у простых советских граждан.

Еще в мае 1920 года революционный штаб в Хабаровске принял решение покончить с Тряпицыным и его штабом. Для этого был подготовлен отряд из 10 человек, который получил предписание арестовать самого Тряпицына и его одиозных помощников, судить их «народным судом» и казнить, как «изменников советской власти».

В конце июня хабаровские посланники пробрались на Амгунь (золотопромышленный округ) и вошли в связь с группой партизан, возглавляемых Андреевым, которые стояли в оппозиции к Тряпицыну. Ночью они появились в Керби, атаковали стоявший на реке пароход, в котором находились спавшие Тряпицын и другие члены партизанского штаба, и всех их арестовали.

В июле 1920 года в Керби состоялся открытый суд, «сформированный по предложению Временного революционного штаба Красной армии Николаевского округа из представителей воинских частей и гарнизонов и трудящегося населения села Керби».

Приведем выдержку из приговора суда: «Тряпицын Яков Иванович, 23 лет, происходящий из граждан Симбирской губернии, обвиняется «1) в том, что он, занимая должность командующего Красной армией, допустил в период времени с 22 мая 1920 года по 2 июня того же года в г. Николаевске и в период времени с того же 22 мая по 4 июля сего года включительно в пределах Сахалинской области ряд беспричинных арестов и расстрелов мирных граждан и их семейств разными частью невыясненными должностными лицами, то есть в бездействии власти; 2) в том, что он, Тряпицын, 27 мая сего года отдал распоряжение расстрелять ряд активных ответственных советских коммунистов, как то: тт. Будрина, Мизина, Иванченко и других - без достаточных и даже безо всяких на то оснований, то есть в убийстве, в превышении власти и в активной борьбе с коммунизмом; 3) в том, что он, Тряпицын, за тот же период времени отдал ряд распоряжений и указаний лицам по массовому уничтожению мирных граждан и их семейств в г. Николаевске и в сельской местности Сахалинской области, каковое распоряжение в большей части уже приведено в исполнение, то есть в превышении предоставленной ему по должности власти, в убийстве и в призыве к совершению убийств и насилий; 4) в том, что он, Тряпицын, за время состояния на должности командующего войсками армии Николаевского округа отклонялся от направления политики советской власти, оказывая давление на ее органы и на должностных лиц, явно подрывая среди трудящихся доверие к коммунистическому строю, то есть в активном выступлении против власти правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

Лебедева-Кияшко Нина Павловна, 21 года, происходящая из граждан Москвы, которая занимала должность начальника штаба Красной армии Николаевского округа, обвиняется «в соучастии в вышеназванных преступлениях». В этом же был обвинен и ряд других соратников Тряпицына.

Суд признал обвиняемых в убийствах, в превышении власти и активной борьбе с коммунизмом Тряпицына и его сподручных виновными в вышеперечисленных преступлениях и единогласно постановил всех их расстрелять. В тот же день, 9 июля 1920 года, приговор суда был приведен в исполнение.

Отметим, что в решении суда ни слова не говорилось об уничтожении всего состава консульства Японии и японского экспедиционного отряда, что было явным упущением хабаровских дирижеров судебного процесса над Тряпицыным.

Первые известия о николаевских событиях достигли Токио в двадцатых числах марта. Они, правда, были отрывочные, так как прямой телеграфной связи с Николаевском японцы не имели. В этих условиях в ответ на срочный запрос некоторых депутатов японского парламента заместитель военного министра генерал Яманаси заявил: «Мы не получали ни одного донесения о том, что наши войска понесли большие потери и были уничтожены». Далее он утверждал, что «отношения между революционерами и японским войсками весьма дружественные». А на заседании совета министров Яманаси сообщил, об «установлении взаимного понимания между экспедиционными войсками и большевиками».

Между тем, агентурным путем японским штабам в Хабаровске и Владивостоке удалось перехватить телеграфную переписку об уничтожении японского гарнизона между правительством Медведева во Владивостоке, хабаровским штабом и поддерживающим с ними связь Тряпицыным. Подробности случившегося сообщили два японца, спасшиеся каким-то чудом, которых в одном белье, с отмороженными руками и ногами 27 марта подобрала японская канонерка. Они срочно были доставлены в японскую столицу.

Последствия. В Токио поднялся небывалый шум. В бурном негодующем протесте против расправы над японцами объединились все японские партии, от социалистов до черносотенцев. 28 марта по всей Японии был объявлен траурный день, а обе палаты, верхняя и нижняя, провели специальные слушания по николаевскому вопросу.

С 29 по 31 марта состоялось специальное совещание японского правительства и верховного военного совета, посвященного сибирскому вопросу и, в частности, Николаевскому инциденту. В результате этого совещания было сделано заявление в котором говорилось, что «императорское правительство не признает возможным отозвать в настоящее время свои экспедиционные войска».

Но это заявление японского правительства делалось больше для Соединенных Штатов и союзников, а для России Япония готовила нечто другое.

В ночь с 4 на 5 апреля японские войска совершили одновременное нападение на революционные отряды во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске, Спасске, Шкотово и других пунктах Приморья и Приамурья. Число погибших русских оказалось во много раз больше, чем японцы потеряли в Николаевске-на-Амуре. Японцы проявили жестокость и беспощадность, с лихвой отплатив большевикам за николаевские события.

Нина Лебедева-Киншко

Выступление японцев в 1920 году явилось поворотным моментом в отношении российского населения Дальнего Востока к японской интервенции. Если ранее они некоторыми зажиточными слоями и частью буржуазии рассматривались как защитники их интересов, то после беспрецедентной расправы японцы стали оцениваться как интервенты и оккупанты. Резко выросло число партизанских отрядов, большевикам стало значительно легче привлекать крестьян и рабочих в ряды сопротивления.

«...Японцам не удалось,- справедливо замечает член Владивостокского правительства и Дальбюро РКП(б) П.М. Никифоров,- ни разгромить организацию коммунистов, ни образовать новое правительство. Они лишь вызвали бурю протестов. Это союзников устраивало, и они потребовали от Японии восстановления статус-кво». Союзному нажиму пришлось подчиниться, и 7 апреля Приморское правительство вернулось к власти.

Японцы в тот же день освободили все занятые учреждения и помещения правительства, сняли посты с улиц, возвратили милиции оружие и патроны. Одновременно возобновила работу согласительная комиссия, которая к 29 апреля выработала решение, в соответствии с которым вдоль Уссурийской железной дороги и Сучанской ветки устанавливалась 30-километровая нейтральная зона, в пределы которой земское правительство не могло вводить свои войска; сами эти войска следовало отвести за Хабаровск и Амур (Хабаровск оставался у японцев); запрещалось вводить войска Приморского правительства в Забайкалье и Сахалинскую область; ограничивалась численность русской милиции; в руках японцев оставалась значительная часть захваченного русского оружия.

Как ни тяжелы были эти условия (коммунисты называли их «дальневосточным Брестом»), Дальбюро РКП(б) и Приморское правительство решили их утвердить. После подписания соглашения регулярные части приморской армии были выведены из железнодорожной зоны и размещены в различных пунктах области.

Тем временем в Токио скандал вокруг николаевских событий набирал обороты. Узнав истинные масштабы ущерба, ни Генеральный штаб в Токио, ни японское военное министерство дальше молчать не могли. Тем более что японские газеты заговорили в один голос, требуя немедленного опубликования всех имеющихся в распоряжении правительства данных. Подняли страшный переполох. После успокоительных заверений военного министерства в начале года об установлении между японцами и красными «взаимного понимания» разгром Николаевска и гибель 700 японцев не могли не подействовать на японцев ошеломляющим образом. Ответственными за происшедшее официально считали себя два ведомства: Генеральный штаб и военное министерство. Главы этих ведомств Уэхара и Танака выступили с довольно неопределенными заявлениями в печати. Всем было ясно, что правительство допустило большую ошибку и поэтому должно уйти в отставку. Тогда-то в Токио возникла идея оккупации Сахалина.

Однако здесь уместно заметить, что захват этой богатейшей области составлял постоянную мечту японской военной партии. Особенно большую заинтересованность проявляло морское министерство Японии, нуждавшееся в получении для японского флота сахалинской нефти. Когда правительство поставило этот вопрос в порядок дня, он не вызвал никаких протестов ни в парламенте, ни в печати. Правительство сумело через печать несколько подогреть страсти народа, возмущавшегося николаевскими

зверствами, и постаралось на первых порах свалить со своих плеч ответственность и переложить всю вину на русских. Известие об оккупации единодушно было принято всем населением как законный акт возмездия, тем более что первоначально речь шла вообще только о посылке карательной экспедиции.

Решение совета министров, принятое единогласно на экстренном заседании, скоро получило широкую огласку и, надо признать, внесло некоторое успокоение японской общественности. С наступлением теплого времени, представилась возможность плавания в Татарский пролив. Было отправлено несколько транспортов с войсками, которые в конце мая высадились в городе Александровске, на русской части острова Сахалин, и подняли там японский флаг, а через 6 недель достигли и Николаевска. Никакого противодействия японцы там не встретили, партизаны, узнав о выступлении японцев, разбежались и попрятались в тайге... Местные городские власти вынуждены

были подчиниться требованиям японского отряда и выполнить все его распоряжения.

В декларации от 3 июля говорилось: «Убийство русскими большевиками в Николаевске в промежуток времени от 12 марта по конец мая этого года около 700 японцев, в том числе чинов императорского японского гарнизона, членов консульства и местных жителей обоего пола и всех возрастов, представляется поистине весьма при-
скорбным случаем. На японском правительстве лежит обязанность принять соответствующие меры, чтобы поддержать в полной мере престиж японской империи. Между тем фактическое отсутствие законной русской власти, с которой можно было бы вести переговоры, лишает японское правительство возможности сделать что-либо, ставя его в необходимость занять известные пункты Сахалинской области впредь до окончательного решения дела с каким-нибудь будущим русским правительством».

Между тем японские отряды двинулись из Александровска в глубь острова, занимая все новые селения. 2 июня японцы вступили в Николаевск.

Город, насчитывавший еще недавно двадцать с лишним тысяч населения, представлял собой груды развалин и превратился в огромную площадь, заваленную углями, кровельным железом и металлическими остатками от сгоревших построек. Дымовые трубы сиротливо царили над городом.

В двадцатых числах июня вся намеченная к оккупации часть Сахалина была занята.

ТРЯПИЦЫНЩИНА

Чтобы яснее понять происходящее, иногда просто надлежит вспомнить прошедшее. В истории все развивается по возрастающей спирали. Герострату, чтобы войти в историю, достаточно было сжечь храм. Гитлер разорил и спалил, превратил в "зону пустыни" целые страны. Жажда власти, возможность повелевать массами — страшная, по сути, страсть, даже преступная, поскольку никогда не обходится без кровавого насилия.

В шестидесятые годы, когда повеяло дыханием хрущевской "оттепели" в жизни общества, хабаровский писатель Рустам Агишев, прежде чем начать работу над романом, обратился со своей задумкой в крайком партии, чтобы заранее заручиться поддержкой. Хабаровчане - старожилы помнят этого писателя как автора "Зеленой книги", в которой он доказывал несостоятельность генетики как науки, а когда она все-таки была признана наукой, наравне с кибернетикой, во втором издании книги сменил свою позицию на сто восемьдесят градусов. В те годы шла тихая, с оглядкой, переоценка роли отдельных личностей в гражданской войне, и он решил обратиться к событиям сорокалетней давности — Николаевской трагедии, получившей название "тряпицынщины", к ее главному действующему лицу Якову Тряпицыну, и показать его народным героем. И просил помощи, поддержки, доступа к архивным материалам.

Тряпицынщина, как явление, получила отрицательную оценку еще в 1923 году на партийной конференции в Никольск-Уссурийске. Поэтому крайком, прежде чем ответить на запрос писателя, поручил историку Андрею Степанову изучить все имеющиеся документы и дать по ним объективное заключение. Степанов отнесен к поручению с полной ответственностью, провел буквально «тучное исследование и дал пространное, со ссылками на документы, заключение. Хотя он и отличался ортодоксальной приверженностью к господствующей в те годы коммунистической идее, но в какой-то пристрастности, подлоге, неверном толковании документом его упрекнуть нельзя. К фактам он относился очень объективно. Я знал его много лет как честного, порядочного человека, не и способного поступиться совестью даже в малом.

Крайком отказал писателю в его намерении дать новую оценку Тряпицыну и подтвердил прежнее положение — не ставить никаких памятников на могиле расстрелянных по решению народного суда преступников. Суд состоялся летом 1920 года в Керби (ныне поселок имени Полины Осипенко), и могила находилась на окраине поселка. Но с годами она попала в зону застройки. Агишев нашел ее на усадьбе шофера Бойко. Хозяин, не подозревая о захоронении, посчитал, что это простая яма от выемки грунта для хозяйственных нужд, поставил на ее краю необходимое для каждой усадьбы дощатое сооружение, но, узнав о захоронении, тут же убрал его подальше. В дальнейшем на этом месте были обычные грядки под овощи. Ставить на могиле двадцати трех расстрелянных какой-либо знак власти не разрешали категорически.

Мне казалось, что вернее всего было бы все-таки поставить простой обелиск с надписью, что тут захоронены такие-то, и никакого ажиотажа в дальнейшем этот факт

не вызывал бы. Но у нас издавна укоренилась привычка — все, что осуждено, уже не заслуживает памяти и должно быть вычеркнуто навсегда. Такая практика имела место на протяжении всей российской истории, не изменилась она и в последнее десятилетие, хотя прошло оно под флагом демократии. Как раньше шло разрушение храмов, ниспровержение памятников, переименование городов, поселков, так и ныне, будто народ может жить лишь памятью сегодняшних дней.

Кроме могилы в поселке еще сохранялось деревянное здание, в котором проходил народный суд, но ни единый знак не напоминал о финале трагедии. По школьным годам старики помнят повесть Серафимовича "Железный поток". На отдаленной окраине России прокатился еще более серьезный "поток" — десяти тысячное население города и войска шли тайгой, при полном бездорожье, через горы, леса, мари, многочисленные реки, ручьи на тысячу верст. Сначала из Николаевска до Керби, потом до Софийска и Экимчана, а там сплавом, где на лодках, где пароходами до Свободного и Благовещенска. В Забайкалье господствовал атаман Семенов, в Хабаровске — японцы, и пробиться в Амурскую область, где сохранялась советская власть, можно было только таким кружным путем. Туда и вел Тряпицын население города и армию, спасая от японцев.

Рукопись А. Степанова, объемом в сотню нормальных машинописных страниц, нигде не публиковалась, она была исполнена для крайкома партии. Конечно же, над автором довлело решение Никольск-Уссурийской партийной конференции, к тому же он был прекрасно осведомлен о требованиях цензуры — нежелательности упоминаний о тех давних событиях: есть партийная оценка, есть две-три книги о них и достаточно! Это повесть Фраермана, весьма поверхностная, оказавшегося в Николаевске, но далекого от происходивших там событий, и воспоминания С. Днепровского "По долинам и по взгорьям". А. Степанов часто ссылается на строки этой книги, хотя воспоминания любого человека субъективны и для историка могут служить лишь косвенными подтверждениями фактов — документами подсобного характера. Я себя к историкам не отношу вовсе и взялся за перо лишь потому, что в свое время довелось редактировать некоторые произведения на эту тему, знакомиться с рецензиями на рукопись Дудина, воспоминаниями Бессмертного и некоторыми другими. А. Степанов еще при жизни подарил мне копию своего заключения. Думаю, что краткое изложение довольно известных событий и ссылки на документы, приведенные в рукописи, не будут сочтены за плагиат или вымысел автора.

...Что же происходило на Дальнем Востоке в конце 1919-го и начале 1920-го? В связи с разгромом Колчака в Сибири, совет Антанты постановил отозвать интервентов из России. Но на этом борьба с советской властью не прекращалась, она переключалась на силы белополяков, Врангеля, Японию. В результате переговоров было достигнуто соглашение между США и Японией, по которому Япония должна усилить свои войска в Сибири, чтобы оказать сопротивление продвижению большевиков на восток.

Поступают сообщения о прибытии новых войск Японии во Владивосток, о продвижении эшелонами в Сибирь по Транссибу и КВЖД. Оккупационные силы интервентов достигли ста семидесяти тысяч солдат и офицеров. Не оставалось сомнений, что это явное намерение втянуть Россию в войну с Японией. Сражаться на западе и востоке Россия была не в силах и потерпела бы поражение. Советская Россия вступила в переговоры с Японией, приостановила на несколько дней вступление Красной Ар-

мии в Иркутск, предложила партийным организациям Дальнего Востока вести борьбу за образование республики на земских условиях и не провоцировать японцев на открытые военные действия. Дальневосточная республика, как самостоятельное государство, должна сама налаживать отношения с Японией. Только не навлекать войны на Россию. Это был временный тактический маневр партии, и Ленин строго требовал от большевиков Дальнего Востока исполнения этой директивы.

В такой обстановке было принято решение покончить с колчаковской властью на Нижнем Амуре. 2 ноября 1919 года на Анастырческой конференции, при участии партийного актива, членов генштаба и командиров партизанских отрядов Приамурья, решили (мельть в низовья Амура и на другие участки три группы партизан. На николаевское направление шла группа Якова Тряпицына, именовавшего себя "анархистом - индивидуалистом". Ревштаб об этом знал, но выбора, видимо, не было. К тому же в самом ревштабе состояли не только большевики, но и эсеры, а директива о "буфере" предполагала сотрудничество с другими партиями.

Тряпицын был молод, красив собой, безусловно, смел. Юношей он добровольно вступил в армию, воевал в составе Кексгольмского лейб-гвардии полка, за боевые отличия, как он сам утверждал, был произведен в прапорщики. Был грамотен, начитан, знал теоретические посылки Прудона, Бакунина, Кропоткина и анархизмом увлекался еще в армии. Так утверждал его биограф Жуковский-Жук, хотя другие авторы воспоминаний представляют Тряпицына малограмотным.

Лозунги типа "Анархия — мать порядка!", "Твори анархию всюду, везде и сейчас!" под демагогическим предлогом свободы, отвергающей всякие партии и необходимость самого государства, толкали анархистов на борьбу с коммунистами. На эти призывы охотно откликались люди со склонностью к уголовщине и самоуправным действием, а также авантюристы всякого рода. В народе анархисты появлялись увешанными оружием, грабили под видом экспроприации награбленного, ибо так понимали свободу — делай, что хочешь, время гражданской войны изобилует такими фактами.

После войны империалистической Тряпицын вернулся в отчий дом. Но вскоре не поладил с отцом — хозяином кожевенной мастерской — и в марте 1919 года приехал во Владивосток. Предполагают, что он участвовал в левоэсеровском мятеже в Москве и после его подавления уехал подальше с глаз. В Приморье Тряпицын вступил в партизанский отряд на Сучане. Там ему не понравилась дисциплина, насаждаемая ревштабом, она, мол, сковывала «действия малых отрядов — партизанских групп, не давала проявлять инициативу. Осенью 1919 года он появился под Хабаровском, командуя отрядом в тридцать человек. В беседах, по воспоминаниям партизан, иногда проговаривался, что сейчас ведет борьбу с белогвардейщиной и японцами, а потом будет вести борьбу с коммунистами.

Некоторые историки считают, что русский народ вообще склонен к анархии. Примеров для такого утверждения достаточно: взять хотя бы появление махновщины на Украине и других более мелких отрядов, не желавших подчиняться кому бы то ни было, наступавших под лозунгами "за советскую власть без коммунистов". Для некоторых людей свойственно: повелевать другими — одно дело, а выполнять чьи-то приказания — нож острый. За Отечественную войну я насмотрелся всяких командиров — и конфликтующих, и противящихся приказам. Так, в июле 1942 года в районе города

Белого командир танковой бригады, будучи в резерве командующего Калининским фронтом, трое суток не принимал офицеров связи с приказами и не сдвинул бригаду с места, ожидая, чтобы приказ отдал лично командующий фронтом. Лишь на четвертые сутки генерал Конев прибыл в бригаду и снял с должности строптивого полковника. Но окружение нашей армии уже свершилось, и переломить обстановку не удалось. Эти же качества строптивца я усматриваю и в действиях Тряпицына. Стоило ему лишь чуть "опериться", и самолюбие его взмырало в полную силу, и вышел из повиновения...

Представителем ревштаба с отрядом Тряпицына шел коммунист М. Е. Попко, на него возлагалось общее руководство действиями четвертого боевого участка по освобождению Сахалинской области, в которую входил и город Николаевск. Но он занялся Агитационной работой с населением деревень и дал полную свободу действий Тряпицыну. Можно также предполагать, что этому поспособствовала неприязнь, возникшая между председателем ревштаба Бойко-Павловым и Тряпицыным. Причина — женщина, молодая красивая Нина Лебедева — дочь полковника царской армии, эсерка-максималистка, в начале войны осужденная на вечное поселение на севере. После революции 1917 года она работала какое-то время с однопартийцами в Чите, затем в Благовещенске (судя по роману Л. Антоновой "Заслон"). Как она появилась в генштабе у Бойко-Павлова, сведений нет. Там она заведовала санитарной частью. Возможно, не без помощи самого Бойко-Павлова, имевшего на нее виды как на женщину. Но ей, видимо, больше по праву пришелся Яков Тряпицын.

Но приписывать все случившееся соперничеству двух мужчин из-за женщины, что обвинения, выдвинутые на народном суде против Тряпицына — наговоры, безосновательны, неверны. Нельзя не принимать во внимание борьбу партий, а она суть борьбы за власть, как всегда беспощадной, не гнушающейся ничем, в результате чего и разыгралась трагедия.

... По дороге в Николаевск Тряпицын приглашал в свое войско партизан. В отряде Оцевилли-Павлуцкого он даже был арестован как самозванец, но в результате откровенной беседы Оцевилли-Павлуцкий даже подчинился Тряпицыну и с этой поры стал его сподвижником до конца своих дней.

На подходе к Троицкому под начало Тряпицына перешел партизанский отряд Мизина, именовавшийся коммунистическим. Костяком были водники-амурчане. Здесь же к Тряпицыну прибил скрывавшийся от хабаровских большевиков провокатор Лапта. С его помощью была провалена городская организация большевиков. Он помогал калмыковцам допрашивать арестованных и избивать их. Калмыковцы же выпустили его из тюрьмы при оставлении города. Тряпицын, зная об этом, все же взял его к себе, а потом назначил командиром отряда.

В Циммермановке ставший многочисленным отряд Тряпицына впервые встретил сопротивление белогвардейцев, вышедших навстречу из Николаевска. Утром 25 декабря 1919 года охранение сообщило, что на село движется цепь белогвардейцев численности до двухсот человек. Партизаны изготовились к бою, завязалась перестрелка, и белые отошли в Мариинское. У партизан оказалось трое убитых, у белых ранен командир поручик Токарев. Каковы были у них потери — неизвестно. В статье "Из партизан во враги народа" (Газ. "Приамурские ведомости", окт. 1997 г., автор

А.Пелипас) говорится о жестоком бое и "сокрушительном поражении" белогвардейцев и что путь на Николаевск был открыт. Явное преувеличение. Мне довелось говорить со старожилами села и бывшим партизаном — участником этого боя. Он сводил меня на братскую могилу "погибших в борьбе с американскими захватчиками" — так значилось в надписи на обелиске. Двоих погибших Суходоев знал лично, а третий — китаец — был ему незнаком.

Руководил этим боем Бузин-Бич, присоединившийся к Тряпицину и Нижней Тамбовке. В империалистическую войну, перед революцией, солдаты избирали его на должность командира батальона. После революции он исполнял различные должности в Дальсовнаркоме. В Тамбовке скрывался у родственников от колчаковцев. Тряпицын в этом бою не участвовал, он с пятью партизанами и Лаптой выехал на горные прииски Агние-Афанасьевские, чтобы пополнить отряд рабочими. Народ был возмущен правлением колчаковской власти, охотно отзывался на призыв свергнуть белогвардейцев и изгнать из края японцев. Тряпицын сформировал отряд, расстрелял всех "гадов" на прииске и с этим отрядом вышел на Амур у Богородского.

Для белогвардейского батальона полковника Вица в Мариинском не было пути ни вверх по Амуру, ни вниз, чтобы отступить к Николаевску, откуда он был послан японцами. Тряпицын это понял и без охраны появился в Мариинское на переговоры с Вицем о капитуляции. Это конечно был рискованный шаг, но учитывая, что колчаковское воинство было деморализовано, не такой уж и безрассудный. С собой Тряпицын привез на подводах письма и рождественские подарки для белогвардейцев, посланные им из Николаевска и перехваченные в Богородском партизанами.

Переговоры закончились тем, что большая часть мобилизованных солдат перешла на сторону партизан, часть разбежалась, а небольшая группа во главе с Вицем отступила из Мариинского к бухте Де-Кастри, чтобы там укрыться на маяке, дожидаться навигации и уйти в Японию. Возможно, Тряпицын обещал Вицу, что не станет его преследовать, но в марте 1920 года партизаны осадили белогвардейцев на маяке, и Виц застрелился, оставив предсмертное письмо Тряпицину, но самого письма нет... Потерпевшие поражение ни у кого сочувствия не вызывают, и в длинном их списке лиц не последний.

Тряпицину удалось в некоторых селах провести мобилизацию мужчин призывного возраста, да к нему на пути в большом числе присоединялись добровольцы из сельчан, рыбаков, водников, горнорабочих, и к Николаевску подошла вооруженная масса численностью до трех тысяч человек, сила значительная. Тряпицын, поднятый такой всенародной волной возмущения на ее гребень, решил, что пора порывать связи с ревштабом Приамурья и действовать по своей воле. На суде Тряпицын объяснял это так: "На совещании командиров отрядов в Софийске я был избран командующим фронтом. Об этом было сообщено ревштабу, и последний это решение утвердил. Отношения наших отрядов с ревштабом были с некоторых пор натянутыми, но решения ревштаба признавались".* На самом же деле ревштаб этого совещания не признавал, решения не утверждал. Чтобы поправить дело, к Тряпицину, зная о его неприязненном отношении к коммунистам, был послан член ревштаба эсер Бессонов. По инициативе Бессонова и Лебедевой был создан прифронтовой штаб, председателем которого избрали Тряпицына, как командующего. Бессонов же позднее утвер-

ждал, что все его переговоры не дали результатов, что Тряпицын объявил себя диктатором и отказался признавать ревштаб...

* Эта и далее по тексту цитаты приводятся из документов Государственного архива Хабаровского края, фонды 44, 79, 1181.

Тут бы самое время ревштабу проявить настойчивость, волю и принудить Тряпицына к повиновению, но этого сделано не было, и борьба с новым диктатором легла на плечи партизанских партийных организаций.

Партизанские силы собрались на правом берегу Амура в поселке Капель, расположенном напротив Николаевска. Штурмовать город партизаны не решались, поскольку кроме белойвардейцев там водились и японцы. Послали парламентаря, чтобы вызвать белых и японцев на переговоры. Поехали Орлов и вызвавшийся добровольно сопровождать его партизан-возчик. У города их встретил японский патруль, и с завязанными глазами обоих увели. Назад они не вернулись. Орлова и возчика нашли более чем через полмесяца в снегу, изуродованными до неузнаваемости, со следами жестоких пыток.

Несколько дней партизаны ждали от властей города ответа, но согласия на сдачу города без боя не поступало. Ключом к Николаевску являлась крепость Чныррах, расположенная в двенадцати километрах на прибрежной сопке. С нее контролировались подходы к городу со стороны лимана, и ее надлежало брать в первую очередь. Партизанская армия все увеличивалась, в нее вступали люди с Сахалина, из прибрежных сел. После поражения России в войне с Японией в 1904—1905 г.г. Южный Сахалин отошел к Японии, и каторжане оттуда были расселены в низовьях Амура. Теперь многие шли в партизаны с надеждой поживиться грабежами. Принимали всех, отбора не было, и вокруг Тряпицына образовалось угодное ему окружение.

Ночью партизаны-лыжники проникли в крепость и захватили врасплох беспечно отдыхавших в казематах японцев. В числе партизан находились бывшие артиллеристы, хорошо знавшие не только расположение крепости, но и места, где были запрятаны замки к орудиям и боеприпасы. Утром они открыли огонь по народу из одного орудия. Били по японским казармам. Японцы делали попытки вернуть крепость, наступали по глубокому снегу, но их каждый раз отбивали. Это противостояние продолжалось с начала февраля почти до конца месяца, когда наконец японцы пошли на переговоры, и партизаны вступили в город.

Тряпицын собрал совещание приближенных к нему командиров анархистов, на нем был образован штаб фронта. Начальником штаба избрали авторитетного командира полка Наумова. Он стал единственным коммунистом среди членов штаба, а Тряпицын взял на себя роль командующего. Эсер Бессонов доложил об этом в ревштаб, тот не согласился с таким решением, и начались долгие переговоры, больше похожие на увещевания образумиться, подчиниться директивам Центра и решениям РКП/б/. Слишком далеко находился Тряпицын, чтоб дотянуться до него крепкой рукой. Не было и желающих ехать к Тряпицыну. Он даже Бессонова не долго удерживал и отпустил лишь после угрозы ревштаба применить силу.

Японцы объявили о своем нейтралитете и свободно ходили по городу. На центральной улице в двухэтажном особняке разместился штаб, а по соседству с ним квартал, занимаемый японцами и рыбообработчиками, поварами, прачками, служа-

щими промышленника Симады. Сам он приезжал в город лишь на время рыбной ловли. Японские офицеры заглядывали в штаб, порой оставались в нем на ночевку, вели переговоры с Тряпицыным, о сути их он никому не говорил. Не всем партизанам это нравилось, но он как-то мимоходом заявил, что опасаться нечего, что "японцы у него в руках".

Десятого марта по предложению японских офицеров в штабе был устроен банкет. На него пригласили командира японского гарнизона, консула, переводчика и еще нескольких офицеров. Застолье продолжалось чуть не до утра. Тряпицына окружали его доверенные — Оцевилли, Сасов, Лапта, другие командиры-анархисты. Из коммунистов был один — С.Днепровский. Он и рассказал, как Оцевилли, поигрывая узким ремешком, в черной рубаше, в модных в то время широких галифе, заправленных в унты, в подражание Тряпицыну, бахвалился, как допрашивал священника — учителя Закона Божия из реального училища. Он выпускал пулю за пулей над его головой, и тот через неделю встретил его сумасшедшими выкриками.

Доверие к японцам было полное. Как потом выяснилось, Тряпицын вынашивал намерение захватить Хабаровск, считая, что его сил для этого уже достаточно, и "перекочать" там всех буржуев, "соглашателей" и "буферщиков", тех, кто выступал за создание республики на земских началах. Он надеялся, что японцы в этом помогут, они обещали ему поддержку. В качестве авангарда он уже направил под Хабаровск кавалерийский отряд под командой Стрельцова-Курбатова под предлогом "помощи товарищам". Вслед за конным должен был последовать более крупный пеший отряд,

В некоторых статьях и рукописях о Тряпицыне высказываются суждения, что он не всегда понимал, что делал, что не владел достаточной информацией, что по молодости лет им "вертела" более развитая и опытная со стажем политической работы Нина Лебедева. Но это лишь попытки обелить его, приукрасить. Он прикрывался лозунгами борьбы за власть советов, за освобождение от японских захватчиков, ради чего народ и брался за оружие, Тряпицыну нужна была полная власть, и он напористо шел к овладению ею любыми средствами, а они неминуемо вели к финалу — кровавому террору, в ходе которого он закономерно обрек себя на гибель. Идеи анархизма и эсеров-максималистов вели к борьбе с коммунистами. Лебедева не "вертела" им, а лишь подпирала более поощрительной фразеологией, идя с ним рука об руку.

Тряпицын считал, что уже подчинил себе японцев. Что с их помощью добьется своей тайной цели, а у тех на уме было совсем другое - не допустить близкого созыва областного съезда советов, назначенного на середину марта.

Ветеран войны — однополчанин — рассказывал мне о подобной истории, произошедшей в годы войны в Крыму. Крымские эсеры, стремясь вытеснить русских, пожелали сотрудничать с гитлеровцами, предложить им свою помощь в ликвидации партизан и разбитых советских войск, укрывавшихся в горах. Они уже приступили к этому предательскому делу. С целью договориться о совместных действиях и условиях, а главным было заполучить ипптпомню, делегация старейшин выехала в Симферополь. А гауляйтер уже имел указания Гитлера, что Крым только для немцев и ни татар, ни русских там быть не должно. Он приказал расстрелять делегацию. Подобная участь ждала и Тряпицына, в лучшем случае он мог рассчитывать на роль марионетки, вроде атамана Калмыкова. Не ему, с его доморощенной дипломатией, бы-

ло соревноваться в хитрости с японцами и тем более диктовать им какие-то условия: слишком неравное было соотношение сил.

Ночью с 11 на 12 марта японцы напали на партизанский штаб, им удалось поджечь здание. Находившиеся в штабе командиры были застигнуты врасплох. Маскируясь улыбками, показным дружелюбием, японцы сумели вооружить своих соотечественников в квартале Симады, и их силы значительно возросли. Начальник штаба Наумов выпрыгнул со второго этажа горящего здания и был убит. Тряпицын ранен в ногу... По всему городу шла стрельба, за оружие взялись и затаившиеся белогвардейцы.

На первых порах японцам удалось захватить узловые пункты в городе, но очень скоро партизаны начали организовываться в группы, отряды и теснить оккупантов. Тряпицына удалось под обстрелом перетащить в соседний дом. Начальник гарнизона Копиром принял на себя командование. С окраин города подходили отряды и вступали в бой. Подошел к Николаевску и коммунистический полк Будрина из горнорабочих Кербинских приисков. Уже в первый день японцы были разобщены на отдельные очаги сопротивления — в каменных домах. Бой продолжался трое суток. На четвертый день ревштабу удалось связаться с японским командованием в Хабаровске, и оно передало приказ осажденным прекратить сопротивление. Пленных вместе с ранеными было около полутора сотен...

Тряпицын, хоть и раненый, неходячий, развил бурную деятельность: отправил начальника гарнизона Комарова, действовавшего решительно и грамотно и по сути спасшего штаб и самого Тряпицына, на Орские прииски. Он был ему неугоден на любой должности, поскольку в Благовещенске тесно работал с большевиками: при подавлении гамовского мятежа, да и в Николаевске опирался главным образом на командиров-коммунистов. На его место своим заместителем назначил калмыковского провокатора Лапту. Нина Лебедева возглавила штаб, хотя была далека от военного дела. Началась перетасовка частей, отрядов — слияния, разъединения, перемещения, переименования коммунистических в анархо-коммунистические. Были организованы военный трибунал и своя контрразведка. Тряпицын привлек к этому делу колчаковского контрразведчика Сасова-Беспощадного, других анархистов, уже отличившихся в расправах над "гадами-буржуями" во время "чистки" города, когда шло массовое уничтожение влиятельных граждан, сочувствовавших колчаковской власти. Для кулацких элементов из деревень и уголовников, примкнувших к Тряпицыну из корыстных побуждений, было время обогащения, они обозами вывозил имущество репрессированных.

Будрин, Мизин и другие командиры отрядов — коммунисты были заменены анархистами, эсерами-максималистами и объявлены "соглашателями", "буферщиками", предателями дела революции, а многие заключены в тюрьму. Дед Пономарев, Оценлли-Павлущий на митингах призывали партизан "Коцать гадов!", "Под лед их, гордить заездки!"

Делегаты собрались, съезд советов области открылся. При регистрации длинная очередь собралась у стола коммунистов, у анархистов человек пятнадцать, а максималистов было еще меньше. Народ шел за Тряпицыным не ради анархистских лозунгов о создании неведомой "Трудовой республики", к чему призывала Лебедева, возглавлявшая пропагандистскую работу в партизанской армии, а за власть советов и

избавление от оккупантов, от ненавистой колчаковщины, беззакония, бесправия, унижения русских людей японцами. Но этого не желал понять Тряпицын, его бесило сопротивление. Можно считать, что с этого началась открытая "война" со своими.

Раздраженный, злой, уязвленный тем, что партизаны- коммунисты в открытую требовали его переизбрания за творимые им беззакония и преследования честных партизан, ожесточился. Он кричал, что это он создал армию, взял город и только он имеет право быть командующим. Размахивал винтовкой, целился в тех, кто смел ему противоречить. Через три дня после открытия съезда к зданию выставили два пулемета, чтоб делегаты особо не зарывались.

Можно лишь вздохнуть: в этом мире ничто не ново под луной. В 1917 году разогнали негодное коммунистам Учредительное собрание, хотя и без крови; в 1993 году негодный Ельцину Верховный Совет.

(Публикация из ж. «Дальний Восток»)

Убийцы

Роман Геннадия Николаевича Хлебникова «Амурская трагедия» - исторический, документальный. Содержание романа, герои романа подтверждают это определение. Прежде, чем приступить к написанию данного произведения, Геннадий Николаевич беседовал с теми, кто знал Якова Ивановича Тряпицина и Нину Михайловну Лебедеву, читал партизанскую газету «Призыв», архивные документы.

Читается роман легко. Язык лиро-эпический. Интересна фабула. События, изложенные в романе, захватывают, не отпускают читателя, не оставляют его равнодушным. Читатель легко печалится и радуется в зависимости от событий, развёрнутых широким планом в романе. Герои произведения чётко очерчены, каждый имеет свой характер, отличительные черты.

Роман динамичный, музыкальный, драматичный, картинный. Хоть пиши драму, оперу. Готовый материал для художественного фильма. Я вижу изумительные балетные сцены. Какой простор для творческой деятельности художников! Свет и мрак рядом, но больше света, свет даёт надежду, Надежда бессмертна.

1

Главные персонажи «Амурской трагедии» - это вершители судеб героев романа Нины и Якова: Л.Троцкий, Павлов, С. Бессонов, И. Андреев, Губельман, Мартьянов, С. Кныш.

Троцкий появляется в конце книги, как бы случайно, мимоходом, но оставляет глубокий след. До Гражданской войны о существовании такого пламенного революционера никто не знал. Он прибыл из Америки, чтобы разжечь огонь Мировой Революции. Очень быстро вошёл в доверие к Ленину, возглавил революционную Армию России и назвал её Красной. Троцкий обладал неограниченной властью и даже Ленин прислушивался к его советам.

Павлов – командующий Приамурскими партизанами. Большевик. Партия большевиков для него превыше всего. Не терпит возражений. Любит женщину, которая не отвечает взаимностью. Его любовь переходит в ненависть. Но это уже не любовь, а страсть, чувство собственника. Любовь созидает, страсть разрушает.

Бессонов Семён Адамович – правая рука Павлова по партийной линии.

Андреев Иван Петрович – инженер по образованию, офицер. Служил Деникину, Семёнову. Убиенные им души вызывают к отмщению.

Мартьянов – начальник ЧК (чрезвычайной комиссии), дело своё знает хорошо. Кроме власти большевиков никого не признаёт. Весь мир для него окрашен в белый и чёрный цвета.

Губельман – главный лидер большевиков в Николаевске-на-Амуре.

Кныш Станислав Казимирович – член штаба народно-революционной Армии.

Яков Иванович Тряпицын учился в Петроградском технологическом институте, не окончил, пошёл добровольцем на фронт. Молодой человек много испытал на своём веку. Принадлежит к партии эсеров. У эсеров в программе значится крестьянский вопрос. Россия, в основном, крестьянская. Если вывести крестьян к настоящей свободе, то это означает спасти Россию, превратить её в мощную державу.

Яков Тряпицын влился в партизанское движение против японской оккупации. Затем сколотил свой отряд. Партизанские отряды были малочисленные. Приамурскими партизанами командовал штаб, куда входили командиры партизанских отрядов, революционный совет.

На конференции партизанских отрядов прозвучал один, самый важный вопрос: передвижение партизанских отрядов из-под Хабаровска к Николаевску.

– Не лучше ли сократить отряды, – предлагал один из делегатов. – Свернуться и притихнуть до весны. Зимой трудно воевать».

Яков Тряпицын выступил против такой позиции:

– Сохранить отряды, свернуть и притихнуть?! Это погубит всё наше дело, это напрасные жертвы, товарищи мои дорогие!..

– Что ты конкретно предлагаешь? – спросил Павлов Тряпицына.

– Послать небольшой отряд к Николаевску, он по пути обростёт новыми бойцами. А там и Николаевск возьмём. Выгоним белых и их нынешних хозяев – японцев. Не сокращать надо отряды, а наращивать силы. За авангардом двинутся и остальные отряды.

– Вот ты и бери первый отряд, командуй, – посоветовал Жданов.

– А что? Я согласен. У меня сотня верных ребят, с ними и пойду, – согласился Яков.

Таким образом Яков оказался у руля, борцом за справедливость, волю народную. Время выбрало его вожаком, водителем, время вручило ему судьбу Приамурья. Отныне он уже не принадлежал себе.

Власть возникает у того, кому люди доверяются, а потому и подчиняются. У кого власть – должность, это только видимость власти, надутость, напыщенность, то есть, оболочка.

Яков Иванович Тряпицын – офицер царской Армии, успел повоевать на германском фронте, награждён за боевые заслуги двумя орденами Георгия. Молод. Энергичен. Честен, Проявил себя в партизанских походах как храбрый воин, находчивый командир. Его отряд прозвали Летучим. Потому что он неожиданно оказывался там, где друзьям нужно была помощь, а неприятелю грозил разгром. Его отряд называли Карающим, потому что он был бичом как для продажных белогвардейцев, так и для японских милитаристов, так и для мародёров.

Отряд Тряпицына стремительно продвигался по Амуру. Войдя в село, Яков отстукивал телеграмму в штаб, держал связь с Павловым, тот отвечал неизменно: «Не

засиживайся. Прибавь ходу». И ни разу не спросил о самочувствии бойцов, командира.

Жители встречных русских селений и стойбищ аборигенов кормили партизан, селили на ночлег в самых тёплых хатах и фанзах. Такое отношение жителей Приамурья к партизанам было понятно Якову. Летом и осенью здесь прошли карательные отряды калмыковцев. Они оставили после себя сожжённые хаты, расстрелянных людей, заподозренных в сочувствии революции, партизанам, нарождающейся советской власти в России.

Чтобы не испугать своим появлением, чтобы расположить сельчан, настроить их на душевный лад, настроить на необходимую борьбу с японскими захватчиками и с белогвардейцами, которые предали отечество, Тряпицын входил в село один. Рискował? Безусловно. Но Якову нужны добровольцы, стойкие, мужественные.

Тряпицын принимал в ополчение всех: и большевиков, и эсеров, и анархистов, и мужиков – всех, кому была дорога судьба России. Разные по убеждению, по мировоззрению, но единые по святому духу – любовью к родной земле.

Яков Тряпицын – хозяин своего слова; еще не было случая, чтобы он подвёл, кого обидел, унизил. Его поступки воодушевляли бойцов, дисциплинировали. Его пламенные слова разъясняли значимость ратного дела. За спиной оставались пройденные селения и люди, живущие в них, и поверившие, что их спасут от вражеской злобы, что не оставят в беде.

Тряпицын – прирождённый оратор. Его слушают простые люди, труженики земли, слушают внимательно, впитывают каждое слово, стараясь понять смысл и значение.

«Главное, – говорил он, – надо сберечь нашу русскую землю от разграбления. Прохлопаем ушами, временщики белые продадут страну всяким любителям чужого добра. Японцам пообещали – вплоть до Байкала. Дети и внуки станут рабами иностранных капиталистов. Вон и американцы лезут сюда, на Дальний Восток, французы даже...

Наш отряд идёт освобождать Николаевск. Там засели японцы и белые. Если не выбьем врага до весны, не видать нам Николаевска. Японцы корни там пустят и овладеют всем Приамурьем. Потому я призываю посылать с нами добровольцев, помогать, чем можете».

Молва о защитниках и спасителях бежала впереди Партизанской Армии Тряпицына. Народ встречал богатырей у околицы. Кормили соколов, чем были богаты, устраивали на ночлег, баньку топили. И неудивительно, если небольшой отряд Якова Тряпицына вырос в семитысячную Армию. Идут к волевым, сильным, справедливым, надёжным.

Свою Армию Тряпицын назвал Красной, когда без единого выстрела взяли непокорную крепость Чныррах. Первоначально красный цвет означал Красное Солнце, пролитую при рождении новой жизни материнскую кровь = руду. Теперь же красный цвет – это символ борьбы добра со злом, это символ справедливости и созидания, символ защиты отечества.

Казаки из Киселёвки перешли на сторону партизан. Отчаянные ребята, не подвед, знают военное дело. Уже под Николаевском к Тряпицыну примкнул готовый Кербинский отряд.

Наконец ледяная дорога с торосами и снежными наносами преодолена. В селе Подгорное временно обосновали Нижнеамурский партизанский штаб. Начальник штаба Медведев–Наумов ознакомил командиров отрядов с обстановкой. Николаевск и крепость Чныррах окружены отрядами партизанской Армии, насчитывающей уже семь тысяч бойцов.

– К нам из крепости и из города перешли несколько десятков офицеров и нижних чинов. Все анархисты, – рассказывал Медведев. – Я со многими уже говорил и считаю, что можно оставить их у нас. Все они против расчленения России, против оккупантов, и я верю в их искренность. Значит, целый анархический полк на стороне партизан, разделяет их взгляды; не спрятали, как страусы, головы в песок, а решили разделить участь с ополченцами.

Но, пока крепость не будет взята, о штурме города Николаевска-на-Амуре нечего и мечтать.

«Остановились в верстах трёх от крепости, рассматривали в бинокль мощные форты, трёхъярусные батареи. Всё это упрятано в скальное тело сопки Владимирской. Форты её смотрят на простор амурского лимана. Ни одно вражеское судно не рискнёт войти в него, не рискуя быть немедленно уничтоженными. И в лоб брать крепость партизаны не собирались. Её можно взять только с тыла, или измором.

Медведев, знаток истории Дальнего Востока, давал краткие пояснения о крепости:

– Лет полста назад адмирал Невельской заложил первые камни Чныррах. А строили её под руководством адмирала Завойко. Это была самая мощная крепость на Тихоокеанском побережье России. Вон на соседней сопке виден наблюдательный пункт. Там пушка. Увидят врага, палят из пушки, Сопка так и зовётся «Сигнальной». В гарнизоне крепости тысяча двести воинов полагается по штату. Здесь в крепости Чныррах, служили, кстати, такие знаменитые русские люди, как авиатор Можайский и полярный исследователь Седов.

Тряпицын, Медведев, Малкин, примкнувшие офицеры склонились над картой города и прилегающей к нему местности, разрабатывали штурм непреступной твердыни.

А в Нижней Тамбовке, сидя в жарко натопленной резиденции, Павлов диктовал телеграмму для Якова; Нина Лебедева передавала уставшему командиру Партизанской Армии: «Недоволен. Я приказал разоружить сдавшихся казаков. Почему не выполнил?» Издалека легче командовать ...

А казаки разработали план захвата крепости. Нравился Якову план казаков с лестницами. Ловкий народ. Пусть проникнут в крепость. Надо убедить офицеров и солдат крепости, чтобы мирно сдались. Слово целые страны побеждало!

А ведь получилось: и крепость, и город сдавались без единого выстрела! Радоваться бы Павлову, а он почернел от недобрых мыслей. Надо же как себя величает – командующий Особой Нижнеамурской партизанской Армией. Все полномочия присвоил себе, а мы ему уже не указ?

Разоружать японцев Павлов не позволил, хотя японские гарнизоны окружили город, словно блокировали. Да и не словно, а так и есть! Будет заваруха, непременно будет. Японцы ещё покажут свой нейтралитет.

«Особенно горячо стояла за разоружение Нина. Но Яков был связан дисциплиной, обещанием, которое он дал Павлову, подтвердив его через посредничество Бессонова ещё раз. Он рассуждал, что, возможно, всему их штабу, проницательной Нине непонятны и неизвестны все дипломатические ходы высшего руководства на Дальнем Востоке и в самой Москва. Ведь нейтралитет сохраняется в других городах Приамурья, в том же Хабаровске, где рядом оказались партизаны и оккупанты».

Действительно, как и предполагала Нина, японцы нарушили нейтралитет и напали на партизан. Они обложили партизан огненным кольцом со всех сторон и не было возможности вырваться. Метались люди в пламени, тревожно ржали лошади, носились обезумевшие собаки. Рвались мины. Стрельба со всех сторон и не понять, где свои, где недруги. Яков тяжело ранен...

Сражение продолжалось двое суток. Перевес был на стороне противника. Ещё немного – и от города, от Армии Тряпицына ничего не осталось бы. Но ... «Вовремя подоспел Амгуньско–Кербинский партизанский отряд. Он ударил по главным силам японского гарнизона. Началось почти поголовное истребление оккупантов, продолжающих с ожесточением отстреливаться до конца... Только немногим удалось вырваться из окружения и уйти к Амурскому заливу. Их не стали преследовать обессилившие партизаны».

Потери велики: одна треть Николаевска сгорела, много погорело продовольствия, боеприпасов, амуниции, кормов для коней. Люди ютятся в сараях, амбарах. Роют землянки на берегу. Спасая детей, выхватывая их из огненных лап, многие родители погибали. Прячутся под лодками сироты, многие из них совсем крошки – такова цена заигрывания с японскими оккупантами.

Прошли выборы окружного исполнительного комитета. Решались насущные проблемы Николаевска. Инициатива большевиков теряется в песках, Тряпицын умён и прозорлив, способный руководитель, ему не нужны толкачи, опекуны. Но это уж слишком! Слово берёт Губельман – главный лидер большевиков в Николаевске-на-Амуре:

«— ...окружной исполком, как временный орган, должен нести функции обычного муниципалитета, а не представлять советскую власть в Николаевске и на всём Нижнем Амуре. И название Армии Красная должно быть заменено на народно–революционную Николаевского округа. Поскольку есть решение и дальневосточных революционных властей, и Москвы – образовать с марта 1920 г. на Дальнем Востоке Дальневосточную республику. ДВР будет называться республика с единым командованием. В некоторых городах в связи с этим новым курсом власть перешла земским управам».

Взрыв негодования потряс стены здания, в котором проходило заседание окружного исполнительного комитета. Топали ногами, кричали, свистели – так выражали своё возмущение бородатые мужики по поводу отмены советской власти. А для чего

революция?! Позор и предательство – такие слова срывались с губ возмущённых делегатов.

Губельман, привыкший побеждать в спорах, привыкший убеждать любую горячую аудиторию, стремился и на сей раз доказать, что линия большевиков в создании ДВР правильная, это единственный выход из создавшегося политического кризиса.

«– ...Дальневосточная республика – это временно. Это временный буфер между советской Россией и оккупантами, которые лезут на нас с востока, особенно Япония. Сам Ленин за такое решение вопроса...»

Яков отстаивал советскую власть в Николаевске и в Николаевском округе, и не собирается менять Красную Армию на народно–революционную.

Пламенная аргументированная речь с мудрым толкованием начальника штаба Нины Лебедевой охладила пылкую публику. Её глубокие мысли ложились прямо на сердце, были понятны, близки, выражали чаяния делегатов.

– Согласна, политика – искусство компромисса, – вмешалась Нина. – Но разумного компромисса. А что мы видим на собственном горьком опыте, товарищи? Нам говорили : не раздражайте японцев, сохраняйте нейтралитет, не разоружайте их. И мы шли на компромисс, то есть на соглашение с противником, заключаем договор. Не успели высохнуть чернила подписей на договоре – и японцы вероломно нападают на нас. Сотни наших товарищей... – голос Нины задрожал, – сотни наших товарищей, – продолжала она с горькой интонацией, – заплатили своими жизнями молодыми за нашу излишнюю доверчивость. Нас призывают сменить вывеску: вместо советская власть – народно–революционная, а короче – власть земцев, власть той же буржуазии...

...Будем крепить дисциплину, будем верны присяге революции, советской власти, присяге нашей России. Будем крепить оборону Николаевска, всего района к нему прилегающего...

Нас упрекают в крайностях политики. Но также поступают некоторые большевики. Они нетерпимы к любым иным, не их взглядам на общество, на революцию. Им не нравится, что мы, эсеры, за союз с другими политическими течениями. А как же иначе? Мы говорим о демократии, о народном характере революции и ратуем за монополию коммунистов–ленинцев... А ведь истина складывается из кирпичиков знания, накопившегося в обществе. У тех же анархистов есть здоровые идеи. Я не анархистка, но не отметаю с порога все идеи, которые разрабатывали такие выдающиеся умы и революционеры, как Бакунин и Кропоткин. Кропоткин сейчас живёт в Москва, его уважает Ленин. Так вот теоретик анархизма Пётр Кропоткин говорит, что в природе помимо взаимной борьбы действует ещё закон взаимной помощи. Закон взаимной помощи проявляется в разных формах организации всеобщего единства и сотрудничества. Как видите, не к разрушению, а к единству призывает истинный анархизм.. Я не разделяю их взглядов на государство, которое они отрицают, но готова принять их полезные обществу идеи, объединяющие все классы.

Нас обвиняют в экстремизме, а разве не экстремизм – требование большевиков распустить анархистские отряды и полк? Что же это, как не левацкий заскок в политике? А как же с демократией?

Окружной исполнительный комитет сформировал орган военно–гражданского управления, определена его политика, основанная на доверии и поддержке Армии и

населения города и округа. А главное – люди осознали своим чутьём, кто прав, а кто влево уходит, впадает в крайности, ищет крыло, под которое можно спрятаться, временно не высовываться.

8

Нина Михайловна Лебедева – женщина, которую любил Яков Иванович Тряпицын, любил нежно, горячо. Познакомились молодые в Петрограде, на вокзале. У обоих оказался один маршрут – Владивосток. Только она ехала к мужу Петру, а он – к матери. На одной из политических сходов Якова и Петра свела Нина. Это случилось в апреле 1918 года. С тех пор Яков стал частым гостем у молодых супругов. Пётр – интересный собеседник, от него многое чего узнал, стал лучше разбираться в политических вопросах, в различных партийных течениях, чем одна партия отличается от другой, почему японцы оккупировались на Дальнем Востоке России, почему большевики с ними заигрывают, а продажные белогвардейцы считают японцев своими спасителями.

Но не ради интересных бесед встречался Яков с Петром. Яков полюбил Нину, и ему доставляло удовольствие видеть её, незаметно любоваться ею, ловить каждое слово. Нина сочиняла стихи, и они ему нравились. В стихах звучала музыка, пела душа, полыхал костёр революционных сражений, материнская любовь к Родине. Нина задушевно исполняла романсы. Низкий грудной голос хорошо сочетался с игрой на гитаре. Ещё девчонкой Нину научили верховой езде. Научил кузен, ротмистр гусарского полка. Посадка правильная. Вороная кобылка птицей летела, понимала наездницу, которая сливалась с ней в едином порыве. Да как не любить такую диву! Петру подарила судьба не просто женщину, а бриллиант.

Яков спокоен за любимую: Пётр не даст в обиду свою Нину. И это справедливо. Красивая и умная женщина – дар Природы. Она сотворит мужу, отечеству красивых и разумных детей.

Тряпицын покидает Владивосток, чтобы не мешать друзьям, не мешать их семейному счастью. Яков сколотил небольшой партизанский отряд и привёл его под Хабаровск. Участок железной дороги крепко охранял, держал налётчиков в постоянном страхе, не давал грабить эшелоны. Храбрец!

А ночами, когда земля и небо отдыхают от праведных трудов, Яков вспоминал Нину и счастливо улыбался. Любовью дышало всё его сильное тело, как земля после тёплых дождей. Он разговаривал с милой, шептал ей задушевные слова. Романтическая тишина баюкала. И Яков засыпал богатырским сном. Это такая радость – любить!

Пётр погиб. Попал в перестрелку налётчиков и хунхузов, когда шёл домой из редакции своей газеты «Свободное слово». Нелепая смерть. Оставаться одной в четырёх стенах – жуть! И Нина Лебедева решила идти в партизаны поближе к Хабаровску. Там где-то Тряпицын сражается с бандитами. Если улыбнётся Судьба – встретит его. Как хочется в это верить! Бравый кавалер запал ей в душу. С первого взгляда полюбила ещё там, на вокзале Петрограда. Ах, как хочется повальсировать с ним в ярко освещённом просторном зале! Какая приятная пара! Как хороша Нина в розовом наряде! Как подходят к платью золотые серьги с рубиновыми камнями!

Нина Лебедева попала к Павлову – командующему Приамурскими партизанами. Она говорила, что не будет обузой, ибо научена многому. И стала перечислять своё

умение: печатает на машинке, на слух морзянку принимает, окончила краткие курсы сестёр милосердия в Петрограде, может подготовить речь...

Павлов на миг забылся, утонул в озёрах синих глаз. Поток речи оторвал его от земли и закружил, закружил. Такого с ним, большевиком, никогда не было! Что за наваждение?! Павлов тряхнул головой, сбрасывая с себя приятное томление.

«— Да ты сущий клад для нас, сирых и серых, — воскликнул Павлов — Будешь при штабе».

При стечении ряда обстоятельств Нина и Яков встретились. И теперь уже навсегда.

9

Время власти легло на плечи Лебедевой. Она — начальник штаба Нижнеамурских партизан. Отличный и надёжный помощник у Тряпицина.

Железнов — председатель исполкома, часто бывал в отлучке, мотался по Николаевскому округу в поисках питания для населения и Армии. И поэтому Нина Лебедева исполняла обязанности председателя исполкома. На исходе уголь, чем отапливать Николаевск? И она посылает коменданта крепости Чныррах Биценко в командировку на мыс Лазарева, там большие запасы каменного угля.

О том, как справляется Советская власть с основными насущными проблемами, в городе мало кто знает. Так нужна газета! Она пригласила в штаб журналиста Викентия Семёновича Подвысоцкого:

— Говорят, что есть бумага, машины набора. И полиграфисты есть. А сегодня я знакомлюсь с редактором. Надо на этой же неделе начать выпуск газеты. Вы, я полагаю, пришли ко мне с предложениями, не так ли?

— Вы угадали, — повеселел Подвысоцкий. — У меня есть планы, есть уже макет первого номера «Призыва»!

— Очень удачное название! — похвалила Нина.

— Рад, что угодил. А вот примерный макет, — он развернул листы макета четырехполосной газеты. Эпиграфом к газете Подвысоцкий поставил: «Российская Федеративная республика!» Выходит ежедневно, кроме послепраздничных дней. Орган штаба Красной Армии Николаевского-на-Амуре округа.

В газете печатались воззвания к населению, постановления, раскрывались замыслы империалистов. Газета рассказывала о жизни трудящихся города и красноармейцах, о видных людях. Печатались стихи и рассказы николаевских авторов... Газета помогала решать сложные политические вопросы, знакомила с событиями на Дальнем Востоке.

Нина Михайловна посетила местный храм с голубой кровлей.

— Вам что-нибудь надо? Дров наверное?

— С Вашего позволения дров, конечно же, неплохо бы получить, — загудел дьякон. — Но главное мы хотим: отпустите нашего отца Игнатия. Он в чека, в тюрьме сидит. Невинно. Заарестовал его начальник чека Мартьянов. «Контра», — говорит про отца Игнатия. «Я их, попов, пятерых расстрелял, пока из Хабаровска в Николаевск шёл. Шпиёны все, за беляков». Наш отец Игнатий не шпиён, нет. Добрый человек, его весь город чтит и очень о нём скорбит».

Нина пообещала разобраться... Нина Михайловна отчекрыжила в списке тех, кого судили по классовому признаку.

– Да хоть всех забирайте! – зло кричал Мартьянов.
– Уголовников надо судить! Но не вы – судья, есть для этого специальные органы.

Один за другим подходили к Нине освобождённые. Возбуждённые свалившимся на них счастьем, некоторые со слезами на глазах благодарили молодую женщину. Были среди заключённых директор гимназии, несколько коммерсантов и рыбопромышленников, телеграфист и начальник почтовой станции. Оказался, неожиданно для Нины, среди этих несчастных негодяев Симада. Он последним подошёл к Нине, кланяясь и прижимая руку к сердцу.

– А вы разве?.. – начала Нина.

– Не уехал с соотечественниками, которым удалось покинуть город, – продолжил умный Симада, – О нет, госпожа Лебедева! Я был в дальней поездке, в Озерпахе был, а когда вернулся, то меня сразу и заарестовали. Сражение-то было без меня. Мартьянов всё допрашивал: «А с какой целью ты тут оставлен».- «Никакой цели нет, я торговец, – говорю. Везде нужны торговцы – и белым, и красным, и японцам, и русским...». Объяснял, что сам командующий Тряпицын разрешил мне торговать и вести в городе деловые отношения с населением. Не верит! «Твой приговор уже готов: в расход!»

– Ладно, Симада, возвращайся к своей коммерции. Верно, вы пока нам нужны, торговцы. И ещё долго будете нужны. Рыбу нужно ловить. Рыбакам товары доставлять. Возвращайтесь. Если кто станет прижимать, обращайтесь в штаб, защитим.

Уходя со двора тюрьмы в сопровождении своих «пажей», Нина ещё раз оглянулась на тюрьму. На каменном её крыльце стоял, широко расставив ноги, Мартьянов. Он так зло и недобро смотрел на Нину, столько мстительности было в выражении его аскетического лица, что Нине стало не по себе.

– Настоящий Малюта, – проговорил Лёнька Кольчугин, заметив, как скрестились в молчаливом поединке взгляды начальника штаба и председателя ЧК. Молодой человек понял, что такие люди, как Мартьянов, могут быть очень опасны в своём слепом убеждении, что они всё делают по справедливости».

Пришла тревожная телеграмма из Хабаровска: японцы нарушили нейтралитет, напали на мирных жителей, на партизанские казармы. Японцы захватили Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийск и другие города.

Лебедева организовала митинг и выступила перед гражданами Николаевска-на-Амуре, сообщала о зверствах, которые учинили милитаристы.

– ...Руководителей Армии и исполкома Николаевского округа обвинили в ротозействе, когда японцы предательски напали на нас в марте. А ведь нас высшее командование и Дальбюро призывало накануне провокации японцев не раздражать их, они настояли на том, чтобы мы не разоружали японский гарнизон. К чему это привело, вы все знаете и видите, глядя на те чёрные клубы недавно сгоревших домов ваших.

Момент кровавой развязки начинается, он приближается. Опираясь на изменническую тактику наших соглашателей, японцы коварным образом захватили ... города Дальнего Востока и свергли там власть трудящихся, насаждая пресловутое земство, с его рабским позорящим Россию преклонением перед желтолицыми хищниками».

Все пришли к единому мнению – защищать советскую власть. Была создана Трудовая Армия, которая объединила и гражданское и военное население города, округа.

Надо организовать, срочно организовать ремонт судов. Скоро навигация, нельзя упустить момент этого важного делания. В штаб пришёл Левицкий – инженер местного небольшого ремонтного завода. Лебедева назначила его заведующим механическими предприятиями. А Полякова – техническим инструктором мастерских. Зайцев и Волков переводятся на службу в комиссариат транспорта, как специалисты судоходцы...

Яков ушёл с головой в подготовку к обороне города: строят новые укрепления, ремонтируют старые; подкрепляют ударную силу крепостной артиллерии дополнительными батареями на далёких подступах; в лимане, на мысах ставят новые орудия, пушки...: в лимане топят баржи, таким образом, перегораживая путь японским судам; минируют фарватеры в нужных местах...

Тревожные вести доходят до Николаевска-на-Амуре: японцы расстреливают лютого, кто встречается с оружием в руках; грабят мирное население, насилюют женщин; в Раздольном расстреляли земскую больницу... В Хабаровске улицы усеяны трупами, горит.

– Нет, – говорили николаевцы, – мы встретим паразитов, мы им такое покажем, что они забудут все дороги в Россию.

Нина Лебедева находит сирот под опрокинутыми лодками, в землянках, просто в ямах. Сердце сжимается от горя. Срочно спасать детей! Ведь ради них и революция, и гражданская война!

Она отыскала уцелевший особняк купца, сбежавшего в Харбин. Так появился детский дом. А Шура Котельникова его возглавила.

Чем кормить? Хлеб, кету достают интенданты. Нет молока, сладостей. Нина вспомнила купца Симаду. У него хозяйство уцелело. Поможет. Коровы нужны. Организуем молочную ферму.

Лебедева откомандировала Михаила Бороду и Десятова к торговцу. Действительно, мужики привезли от Симады ящик, наполненный продуктами, два мешка мороженого молока и сто пачек шоколада.

Десятов умудрился припрятать для себя десять пачек шоколада. По закону военного времени Десятову грозил расстрел. Но Лебедева только уволила его из детского дома. Но придёт время и Нина Михайловна пожалеет, что не пустила в расход мерзавца.

Нина добилась, чтобы занятия в гимназии возобновились. Директор гимназии Патрикеев собрал не покинувших Николаевск преподавателей. Нина иногда заглядывала в гимназию, беседовала с Патрикеевым о педагогике, об учителях России, Франции, лучшее брали на вооружение. Показала свой трактат «К строительству новой школы». Патрикеев одобрил. И вскоре трактат был опубликован в газете «Призыв».

Продукты выдавались по карточкам, чтобы таким образом поукоротить гребущие под себя руки.

После пожара жизнь в Николаевске-на-Амуре восстанавливалась. Солнце теплоло сердца. А по голубому небу плыли серые облака.

Николаевск-на-Амуре хорошо подготовился к обороне. Вот патронов бы! Обещали помочь. Помогут, обязательно помогут, по-другому и не должно быть. Николаевская Армия самая многочисленная и организованная на всём Дальнем Востоке. За-

щитим Николаевск, а там и все города освободим от недруга. И радовался Яков Иванович, что сумел поднять весь Николаевский округ на защиту родной земли. Организовал Трудовой Фронт. В лесах припрятал склады с продуктами – на всякий непредвиденный случай.

Прибыл из штаба народно-революционной Армии Кныш Станислав Казимирович, подал пакет Тряпицыну.

Из присланных документов, написанных витиеватым писарским языком, Яков сделал вывод, что им официально приказывается вывести Армию из Николаевска, дабы не спровоцировать японцев на попытку снова овладеть городом. Предлагалось также организовать Амурско-Тырский и Амгуне-Кербинский фронты, используя имеющиеся у него в подчинении Армейские подразделения.

– Хорошо. Что делать с населением? У нас в городе шесть тысяч жителей: старики, дети, женщины. Как с ними? Оставить на издевательства обозлённым японцам?

– Надо обратиться к мировой практике: объявить Николаевск открытым городом и, согласно международных конвенций...

Яков прервал его:

– Плевали японские вояки на ваши конвенции. Вы что, не видели трупы расстрелянных японцами мирных жителей? – вскочил Яков и в раздражении заходил по комнате. Круто повернувшись, остановился перед Кнышом, произнёс с вызовом:

– А если я откажусь выполнять приказ?

– Вас обвинят в мятеже. Кстати, вот вам ещё одну телеграмму дам прочитать. Её прислал из Москвы представитель реввоенсовета Лев Троцкий. Он там прямо предупреждает о наказании за мятежи в Красной Армии. А вы называете свою Армию Красной.

– Меня пусть обвиняют, а всю Армию...?

– Могут и всех обвинить, есть тому примеры. И будут, уверяю вас. Троцкий – жестокий лидер, его советы принимает сам Ленин.

Когда Яков Тряпицын расстался с Кнышом, до сознания стало доходить преступное значение приказа.

«Уходить, бросить хорошо подготовленную оборону, крепость, город с шеститысячным населением, уходить без выстрела, даже не пытаясь остановить врага и даже погибнуть, но не осрамить себя отступлением, похожим на трусливое бегство. Бросить под ноги противнику всё содеянное им, его бойцами, его товарищами... Бросить плоды победы, за которую заплачено кровью и сотнями жизней его боевых товарищей. Подчиниться этому приказу, значит изменить их памяти, сделать своё имя одиозным для потомков».

Тряпицын настоял, чтобы приказ ревцентра вынести на общий митинг партизан и горожан. Он ещё не знал, с чего начнёт свою речь, своё объяснение людям, которые поверили ему. Якову было стыдно. Ему казалось, что он стоит перед гражданами, как перед виселицей, перед распятием. Только что же такое непотребное сотворил, за что его распинают, за что такой позор учинён. Ведь он так их всех любил, так хотел устроить для них нормальную жизнь! И солнце вроде светило ему!

Яков Иванович рассказал правду о случившемся, о предательстве высшего руководства.

– ... мы не бежим, мы вынуждены подчиниться приказу высшего командования. – Вот они эти приказы, – Тряпицын потряс бумажками, зажатыми в кулаке. – Наша Армия – малая частица всех вооружённых сил революции на Дальнем Востоке. И одни мы не в состоянии добиться победы. А поддержки мы не получили... Мало того, нас запугивали поражением, нас обвиняют в максимализме и анархизме. И выходит, что не японцы, а свои же, даже без штурма, взяли Николаевск силой этих вот бумаг и добровольно отдают японским милитаристам.

Долго шумела толпа. Судили верхи.

– Троцкого с Лениным сюда бы! Пусть на своей шкуре испытают международные конвенции! А как же с нами поступите? Бросите на съедение японским псам?! Неужели бросите нас на поругание?!

Яков успокаивал взволнованных людей как мог:

– Не бросим! Мы решили охранять всех, кто пожелает уйти из города. Но предупреждаю, поход этот будет тяжким. Очень тяжёлым, товарищи! И для Армии, и особенно для мирного населения, для женщин, детей, стариков. Мы постараемся максимально облегчить эти тяготы в пути. А идти придётся вдоль Амгуни и далее через перевалы в Амурскую область, может и в Благовещенск, который находится в руках революционных сил. Пусть каждый подумает хорошо сам и решит: уходить ему или нет. Каждый. Сам. Мы никого не неволим....

11

Мартьянов, по приказу свыше, выпустил уголовников и они начали «промышлять». Жители города нечистым словом вспоминали чекиста Мартьянова.

Детский дом и небольшая часть населения, наиболее немогущая, спешили на пристань, там их ожидал пароход «Хабаровск».

Город почти опустел. Все, кто пожелал уйти из города, ушли, уплыли, уехали. Нашлись и такие, кто не пожелал покинуть родной кров; около тысячи, а может чуть больше, остались в своих домах. Не смог покинуть своих прихожан и отец Игнатий.

В опустевшем городе мародёры грабили дома, поджигали. И распространяли ложные слухи о Тряпицыне, как главаре разбойничьей шайки.

«Глубокая ночь, но светло, как днём, на пристани от пожаров. В разных частях города. Багровый дым зловещей стеной поднимается над чёрными крышами уцелевших зданий. Впечатление такое, что горит весь город. Огонь освещает позолоченный крест над куполом собора. И в этой горестной картине разрушения поэтическая душа Нины воспринимает этот крест и этот купол днём голубой, сейчас же – чёрный, как символ, как грозное напоминание высшей силы о суетности человеческих устремлений, ложности их понятий об истине и счастье...

Днём по приговору ревтрибунала расстреляли для острастки нескольких поджигателей, разве это поможет!..

А может придёт время и вину за пожары, за сожженный город возложат на Армию? Найдутся люди, которые станут доказывать, что партизаны «сами подожгли город», что это «не единственный» в истории гражданской войны. Ну и, конечно же, главные виновники они – Яков и Нина.

12

Небольшой отряд Тряпицына последним покидал город. Едут по лиственничному лесу. Кони мягко ступают по белёсому покрову. Смолистый воздух снимает ус-

талость. Не нравится Нине, что штаб и командир слабо защищены: всего полсотни всадников. А если нападут японцы? Местонахождение их неизвестно, расплзлись по тайге, как тараканы, и могут ударить в спину.

Доехали до Маго, заночевали. Магичане привели проводника, нанайца Чокчо Бельды. С проводником надёжнее. Партизаны расслабились. И даже Яков с Ниной успокоились.

Но прямой путь, который указывал проводник, становился всё более опасным и длинным. По расчётам Тряпицина, они должны уже выйти к Амгуни, но узкая тропа уводила всё в более мрачные непроходимые места. А не подослан ли этот нанец? Долго блуждали по тайге ...

Наконец, в проёме деревьев показалась долгожданная Амгунь, её шум доносился до всадников. Подкрепились, привели в порядок амуницию, пригладили взъерошенные чубы. Яков приказал отряду не высовываться. А сам с Ниной, Барабановым и членами штаба вышли из леса.

У берега стоял пароход «Чита». На борту знакомая улыбающаяся физиономия: Кныш. Яков хотел пригласить бойцов, но услышал предостерегающий голос Лёньки Кольчугина: «Ведь убьют тебя!». «Не убьют, не бойся», – мысленно ответил командир.

Кныш широким жестом указал в сторону кают-компаний: мол, вам туда. Замыкал шествие Барабанов. В распахнутой двери Барабанов увидел ужасную картину – его товарищам крутят руки и надевают наручники. Барабанов круто повернулся, сбил Кныша, перегородившего ему путь, прыгнул через борт в холодные воды Амгуни, крича: «Измена!» Крик услышали бойцы тряпицынского отряда и выскочили из леса на открытое пространство. Невидимый пулемётчик скосил первую цепочку партизан. Пароход «Чита» успел выйти на середину реки, и что-либо предпринять по спасению товарищей было поздно.

13

Никто не умеет так ненавидеть, как предатель, свою жертву.

Тряпицын подчинился приказу Павлова, покинул город, чтобы не провоцировать японцев на жестокости, на какие способны хищники. Можно подумать, что в Хабаровске, во Владивостоке и в других городах Дальнего Востока японцев провоцировали, поэтому они и напали на мирных жителей и партизан...

Предатель ожидал другой реакции на его приказ: мы будем защищать город до победного конца. Ведь Яков игнорировал все указания объединённого партизанского штаба, а вернее – распоряжения Павлова: не обезоружил казаков, когда те влились в ополчение, и не распустил их по домам; не пустил в расход офицерский полк, который когда-то присягал царю; выступил против буферной республики. Но на этот раз, стервец, склонил голову. И получается, что командарм Красной Армии чист во всех отношениях, не виновен, нет на нём изъяна. И судить Якова Ивановича Тряпицына не за что. А судить надо за неповиновение, но так, чтобы последующее поколение плевалось при имени выскочки. Ишь, возомнил себя царьком! Ты ещё не знаешь, на что я способен!

В чём предательство Павлова? Отправляя Тряпицына в ледовый поход по Амуру, Павлов был уверен, что тот не соберёт новых воинов, не пополнит свой отряд новобранцами. А те, кто примкнёт к Якову, не вынесут дорогу с ледовыми торосами и

снежной метелью, разбегутся при первой возможности. И останется его соперник у разбитого корыта. Ох, как надеялся мститель на неблагополучный исход! Разве это не предательство?

Но Тряпицын создал Армию! Один создал и сплотил её единым духом – верой в победу над японскими оккупантами и продажными белогвардейцами. Шесть тысяч бойцов! И каких! Бравых, любящих отечество и волю!

Если бы Тряпицын был мародёром, как его представляют «свидетели», разве пошли бы мужики под его руку, поверили его красивым словам?..

Игнорируя бездарные Павловские указания, Яков Иванович взял крепость Чныр-рах без единого выстрела. И вошёл в город тоже без единого выстрела. За такое орденами награждают! И наградили бы, если бы сей подвиг совершил большевик. Но Яков Иванович Тряпицын – эсер. И не важно, что он любит свою землю больше, чем большевики.

Кто такие большевики? Это партия руководителей. Коммунистическая партия – это партия исполнителей.

Павлов запретил разоружать японских милитаристов, чтобы не провоцировать их, и Тряпицын выполнил эту установку. Что же произошло? Японцы нарушили нейтралитет, напали на мирное население города Николаевска-на-Амуре и на партизан (А может большевики их спровоцировали?). Тяжёлые бои продолжались двое суток. Погибло много партизан, горожан, треть города сгорело. Но японцев выгнали из города!

Как реагировал Павлов на героические действия Николаевских партизан? Если признать правоту Якова, значит признать свои приказы бездарными. Вместо награды ищет компромат на полководца и не находит. Разве это не предательство?

Павлов встречается с Лениным и выставляет Тряпицына перед главой советского государства как анархиста, мародёра, самодура, а все победы приписывает себе. А это уже неприкрытое предательство.

Яков Иванович Тряпицын – стратег, политик и теоретик, не хотел сдавать Николаевск – на -Амуре неприятелю, как того требовал Павлов, и командиру Красной Армии вменяют мятеж. За мятеж в Красной Армии Троцкий установил высшую меру наказания. Якова это не испугало. Ради спасения Николаевска, Тряпицын готов пойти на смерть. Но, когда полководец узнал, что его Армию не пощадят, пустят в расход за соучастие, он подчинился. Герой спасает Армию, принимает удары на себя.

Партизаны и жители покидают город. Начальник ЧК Мартыанов выпускает уголовников на волю. Так распорядился Павлов; такие постановления могут исходить только от разрушителей, а Павлов и был таким. Зачем это ему понадобилось? Чтобы мародёры жгли дома, грабили, насиловали, убивали, а потом все их зверства списать на Тряпицына. Чтобы мародёры грабили в лесах склады с продовольствием, которое партизаны запасли для беженцев на всём их пути к Благовещенску, а потом эти злодеяния списать на Тряпицына. Разве это не предательство?

Оборванные, голодные, уставшие беженцы наконец-то добрались до Керби. Благодетель Андреев накормил несчастных, обласкал. И применил самое странное оружие – ложь. Белогвардеец, у которого нет чувства долга, чести, справедливости, заранее подготовил шептунов и распылил их, как ядовитые пылинки, среди пострадавших, дабы оклеветать защитников Николаевска. Андреев не сидел сложа руки и безучастно не наблюдал, как будут разворачиваться события. Спокойно с улыбкой порядочного

человека, внедрял в головы подопытных: «Вы не сами отважились на такой трудный переход, вас заставил Тряпицын. И даже не припас продуктов, не позаботился о вашей безопасности. Погнал на верную смерть. Так Тряпицын заметал своё позорное бегство. Японцев нет и близко, а он решил бежать, вояка». Перевертыши внедряли в сознание людей, что для Тряпицына это обычная работа, он привык убивать; вместе со своим летучим отрядом налетал на сёла и зверствовал. «Тряпицын достоин смерти. Мы будем судить его за все бесчинства. И главный судья – народ, вы, николаевцы, будите судить подлеца!»

14

А был ли суд? И кто судьи?

По идее, нужно завести несколько дел – так полагалось при царском режиме, этот метод остался и при советской власти. И не надо кричать, оправдывать убийц: «Не до того было, шла Гражданская война, какие ещё суды, кто ими занимался!» Когда судили, то находили и время, и место, и законность.

«Дело Тряпицына», «Дело Лебедевой» и так далее. К примеру, «Дело Тряпицына» должно было состоять из многочисленных допросов подсудимых, свидетелей, потерпевших, заключения экспертов и прочей доказывающей вину документальной базы. Завершать дело должен протокол судебного процесса. Всё это должно быть большим объёмом документов, сшитых в многочисленные тома.

На суде ссылаются на эти тома, оглашается том, из которого взят документ, номер листа в этом томе. В суде нужно подкрепить выступление фактическим материалом. Вызывают свидетелей, они клянутся говорить только правду; им объясняют, что за ложное показание несут уголовную ответственность.

Тряпицына и его товарищей заманили в западню и надели наручники. Это не арест, а совершённый террор по отношению к военным лицам, к командиру Красной Армии. И тот, кто совершил террор, должен нести наказание. Но террористы не только не понесли наказание, не встали перед лицом суда, но им дали право судить! Арестованных до суда объявили преступниками, таким образом, захватчики нарушили закон.

О том, что суда не было, свидетельствует вот ещё какой факт. Когда подсудимого приговаривают к расстрелу, то он, естественно, это знает. Его ведут к палачу, в присутствии палача прокурор удостоверяется, что перед ним именно тот, кого суд приговорил, и палач убивает. Если отсутствует расследование, если отсутствует суд, если отсутствует палач, то это заказное убийство.

Палач в присутствии прокурора и члена или членов суда привёл приговор в исполнение. Но если в акте отсутствует подпись врача констатировавшего смерть Тряпицына, то акт считается фальшивым.

То, что суда не было, моё расследование, надеюсь, убедило читателя. Теперь следует обратить внимание вот на что – какие предшествовали события, которые готовили клевету на Тряпицына и Лебедеву (встречи, договорённости, обещания, указания и т.д.). Ведь настоящие преступники не склонны признаваться даже на смертном одре.

Но прежде я задам вопрос читателю: «Можно ли судить о человеке по тому, что о нём говорит человеческая мразь: Десятов, Мартянов, Андреев?»

Павлов несколько раз расставлял сети Тряпицыну, чтобы обрезать крылья удачнику и сопернику. Не получилось.

Павлов завидовал Якову, что его любит красивая и умная молодая женщина. А его никто не любил. Нет человека, которому он мог бы довериться, поговорить по душам, даже поплакаться.

Павлов завидовал Якову, что тот смог сколотить Армию в шесть тысяч сабель! И где он столько народа набрал! Освободил Николаевск от захватчиков. Организовал Трудовую Армию. Подготовил Николаевск к обороне. Предан революции, голыми руками не возьмёшь. Обладает личной храбростью. Жители сёл радушно встречают. Прямо легендарный герой. Может въехать на белом коне, когда окончательно разгромит неприятеля. И будет править Приамурьем не большевик, а эсер! Не бывать этому!

Павлов выбирает Андреева для реализации гнусного дела, прошлое которого пахнет кровью...

– Ты обязан мне помочь, – вполне твёрдо произнёс Павлов. – Любовь, её не отбросишь..., но есть ещё дело революции, государственное дело, Андреев. Я хочу послать тебя в Николаевск на рекогносцировку. Поговоришь с народом, везде побываешь, побудешь там недельку. Тебе поручение письменное по установлению связи дам, по проверке радиостанции крепости. Так что полномочия вроде бы мелкие и никем не будут особенно замечены. В штаб, конечно, заявись, с Яковым познакомься, с Ниной. Ты их должен понять, непростых этих людей. Но ревизора из себя не играй, будь в тени. Ты должен привести из Николаевска такие сведения, которые бы подтвердили ошибочную и прямо-таки контрреволюционную позицию Якова.

– И Нины?

– Само собой...

Собачий нюх у Андреева. Знал, что среди населения ему трудно найти наговорщиков. И он обратился к начальнику ЧК Мартьянову. Мартьянов – любимчик Павлова. За просто так не любят.

«...пристально глядя в жёсткие глаза, сказал проникновенно:

– А что если этих мародёров, как вы справедливо говорите, назвать коммунистами, эсерами, анархистами, в общем, противниками политики Тряпицына? И он их убирает... Потому-то партийная группа коммунистов в Армии и ста человек не насчитывает. Не любят коммунистов Тряпицын и Лебедева, гонят их из Армии, отстраняют от руководящих должностей. Список этих казнённых с соответствующим донесением в штаб Армии Приамурья, в краевое чека были бы компрометирующими документами для Тряпицына и Лебедевой. Пока в верхах таких материалов против них нет.

– Но это похоже на подлог? – поморщился Мартьянов.

– А освобождение буржуев не подлог? – возразил Андреев. – Противника иногда поражают его же оружием. Известно, что Ленин одобрил красный террор как средство борьбы против белых. Почему он так поступил? Не от кровожадности, нет, он хотел спасти республику, её завоевание. Вот и вы, устраняя, вернее помогая устранению негодных, недисциплинированных руководителей Армии, защищаете по существу республику, власть Советов...

Бумагу о незаконном расстреле коммунистов и членов других партий, оказавшихся в оппозиции Тряпицыну и его окружению, Мартьянов сочинил, а осуществление расстрела перечисленных в списке людей приписал помощнику командира Лапте.

Донесение подписали несколько свидетелей расстрела, служащих чека».

С некоторыми свидетелями Иван Андреев пожелал поговорить. А вдруг удочка окажется с хорошим уловом?

Да, «свидетель» Десятов оказался просто кладом; он всё сыпал и сыпал наговорами на головы Тряпицына и Лебедевой так, что перевёртыш Андреев еле успевал записывать. Радовался прислужник удачи.

На «суде» Андреев махал бумагами и кричал, что это постановление ревтрибунала, скреплено печатью и подписями. Ну и что из этого? Разве те, кто подписывал данные документы, на «суде», могут подтвердить свои подписи? А если это фальшивка? Разве можно верить слову на таком важном заседании? Ведь таким макаром можно кого хочешь расстрелять! Так можно, махая бумажкой, кричать, что Ленин является шпионом немецкой разведки и его ревтрибунал приговорил к расстрелу. И подписи имеются, и печать, можете проверить. Это же балаган, а не суд!

Яков потребовал слова. Он говорил стоя и смотрел на беженцев, которые несколько дней тому назад готовы были пойти за ним в сражение. Его слово было ярким, правдивым (читайте в романе «Амурская трагедия»), оно срывало все покровы с преступного суда, обнажало их гнилую суть.

А заканчивал Яков свою речь так:

«... – не трибунал это, не суд, это суд самозванцев над невинными. Не трибунал это, а шемякин суд. Балаган! Отвратительный балаган. Я вижу среди членов суда несколько мародёров, осуждённых за грабёжи и насилия сбежавших из тюрьмы. По этим злоторотцам, – указал на мародёров, сидящих с краю, – можно судить обо всём составе трибунала. Чего ждать от такого суда!..

Мы не унизимся до просьбы помиловать нас, и знаем, какой нас ждёт приговор, знаем, как попали в предательскую ловушку. Нас не страшит предстоящая смерть, нас беспокоит, мы печалимся только о судьбе революции, о судьбе отечества, судьбе земли русской. С горьким сознанием нависшей над родиной опасностью уходим мы из этого мира. Могут погубить отечество предатели, изменники, перевёртыши, которые изложат сердце Родины, революции, предадут народ, – такие, как этот председатель трибунала Андреев!».

Что мы знаем о Якове Тряпицыне и тряпицынщине

Известно, что период Гражданской войны на Нижнем Амуре ещё мало изучен. Существует в настоящее время достаточно новых источников и публикаций об этом сложном времени, о чём следует отметить следующее: события 1920-1922 годов долгое время замалчивались, поскольку были во многом противоречивы. Писать о сложном периоде Гражданской войны на Амуре дело трудное. Нужна глубокая историческая и источниковедческая подготовка автора, чего в достаточной мере не было, что и отразилось в крупных ошибках и неточностях в романе Г.Н. Хлебникова «Амурская трагедия».

Автор не попытался, на мой взгляд, обратить внимание на оценку учёных и излагал в романе всё по-своему, несколько предвзято, хотя относил события к так называемой Амурской трагедии! И будто бы автор имел на это право.

Возьмём, в порядке вступления к данной теме, книгу «Очерки истории Хабаровской краевой организации КПСС», изданной в Хабаровском книжном издательстве (1979 г. стр. 61, 73-75), где чётко изложена суть тряпицынщины, и автор, как мне представляется, должен был об этом знать, но этого не случилось.

Приведём отдельные выдержки из книги: «20 октября 1919 года на подпольный центр в Хабаровске обрушился удар противника. Исполнительный комитет предали попавшие в руки колмыковской охраны Заварзин и Лапта. Они выдали около 60 подпольщиков – почти весь «Исполнительный комитет» и актив. 23 подпольщика расстреляны или зарублены. Погибли И. Погудин, В. Болотин, жена его, тоже коммунист, С. Болотина. Умер от тяжёлых штыковых ран П. Луненко. Его заместителю, коммунисту Б. Жданову, удалось бежать из «вагона смерти» и переправиться в отряд А. Кочнева» (с.61). Так, что уже здесь роль Лапты видна с отрицательной стороны как предателя. (П.Ф.)

«1-2 ноября 1919 года в селе Анастасьевка (неподалёку от Хабаровска) состоялась конференция партизанских отрядов и некоторых городских подпольных групп. Приняли решение готовить всенародное восстание, 3-х тысячную партизанскую армию, действующую в Хабаровском Приамурье, распределили по 5 районам – направлениям. Небольшая экспедиция направлялась в низовья Амура, к Николаевску, чтобы охватить партизанским движением этот район, у неразорённого здесь крестьянства взять продовольствие, а Николаевск блокировать, как и Хабаровск. Избрали новый состав партизанского Военштаба – уже Хабаровского и Николаевского во главе с коммунистами Бойко-Павловым (председатель), Попко и Холодиловым (заместители). Таким образом, партизанский Военштаб представлял уже военную и гражданскую власть. (с. 62)

«Вниз по Амуру после Анастасьевской конференции вышла агитационная группа во главе с коммунистом М. Попко и несколько экспедиционных отрядов (Я. Тряпицина, Г. Мизина и Т. Наумова). У села Циммермановки разбили отряд белых. Солдаты

гарнизона в Мариинске перешли на сторону партизан. Была объявлена мобилизация крестьянского населения.

930-километровое расстояние от Хабаровска до Николаевска в сильнейшие морозы было покрыто за 50 дней.. Из нескольких десятков бойцов партизанская экспедиция выросла в полуторатысячную армию.

В конце января к японскому командованию в город выехал партизанский парламентёр..., после пыток он был расстрелян вместе с сопровождавшими его крестьянами.

Что было в самом Николаевске? Основные советские работники брошены в тюрьму. Подпольная работа до осени 1919 года велась под руководством вожака местных большевиков С. Бунина, который находился на нелегальном положении. В городе оставались большевики Н. Лаптев – типографский рабочий, И. Чепурков и Г. Черненко, присланные из Благовещенска и Хабаровска ещё при власти Советов. Выпускали листовки, были связаны с рабочими города и узниками в тюрьме. Летом 1919 года Чепурков был убит из-за угла. Подпольная группа организовала демонстрацию протеста. Убит был и Черненко. В ночь на 31 июля организовали побег политзаключённых. В тайгу бежали комиссары Будрин, Бебенин, Слепов, Павличенко, а коммунист Иваненко и советский работник Жоголев были спрятаны в городе. При нападении карателей Бебенин и Слепов погибли. Будрин и Павличенко создали из горных рабочих боевые отряды.» (с.63)

Несмотря на огромные потери, подпольная деятельность Николаевских коммунистов проводилась почти без перерыва до февраля 1920 года. Белогвардейская власть разлагалась и рушилась повсюду.

Писатель Г.Н. Хлебников, обратившись к теме Амурской трагедии, в своём романе, по всей вероятности, поторопился и не сумел в полной мере, правдиво изложить отдельные положения Амурской трагедии, в период японской интервенции на Дальнем Востоке.

Николаевск большую часть года был практически отрезан от остального мира, особенно зимой. Контролировать действия партизан было невозможно. Это и породило бандитское отношение вооружённых людей к населению, что вызвало безнаказанность и произвол, так называемой «Тряпицынской армии».

В романе автор не дает характеристики политической обстановки в городе, каким был Николаевск до известных событий, не рассказал о значении, одного из первых портов Дальнего Востока. А это не даёт в полной мере представить, какой урон республике был нанесён тряпицынщиной каждой семье, каждому его жителю! Нельзя себе представить коварство бандитов, начавших методично сжигать рыбацкие поселения на побережье Сахалина и берегах лимана. Чего не хватало командирам тряпицынской армии? После чего бала организована кампания поджогов домов и зданий в самом городе Николаевске? (См. Дмитрий Славинский. «Николаевские дни». /Новое время, 2003, № 25, С. 36-41).

«С именем Тряпицына связано одно из наиболее кровавых преступлений, совершённых от имени Советской власти – так называемый «Николаевский институт», – пишет Д. Славинский. А именно, в этот промежуток времени, с 1 марта по 2 июня 1920 года, представители Советской власти в области расстреляли, закололи, зарезали, утопили и засекли шомполами всех офицеров (русских) за исключением одного слу-

чайно спасшегося подполковника Григорьева, громаднейшую часть интеллигенции, многих крестьян и рабочих, стариков, женщин и детей. Уничтожили всю, без исключения, японскую колонию с японским консулом и экспедиционным отрядом, сожгли и уничтожили дотла город Николаевск. Город был разрушен до основания. Население же его целиком уничтожено. Количество убитых во время разгрома исчисляется официально в шесть тысяч человек, но фактически погибло значительно больше. Вошедшие в начале июня в город японские войска нашли догорающее пепелище и гниющие на улицах трупы людей». (с.36).

Тряпицын, докладывая в Хабаровский штаб об уничтожении японского отряда и японского консульства с целью замести следы, скрыл от советских военных властей об ультиматуме о сдаче оружия, который он выдвинул японцам. В этой ситуации не совсем понятно, кто и что творил. Для чего красные убивали белых, белые- красных? Кому была нужна братоубийственная война? Было ли это из-за грубых ошибок в ведении Гражданской войны или неприятия между командирами? А были ли красными все те люди, так поспешно примкнувшие к отряду Тряпицына? Конечно, нет. Быстро сформированная Армия была расношёрстной, в ней не было общих идеалов, настоящей армейской дисциплины.

Почему к отряду Тряпицына первоначально включилось такое большое количество приамурских крестьян и рабочих? Люди поверили в лозунг « Земля народам!», но когда увидели, что эта « армия» грабит местное население, отбирает скот, хлеб, имущество, глумится над населением, многие стали разбегаться по лесам.

Из рассказа крестьянина села Жеребцово Фёдора Павловича Лоскутникова, бывшего ряд лет горным мастером. Приведу его слова: «...могли в такой армии служить, но не особенно хотели, когда в действиях пришедших с войском солдат просматривался обыкновенный бандитизм».

И Лапта, который выведен у Г.Н. Хлебникова в романе как успешный командир, на самом деле, по мнению Ф.П. Лоскутникова, «был отъявленным бандитом». Он вспоминал, как им пришлось спастись от Лапты на барже с сеном, которая плыла по Амуру.

В другом источнике, в книге Евгения Коржавина «Дорогами Амгуни и Амура» (Комсомольск, 2009), в разделе «Кровавый след Якова Тряпицына»(с.55-63) из воспоминаний Гавриила Григорьевича Милованова, жителя нижнего Амура, мы узнаем: «Могли ли партизаны удержать город от нашествия японцев? Была бы кровавая расправа с населением за разгром японского гарнизона, организовавшего в городе наглую провокацию, в которой погибли сотни партизан? Ответ: безусловно! Так творили расправы японские интервенты везде».

«Деятельность Тряпицына на нижнем Амуре не однозначна. Он сжёг Николаевск вместо того, чтобы удержать. По его вине бездорожье тайги стало могилой для стариков, женщин и детей, насильно эвакуированных из города. Таинственно гибли лучшие вожаки партизанского движения. Известно, что Яков Тряпицын отличался привлекательностью, был храбр, умел увлечь людей. Но это был диктатор – анархист, к которому прилипло всё отребье, вынесенное волной революции и Гражданской войны». (с.62)

Тряпицын пытался распространить мятеж на районы Севера, Амурскую область, Хабаровский район. Изолированность Николаевска была ему на руку. Пользуясь ра-

диостанцией, он занялся разбойным шантажом, дезинформацией в широчайшем масштабе. Выступал от имени командующего Красной Армии. Бахвалился 5-тысячной своей армией. Грозил войной «против Японии». Одну из таких радиопрограмм японское радио повторяло как доказательство намерений Советской России напасть на Японию.

Против создания буферного государства и за войну с Японией яростно выступали николаевские анархисты во главе с Тряпицыным и левые эсеры, максималисты во главе с Лебедевой-Кияшко. Анархистско-максималистский экстремизм был опасен своей ложной псевдореволюционной ролью. Криками о немедленном восстановлении Советской формы власти они затушёвывали свою мятежность против её существа – диктатуры пролетариата. Поэтому под флагом «беспартийности» всячески препятствовали, вплоть до угрозы расправой, объединению коммунистов. Именно их представители возглавляли воентрибунал, следственную комиссию и ревизионную. Экстремизм опасен именно своей ложью.

Заметим, что в романе Г.Н. Хлебников выводит Тряпицына боевым успешным командиром, а он был явным провокатором, и как назвал свою статью А. Сутурин, «Нижнеамурским диктатором», (Газ. «Приамурские ведомости», 1991, 19 апреля, с. 6).

И ещё на суде Яков Тряпицын заявлял, что он шёл по программе большевиков... Большого цинизма нельзя было и предполагать!..

Печально, что автор использовал в романе конкретные фамилии. Ведь оказалось, что Лапта, Тряпицын, Лебедева и другие, кто чинил в сёлах беспредел, являлись преступниками, а совсем не героями Гражданской войны на Дальнем Востоке.

После указанных событий последовало категорическое требование Совнаркома РСФСР – прекратить в Николаевске-на-Амуре политику раздора. Из Хабаровска Постышев подробно разъяснил необходимость проявлять дисциплину. В ответ Тряпицын хвастливо, открытым текстом передал по радио: «С моря можем заминироваться, есть крупные орудия, всё мобилизовано, готовимся к войне». Появилась реальная опасность похода японских войск к Николаевску, 15 – 16 мая минируется порт, затопляются баржи, чтобы препятствовать подходу японских судов с моря, а на пути по Амуру от Хабаровска создаётся Амгуне-Тырский фронт. Затем начинается лихорадочная эвакуация. И в это время по приказу Тряпицына уничтожаются ранее арестованные коммунисты и беспартийные комиссары областного и городского Советов, партизанские командиры и другие работники, выступившие против анархистско-максималистской группировки и её губительной политики. Всё население эвакуировалось в Амурскую область по Амгуни через Керби, Экимчан и по Селенджи. Во время эвакуации применялись произвол и насилие.

В Керби Тряпицына, Лебедеву и их сторонников арестовал образованный во главе с коммунистом И. Андреевым временный ревштаб. Преступников присудили к расстрелу, а их подельник Лапта был убит в селе Бичи.

Приморская областная партконференция (10 – 11 июля 1920 г.) дала политическую оценку действиям анархистско-максималистских вожаков. Конференция отметила, что они сознательно шли против основных указаний Советской власти.

Анархистско-максималистский мятеж в Николаевске послужил уроком и коммунистам Дальнего Востока.

Использованная литература

1. Коржавин, Е.А. Дорогами Амгуни и Амура / Е.А. Коржавин. – Комсомольск, 2009.
2. Левкин, Г.Г. Было, но быльём не поросло... / Г.Г. Левкин. – Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2006. – 159 с.
3. Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 годы). – Хабаровск: Кн. Изд-во, 1979. – 496 с.
4. Пелипас, А. Имена из смутного прошлого. / А. Пелипас // Приамурские ведомости. – 1995. – 21 октября.
5. Славинский, Д. Николаевские дни. / Д. Славинский. // Новое время. – 2003. – № 5.
6. Сутурин, А. Нижнеамурский диктатор / А. Сутурин. // Приамурские ведомости. – 1991. – 19 апреля.

А.О. Демидова, читатель

**О романе Г.Н. Хлебникова
«Амурская трагедия»**

Я знала Геннадия Николаевича более 7 лет (познакомилась я с ним 18 июня 1999 г., а простилась 19 октября 2006 г.), и в течение этих лет я чаще всех бывала в доме Хлебниковых. Пока жива была Валентина Павловна, больше общалась с ней, а когда ее не стало, старалась как можно чаще навещать Геннадия Николаевича, чтобы скрасить его одиночество, чем-то помочь, рассказать ему о городских новостях, попросить совета, а главное – послушать его рассказы о жизни, о людях, с которыми свела его судьба. Память у него была прекрасная, и рассказчик он был отменный. Меня всегда поражало, с какой легкостью он вспоминал имена и фамилии людей, время и место, изображенные на фотографиях, которых у него было великое множество. Однажды я попросила его отобрать самые важные, на его взгляд, фотографии и подписать их. Он незамедлительно выполнил мою просьбу. Я отвезла эти фотографии Меринову, и Владимир Алексеевич переписал их на диск, который сейчас хранится в библиотеке № 6.

Я прочла все его книги (11 книг он мне подарил). Почти все его книги написаны на документальной основе, и герои в них носят свои собственные имена и фамилии. И только, если кого-нибудь приходилось «немного критиковать», тогда Геннадий Николаевич несколько видоизменял фамилию этого человека, например, Никонов – Никандров, чтобы (как объяснял Геннадий Николаевич) не задеть чувств его родных и близких, т.е. он в основном писал «о людях хороших» и не любил писать о плохих. Поэтому он никогда бы не стал писать, в своём романе «Амурская трагедия», о Тряпицыне и Лебедевой, если бы они были таковыми.

Геннадий Николаевич работал над этим романом половину своей долгой жизни, собирая материал, изучая документы, встречаясь со свидетелями и очевидцами тех событий. Как честный и глубоко порядочный человек, Геннадий Николаевич считал своим долгом вернуть оклеветанным и уничтоженным людям хотя бы их доброе имя, т.е. исправить историческую несправедливость. Я считаю, что он совершил гражданский подвиг, защитив честь и достоинство настоящих патриотов, уничтоженных по прихоти одного человека.

Роман «Амурская трагедия» стал для меня, можно сказать, откровением, т.к. о Гражданской войне на Дальнем Востоке я знала в основном по песням да нескольким прочитанным в школьные годы книгам. Образы главных героев написаны так живо и ярко, что после прочтения романа мне казалось, что я лично знала и Якова и Нину.

Понимая, что роман – не документальная повесть, я прямо спросила Геннадия Николаевича, насколько описанные события соответствуют действительности. И он мне ответил: «Я старался придерживаться исторической канвы и только в одном по-

грешил против истины – «убил» Андреева. Ему удалось уйти за кордон, в Китай, но я не мог этого допустить. И поскольку рамки художественного произведения мне это позволяли, я его «убил». Когда я разобрался во всех перипетиях этой истории, я пришел к выводу, что главной причиной трагедии стал банальный любовный треугольник: Павлов – Лебедева – Тряпицын. Французы правильно говорят: «шерше ля фам». Трагедия эта замешена на человеческой любви, которая идет рядом с ревностью и ненавистью. Павлов не смог простить Нине её бегства в отряд Тряпицына и всячески старался навредить им обоим.

Я разделяю точку зрения Геннадия Николаевича, поскольку «отеллы» всех времён и народов способны на любое преступление во имя своей оскорблённой любви.

Здесь прозвучали слова, что Тряпицын взорвал и сжёг Николаевск, оставив от города одни руины. Как это можно было сделать без согласия жителей? Скорей всего, это было решение самих жителей, которые не захотели оставлять свой город японцам, и поступили как москвичи в 1812 году.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?». . .

Тряпицын увёл из Николаевска и окрестных сёл тысячи жителей и повёл их таёжной тропой в Благовещенск. Он что, гнал их, как стадо баранов? Нет, разумеется. Значит, люди пошли за ним добровольно. Пошли добровольно за «Яшкой-бандитом»?! Чушь! Добровольно люди могут пойти только за человеком, которого они уважают и которому доверяют.

Тряпицына и Лебедеву судил народный суд и приговорил к расстрелу, а кто был председателем суда? Тот самый Андреев, которого Павлов послал «разобраться на месте». И Андреев прекрасно понимал, что подразумевает Павлов под этой «разборкой». Он и разобрался. А сделав своё чёрное дело, ушёл в Китай, возможно даже с тем самым золотом, которое Тряпицын вывез из Николаевска, чтобы оно не досталось японцам. Только Геннадий Николаевич «убил» этого негодяя. А найти статистов на роль «народа» ничего не стоило. Как вершились такие суды, мы сейчас прекрасно знаем. Если уж расстреляли даже Блюхера, который, как Вы сказали, пришёл с регулярной армией и навёл порядок. Не за это ли заплатил своей жизнью? Человек награждённый первым орденом Красной Звезды! Что уж там какой-то Яшка Тряпицын.

Так ли, что «тряпицынщина» явилась одной из причин репрессий 37-го года.»?!

-Помилуйте, господа! Тряпицын воевал-то каких-нибудь года два и в 1922-ом году был расстрелян. К тому же он сражался за свободу и независимость своей Родины против японских захватчиков. Ведь Геннадий Николаевич посвящает свой роман именно 80-летней годовщине освобождения Дальнего Востока от японских интервентов и 80-летию со дня трагической смерти истинных героев, патриотов России: Якова Тряпицыни и Нины Лебедевой. А термин «тряпицынщина» несомненно, придумали те, кто прикрывал свои преступления. Что ж, коммунисты и не на такое способны. Ну, например, расстрелять польских офицеров, переодев своих собственных в форму «эсэсовцев». А вот пули не сочли нужным поменять на немецкие, настолько были уверены в своей безнаказанности. Не учли только одного, что Бог шельму все-таки метит. И в расстреле участвовали только коммунисты, не коммунистов к таким операциям не привлекали.

Далее, с негодованием было сказано, что Тряпицын утопил несколько коммунистов. Если и утопил, то скорей всего не по политическим мотивам, а потому что они оказались мерзавцами. Ведь коммунистами в большинстве своем были безграмотные мужики, накаченные революционными лозунгами, и действовавшими по принципу: сила есть – ума не надо. Называлась эта сила – диктатурой пролетариата. Она-то и уничтожила весь свет российского народа, его ум, честь и совесть: поэтов, философов, учёных, священнослужителей, военачальников. А после этого компартия провозгласила себя «умом, честью и совестью нашей эпохи». Творя беззакония, став позором нации и приведя страну к полному краху, но обвинив своих грехах новоявленных демократов, которые все являются воспитанниками компартии и комсомола. Истинных демократов нам предстоит ждать ещё, как минимум, 15 лет. (Должно пройти не менее 40 лет, пока новое сменит старое – таков закон природы).

Кровавый след Якова Тряпицына

Гавриил Григорьевич Милованов четвертый год работает сторожем бензохранилища. Дело это довольно хлопотное. Еще не перевелись лихачи, охочие до дармовщины. Нужно и ночью быть настороже и ружьишко держать в готовности.

Узнав, что мы возвращаемся с Амгуни, Милованов вспомнил о событиях давно минувших лет, очевидцем которых был сам.

В Приамурье бушевала Гражданская война, разгорался пожар интервенции. Японцы наступали от Николаевска на канонерках, от Хабаровска - на судах, захваченных во Владивостоке и доставленных в Амур. Командир партизанской армии Яков Тряпицын уводил отряды на Амгунь, в тайгу... Туда же эвакуировалось население из сожженного Николаевска и покинутых деревень. Японцы не оставляли камня на камне, ничего Живого. В деревнях бесчинствовали банды анархистов Лапты и Бича. Гавриилу Григорьевичу тогда было десять лет, память сохранила многие подробности этой трагической эпопеи.

Около шестисот человек-беженцев на двух баржах, буксируемых катером «Аида», уходили вверх по Амгуни. На Большом перекате катер перевернулся. Баржи понесло течением. Вместе со всеми с Амура бежала семья Миловановых. Гавриил Григорьевич помнит, как взорвался котел на катере, искореженную трубу, как стали бросать якоря, чтобы сдержать баржи. Потерпевших крушение подобрал пароход «Мануил» и доставил в Керби.

Керби было наводнено беженцами. Бараков не хватало. Вновь прибывших размещали в пустовавших амбарах, где раньше хранились товары и продовольствие для приисков. Миловановых поместили на третьем этаже одного из амбаров.

Из-за большой скученности людей и нехватки продовольствия начались голод и болезни. У Миловановых заболела и умерла младшая дочь. Ребятишкам иногда перепало молоко, в котором для сохранения красоты купалась Нинка Лебедева, ходившая на-

чальником штаба при Тряпицыне. Она всегда появлялась в кожаной куртке с револьвером на боку.

- В Керби творились страшные злодеяния, - вспоминает рассказчик. - Потом стало известно, что мы все были обречены на гибель. Описывались бараки. Ночью приходили вооруженные люди и говорили, что нужно эвакуироваться. Людей поднимали и уводили из села. Никто не возвращался. Без ружейной стрельбы всех до одного рубили шашками. Ребятишки и женщины, ходившие в лес за ягодами, находили у яров следы крови, испаранную ногтями пальцев землю. По реке всплывали трупы.

Милованов говорит, что в Керби Тряпицын ждал своего друга - Лапту. Существовал план, по которому они хотели уничтожить эвакуированных, в том числе и своих ближайших помощников, а потом бежать в Америку на двух самолетах с двадцатью пудами золота, вывезенного из Николаевска. Самолеты в Керби были доставлены на баржах еще по большой воде весной.

Лапта свирепствовал по деревням на Амуре. Однажды в Сусанино ворвались бандиты. Они согнали всех девчонок в клуб, надругались над ними и хотели сжечь. Но этому помешали партизаны, находившиеся недалеко от села. Исполнять свои кровавые планы бандиты часто заставляли деревенскую молодежь. Людей казнили, не объясняя, в чем их вина.

Тряпицын ждал, а Лапта застрял на Амуре. Японцы заняли Тыр и отрезали вход на Амгунь. Лапта вынужден был двинуться на Удинск пешком по тайге, марям и болотам. Гнали с собой население. Путь этот оказался гибельным. Женщины, изнуренные тяжелым переходом, стали обузой. Их пристреливали. Бандиты ехали верхом на людях. Всех, выбившихся из сил, убивали.

В действиях Тряпицына и его подручных чувствовалось что-то неладное. Слишком часто вокруг лилась кровь. Многие были не согласны с действиями командующего, но молчали. Сила была на стороне бандитов.

На выручку мирного населения в Керби был послан отряд Андреева. Он входил в состав армии Тряпицына, но первый вышел из-под его влияния. Японцы пропустили отряд Андреева (возможно, была какая-то договоренность в верхах). В Удинске отряд раз-

делился. Часть отряда во главе с Андреевым двинулась дальше, другая - осталась дожидаться Лапту.

Лапта ничего не подозревал. Встреча произошла, как старых знакомых. Рядом горели костры, в козлах стояли ружья. Двое флотских подошли к главарю, поздоровались и сразу заломили руки. Банда сдалась без боя. Кое-кто успел удрать. Лапту связали ремнями. Он скрежетал зубами и рычал, что уйдет. Расстреляли его в Удинске.

Андреев спешил в Керби. Когда кочегары предупреждали, что от перегрузки котлы могут взорваться, он отвечал: «Нужно торопиться. Каждую ночь гибнут люди». Через разведку и местное население Андреев знал о злодеяниях бандитов.

Тряпицына взяли рано утром в каюте парохода «Амгунь». Когда вломились в дверь каюты, он проснулся и схватился за оружие. Под угрозой нацеленных ружейных стволов бросил револьвер на подушку. С ним была и Лебедева. От поднятого шума проснулась.

- Кто там спать не дает? - были ее последние слова перед арестом.

Тряпицын надеялся на Лапту и скорое свое освобождение. Сник, когда узнал о его расстреле.

На верхней палубе парохода Тряпицына заковали в цепи. События взбудоражили партизан, беженцев и местных жителей. Все высыпали на берег. Ребятишки облепили ближайшие крыши домов и деревья. Андреев организовал митинг и объяснил обстановку.

Пароходы и баржи с возвращающимися беженцами японцы встретили в Удинске. Гавриил Григорьевич помнит строй катеров, солдат, стволы пулеметов, нацеленные на караван. Андреев с побледневшим лицом стоял на палубе. Он боялся, что кто-нибудь из его команды не выдержит напряжения, и тогда заговорят пулеметы. Когда миновали японцев, Андреев облегченно вздохнул и, взяв у отца махорку, свернул длинную, как оглобля, сигарку.

В Тыре японцы тоже никого не тронули. Беженцы разошлись по своим местам. Возможно, о пропуске беженцев обратно на Амур тоже была договоренность в верхах.

О судьбе Андреева ничего не знает.

Эту историю Милованов более подробно в течение трех вечеров как-то уже рассказывал одному студенту из Благовещенска. Студент собирал материалы для книги, намеревался еще поехать по Амуру, поговорить со старожилами и старыми партизанами.

Мы не обещали Гавриилу Григорьевичу написать книгу, а просто поблагодарили и сфотографировали на память.

«Амгуньские события» действительно имели место. Но трудно заключить насколько в рассказе все соответствует Действительности. Возможно, Милованов кое-что спутал, кое-где сгустил краски. Вызывает сомнение реальность плана бегства в Америку через океан на самолетах тех времен. Для чего нужно было поголовно уничтожать весь народ? Возникает ряд других вопросов, связанных с необходимостью эвакуации населения. Могли ли партизаны удержать город от нашествия японцев? Была бы кровавая расправа с населением за разгром японского гарнизона, организовавшего в городе наглую провокацию, в которой погибли сотни партизан? Ответ: безусловно, да! Так творили расправы японские интервенты везде.

Может быть, наш собеседник в инциденте, случившемся в Удинске, спутал Лапту с каким-то другим бандитом. Из рассказа участника тех событий - связиста из села Вознесенского Андрея Ивановича Ганжи, записанного писателем Г.Н. Хлебниковым (опубликован в газете «Дальневосточный Комсомольск» 30 сентября 1986 года под названием «Дуэль в Бичи»), Лапта узнал о расстреле Тряпицына, находясь в селении Синда на Амуре. Его отряд в то время продвигался в направлении Хабаровска. По возвращении в стойбище Бичи, где держал свой штаб с черным знаменем на крыше одной из хижин, он был убит в результате раздоров, возникших по поводу дальнейших действий отряда.

Деятельность Тряпицына на Нижнем Амуре не однозначна. Он сжег Николаевск, вместо того, чтобы удержать. По его вине бездорожье тайги стало могилой для стариков, женщин и детей, насильно эвакуированных из города. Таинственно гибли лучшие вожаки партизанского движения. Известно, что Яков Тряпицын отличался привлекательной внешностью, был храбр, умел увлечь людей. Но это был диктатор - анархист, к которому прилипло все отребье, вынесенное волной революции и Гражданской войны.

Рассказ Милованова перекликается тряпицынщиной, описанной Любовью Антоновой в романе «Заслон» (Амурское областное управление по печати, Благовещенск, 1966) и других публикациях.

Япония с наглым домогательством претендует на часть островов Курильской гряды, освобожденных Советскими войсками в 1945 году. В историческом прошлом все ее войны были вероломными и захватническими. «Николаевская трагедия 1920 года» - ее прямая причастность к кровавым событиям в Приморье и Приамурье периода японской интервенции 1918-1922 годов. Сама история вершит справедливый суд над агрессором. Ее претензии являются очередным актом коварства и вероломства.

**О. Е. Щербакова, читатель, член писательской
организации им. Г.Н. Хлебникова**

О романе Г.Н. Хлебникова «Амурская трагедия»

Гражданская война! Что может быть страшнее для любого государства? Ведь воюют между собой граждане одной страны, каждая сторона правой считает себя, и очень трудно разобраться сейчас, кто прав, кто виноват. Г.Н. Хлебников в своем романе «Амурская трагедия» сделал попытку найти эту правду. Работая над книгой, он встречается со многими очевидцами тех событий, читал документы. Не так легко было ему прийти к какому-то решению. По-разному отзывались о Тряпицыне и Лебедевой их сослуживцы. Но писатель понимал, как трудно пришлось молодому командарму упарвлять такой огромной, разношёрстной, наспех сколоченной армией. Были в ней и мародёры, и предатели, совершавшие мерзкие поступки, за которые пришлось отвечать ему. В результате Геннадий Николаевич проникся симпатией к этим молодым людям и в своём романе «Амурская трагедия» показал Якова Тряпицына и Нину Лебедеву не противниками советской власти, а патриотами своей страны, не желавшими отдать японцам Дальний Восток. И это у него получилось.

Перед читателями предстали молодые, красивые, влюбленные друг в друга люди – Нина Лебедева и Яков Тряпицын. Автору удалось показать своих героев так, что невольно проникаешься симпатией к ним. Яков Тряпицын. Ему чуть больше двадцати, но он уже повоевал на германском фронте, имеет два Георгия на груди. Боевой офицер имеет опыт военного. Это по его плану без единого выстрела была взята непреступная крепость Чныррах, затем Николаевск. Конечно, ему не хватает опыта по молодости лет, но он сумел привлечь на свою сторону многих опытных офицеров царской армии, советуется с ними прежде, чем принять какое-то решение. Не его вина, а его беда в том, что в неразберихе войны им пришлось оставить Николаевск. А как достойно ведет он себя на последнем судилище!

Нина Лебедева умна, красива, играет на гитаре, хорошо поет, читает наизусть Пушкина, сама пишет стихи. Да, она, как и все женщины, любит красивую одежду, но вынуждена одеваться по-мужски, как того требует обстановка военного времени. А с какой теплотой и нежностью она относится к осиротевшим беспризорным детям, которые ютятся на берегу под лодками! Это она для этих детишек открывает в Николаевске детский дом, по-матерински, с любовью помогает выжить обездоленным ребятишкам. Часто их навещает, находит для них хороших воспитателей, помогает организовать питание, находит одежду. Она занимается местной гимназией, пишет трактат о новой школе.

Яков и Нина любят друг друга нежной, трепетной любовью.

Геннадия Николаевичу удалось показать эти отношения чистыми, светлыми. Особенно трогательно описаны последние часы их жизни. Вот они в церкви перед казнью говорят, что хотели бы повенчаться иметь детей, просят прощения друг у друга. И умирая, они держатся за руки.

«Амурская трагедия» – это не история Гражданской войны на Дальнем Востоке. Это – художественное произведение. Здесь мы видим и картины природы: «Вдаль уходят волнами к горизонту горные хребты, постепенно голубея и сливаясь с голубизной неба». Здесь и куплеты романсов, исполняемые Ниной, и описания японских генералов с «приклеенными» улыбками. «Амурская трагедия» – это роман о человеческих судьбах: о любви, благородстве, подлости и предательстве. Спасибо Геннадия Николаевичу за его роман, который читается на одном дыхании.

Светлой памяти Якова Ивановича Тряпицына

Эхо Российской Гражданской войны и иностранной интервенции ещё долго будет звучать не только в России, несмотря на то, что с того времени уже выросло два новых поколения и историки вместе с политиками по разным причинам и под разными предложениями многократно обращались к событиям давних дней.

Для жителей Дальнего Востока, а в него входит не только Россия, но Япония, Корея и Маньчжурия, особое значение имеют события, происходившие на Нижнем Амуре. Девятнадцать иностранных государств приняли участие в вооруженной интервенции на территорию бывшей Российской империи, где шла борьба Белого и Красного цветов за право жить на основе избранной идеологии. По сути это была борьба угнетённых против соотечественников-угнетателей и их иностранных сотоварищей.

На Дальнем Востоке и в Забайкалье наиболее активную вооруженную и финансовую помощь Белым оказывала Японская империя, стремившаяся оторвать кусок образовавшегося Советского государства. Уже в 1918 г. появились карты, на которых южная часть российского Дальнего Востока была закрашена в цвет Японской империи. Японский империализм полагал, что легко удастся присоединить эту территорию, так как эйфория после победы в японско-русской войне 1904-1905 годов ещё не выветрилась у японских военных и политиков.

Но японцы не достаточно хорошо знали историю Русского государства и, вероятнее всего, не знали слов Александра Невского, сказанных в отношении немецких псов-рыцарей: «Вэр унс мит дэм шверт бетрит, вирд фон дэм шверте фален!» - т.е. «Кто с мечем к нам придёт, тот от меча и погибнет!».

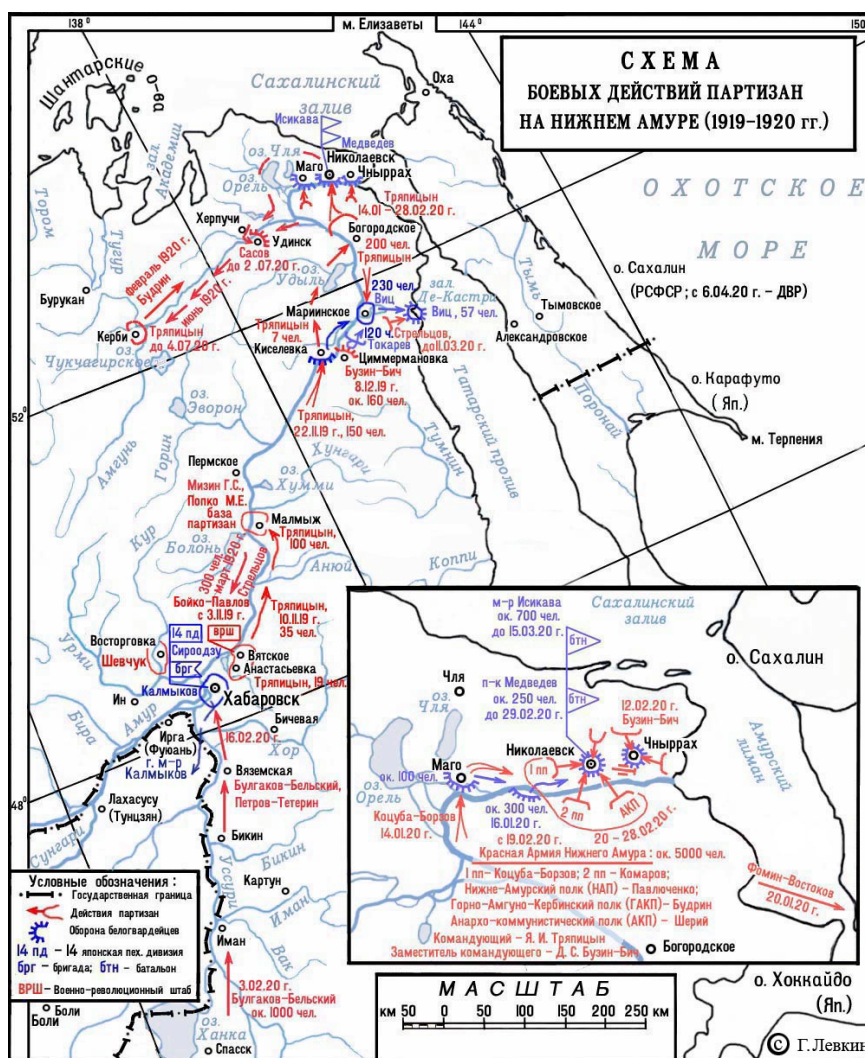
Но прежде чем вести речь непосредственно о герое Российской Гражданской войны Якове Ивановиче Тряпицыне, сделаем краткое отступление.

Современное поколение российской молодежи, выросшее в эпоху «дикого капитализма» (словно капитализм может быть не диким?) не понимает, почему народ брался за оружие и уходил в партизанские отряды.

Ещё в 1935 г. бывший Генерального штаба полковник Н.В. Колесников, находясь в эмиграции, писал: «До сих пор мы все поём только о героизме и хвастаемся, что всё было хорошо. А почему мы здесь? Почему лучшие генералы, с государственным золотым запасом, с тысячами офицеров, юнкеров и всей интеллигенцией и помощью союзников выброшены за границу? Почему мы разбиты? Кем разбиты: вахмистрами, унтерами, матросней, каторгой, чернью? Почему?...» Бывший полковник не понимал, что белогвардейцы и иностранные интервенты разбиты именно потому, что он и ему подобные считали народ быдлом, чернью, каторгой...

В этой связи хотелось бы задать вопрос: знает ли современная российская молодежь, что 2000 (две тысячи) тонн золотого запаса из современной Российской Федерации вывезены на хранение в Соединенные Штаты Америки? На случай, если народ

вновь взбунтуется и вновь компрадорской буржуазии придётся бежать за рубежи страны, используя паспорта с двойным гражданством?

Моя мать, урожденная Ерошкина Марфа Михайловна, родилась в 1910 г. в небольшой деревне Тягаево в Центральной России, в 300 километрах к юго-западу от Москвы. В избе её отца был земляной пол, не было печной трубы и дым выходил через открытую дверь, крыша соломенная, а освещением служила лучина, как и в глубокой древности. Она рассказывала мне, что помещиком был Цильякус, хотя уже не имевший крепостных, т.е. рабов, которых можно было продавать.

И не случайно в качестве руководителей белогвардейских армий были Врангели, Колчаки, Миллеры, Юденичи, Деникины и т.д. и т.п., которые не хотели другой жизни.

И в то же время фамилия «Тряпицын», как бы символизирует, что этот человек, а вместе с ним и другие, хотел выбраться из тряпья.

Во время службы в Группе Советских войск в Германии, в 1964 г. старый немецкий сапожник во Франкурте-на-Одере (родом он был из-под Кёнигсберга, нынешнего

Калининграда) подарил мне почтовую открытку времен 1915 г., когда был солдатом Германской армии. На открытке изображена русская крестьянская семья во время завтрака. За столом несколько человек, во главе стола старик с благообразным лицом. Крестьяне обуты в лапти. На полу изображены несколько кур, поросяток, собака и с русской печи выглядывает мальчишка.

Моя мать сказала, что на открытке изображена сушая правда. А мой дедушка Миша в детстве плёл лапти и для меня. Большинство моих современников не знают, что русские крестьяне практически не имели до конца 19 века отчеств и фамилий, а использовались прозвища, ставшие в последующем фамилиями, и поговорка «Иваны, родства не помнящие, не случайна. Впервые отчества добавлять к имени давал в награду царь Петр Великий особо отличившимся дворянам. Ныне почему-то вновь стали всё чаще и чаще использовать только имена, забывая про отчество, т. е – Отечество.

На Дальнем Востоке крестьяне не знали крепостного права, жили несколько лучше, чем в Центральной России, но, тем не менее, тягот и лишений имели предостаточно, чтобы у них выработалось желание лучшей жизни. Не лучшей доля была и у рабочих. (*Рабочий – Раб воочию!*) Солдаты и казаки, возвращавшиеся с германского фронта, ненавидели тех, кто гнал их умирать и получать ранения за интересы буржуазии, купцов и обнаглевших чиновников. Что касается казаков, то две трети их активно участвовало в установлении Советской власти, и первыми, кто реально начал активную борьбу против белогвардейцев в городе Хабаровске, и фактически на Дальнем Востоке, были казаки 1-го казачьего полка, поднявшие восстание в войске пресловутого атамана Калмыкова. Часть из них американцы передали на расправу Калмыкову, а часть ушла в партизаны

Этот краткий исторический экскурс мною сделан умышленно, чтобы было понятнее дальнейшее описание событий, которые называют в исторической литературе Николаевскими, или же Николаевским инцидентом.

Я уже довольно подробно писал о командующем Охотским фронтом Якове Ивановиче Тряпицыне в книге «Волочаевка без легенд» в очерке «Яков Иванович Тряпицын (герой или бандит?)» и в книге «Было, но быльём не поросло...» в очерке «История не терпит верхоглядства». Довелось мне встречаться и с Виктором Ивановичем Андреевым, приезжавшим в Хабаровск и подарившим мне фотографию отца с матерью, с сыном палача командования Красной Армии Нижнего Амура Ивана Тихоновича Андреева.

Увидевшая свет в 2009 г. книга В.Г. Смоляка «Междуусобица» ничего нового к моим знаниям о гражданской войне, в том числе и о событиях на Нижнем Амуре в 1920 г., не добавила.

Можно лишь сказать, указав на незначительные неточности, что дочь рыбопромышленника Мейера Моисеевича Люри, Элла Мейровна Люри-Визвелл не могла рассказывать Смоляку о том, что лично видела Я.И. Тряпицына, так как ещё в 1917 г. в возрасте 8 лет вместе с отцом уехала из Николаевска. И что на счету партизанского отряда Г.С. Мизина не было «несколько крупных боевых операций». В.Г. Смоляк (а вернее тот, кто готовил к публикации книгу) говорит, что партизаны отряда Мизина захватили в плен «начальника Хабаровского кадетского училища полковника Гроссевича». В действительности партизаны в устье протоки озера Катар напали на группу из 7 солдат и полковника, которые занимались заготовкой рыбы на заимке Гроссевича.

чей. В плен был захвачен воспитатель кадетского корпуса Александр Петрович Гроссевич, сын известного военного топографа Петра Степановича Гроссевича, чьим именем назван поселок в Хабаровском крае около бухты Ботчи в память о его топографических съемках той местности. Три белогвардейских солдата присоединились к партизанам, а четверых, двое из которых были ранены в перестрелке, отпустили в Хабаровск. А.П. Гроссевич был расстрелян около нанайского стойбища Муху. Атаман Калмыков предлагал обменять его на большевистских руководителей, но опоздал с этим предложением, поскольку тот уже был расстрелян. В отместку за Гроссевича по приказу Калмыкова были расстреляны 15 августа 1919 г. Александр Матвеевич Криворучко, Аксенов-Молоднюк, Бернштейн, Владимир Николаев, Иван Казаринов, Иван Рубан, Георгий Калмыков, Емельян Штабной, Александр Гетман и комиссар Хабаровской следственной комиссии Титов, которого включили в список вместо Георгия Пичек-Иванова, выпущенного из тюрьмы, так как тот не был причастен к большевизму.

После захвата партизанами баржи с мукой белогвардейцы и японцы напали на село Синда, бывшее базой отряда Мизина. Село сожгли, расстреляли старосту Трифона Вашковца и старика П. Рыка, разграбили продовольствие, запасенное на зиму. Население сбежало в тайгу. Поскольку Мизин не оказал сопротивления белогвардейцам и японцам, то партизаны его переизбрали и командиром отряда стал Иван Кириянович Оцевилли-Павлуцкий. Вот и все «крупные операции» Григория Семёновича Мизина.

В последующем, после объединения отрядов Тряпицына и Оцевилли-Павлуцкого, Мизин на некоторое время был избран заместителем Тряпицына и оставлен в Малмыже для организации тыловой базы и госпиталя, от должности заместителя Тряпицына отстранен. После отказа пойти на фронт в подчинение Рогозина он был арестован и расстрелян 27 мая 1920 г. вместе с другими заключенными...

Ещё одной неточностью Смоляка является его заявление, что Я.И. Тряпицын был назначен командующим советскими войсками приказом В.И. Ленина, так как имел прямую радиосвязь с Москвой. Радиосвязь осуществлялась через промежуточные станции Благовещенска и Иркутска...

Фактически командующим всеми партизанскими силами и образовавшейся Красной Армии Я.И. Тряпицын был избран самими партизанами. Но весьма характерен приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальне-Восточной Республики Г.Х. Эйхе от 22 апреля № 91: «1. В связи с общей обстановкой и для упорядочения и координации разрозненных партизанских отрядов... приказываю: Названные районы именовать фронтами, а именно: 1) район ст. Оловянная, ст. Онон, Нерчинска, Нерчинского Завода, Сретенска и Благовещенска именовать Амурским фронтом; 2) район Владивостока, Никольск-Уссурийского – Приморским; 3) район Хабаровска, Николаевска (на Амуре) – Охотским... 4) Командующими фронтами назначаются: Амурским – т. Шилов, Приморским – т. Лазо, Охотским – т. Тряпицын»...

Руководство декларированной 6 апреля 1920 г. псевдо-демократической Дальне-Восточной Республики пыталось таким образом включить войска, подчиненные Тряпицыну, в свой состав, хотя Яков Иванович категорически не признавал это так называемое буферное государство. Дальневосточная Республика действительно служила буфером для японцев, которые вольготно чувствовали себя на Дальнем Востоке

Отсюда видно, что Я.И. Тряпицын стоял на одном уровне со столь знаменитыми деятелями антибелогвардейского движения, как Д.С. Шилов и С.Г. Лазо. Правды ради,

следует сказать, что в Чите не знали о судьбе заместителя председателя Военного Совета революционных войск южного Приморья С.Г. Лазо, который 5 апреля 1920 г. сдался японцам под именем прапорщика Козленко, предварительно вместе с командующим А.А. Краковецким отдавшим приказ революционным войскам не оказывать в боях сопротивления японцам и стараться уйти в тайгу, хотя они, по мнению японского генерала Нисикавы, по численности и вооружению превосходили японские войска. (По моим подсчётам – также превосходили, это напечатано в материале «Японский блицкриг весной 1920 г.»)

Но вернемся несколько назад. 2 ноября 1919 г. в таежном селе Анастасьевка в 45 км от Хабаровска состоялась конференция командиров небольших разрозненных партизанских отрядов, на которой председателем Военревштаба был избран Демьян Иванович Бойко-Павлов. Бывший член этого штаба И.С. Бессонов (настоящая фамилия Анищенко), отвечавший за идеологическую работу в среде партизан, в письме к Н.Н. Прибылову писал: «В отношении Бойко-Павлова могу сказать следующее. Если бы не моя доверчивость, он в начале ноября 1919 года не был бы избран председателем штаба. В этом повинен только я. Ведь против кандидатуры были четыре члена штаба из семи, и такой умный и героический командир (из числа четырех командиров), как Тряпицын».

Без согласия Военревштаба Тряпицын во главе отряда из 19 человек на следующий день ушёл из Анастасьевки. В 2 часа ночи 10 ноября из села Вятского, ведомый Тряпицыным, выступил отряд уже в количестве 35 человек (список имеется в моём личном архиве) и направился вниз по Амуру для освобождения территории от колчаковской власти. При движении партизанского отряда колчаковская милиция разбежалась, бои в основном оканчивались победой партизан. Я.И. Тряпицын дважды в одиночестве в качестве парламентаря ходил к белоказакам и белогвардейским солдатам и офицерам с предложениями не оказывать сопротивления и присоединиться к восставшему народу. Его убедительные речи способствовали тому, что без пролития крови обошлось в Киселевке и Мариинско-Успенском. Совершив глубокий обходной рейд с 7 партизанами, в ходе которого к нему присоединились более 100 человек, Тряпицын занял село Богородское в тылу белогвардейского отряда полковника Вица, находившегося в Мариинско-Успенском. И после общения Тряпицына с офицерами и солдатами около 200 человек присоединились к партизанам, а полковник Виц и с ним 57 человек, в том числе 11 офицеров и несколько добровольцев из числа местных богатеев: Капсан, Ерёмкин, Люри (родственник той самой Э. Визвелл, написавшей заметку «Город, которого больше нет» для газеты «Русский флаг») ушли в Де-Кастри, где укрепились на маяке Клостер-Камп, ожидая прихода весной японских кораблей. Там их блокировал гольдско-мангунский (нанайско-ульчский) партизанский отряд под командованием Дениса Дмитриевича Ивина.

Не будем подробно останавливаться на ходе боевых действий партизан против белогвардейцев и японцев при движении к Николаевску и его окружении, взятии крепости Чныррах и осаде города, следует лишь сказать, что японцы убедились в силе Красной Армии, образованной ещё в середине января. В её составе уже было 5 полков. В с. Личи партизаны создали совет командиров, на котором было принято решение о преобразовании повстанческой армии в регулярную Красную Армию Николаевского фронта. Был избран штаб, утверждено образование и наименование полков и других

частей и подразделений. Утвержден командный состав, выборность отменялась. В состав штаба Красной Армии вошли: Я.И. Тряпицын - командующий, Д.С. Бузин-Бич – заместитель командующего, бывший капитан царской армии большевик Т.И. Наумов-Медведь – начальник штаба, А.И. Покровский-Черный – секретарь штаба, членами штаба были назначены А.И. Комаров, С.И. Шерий, Ф.В. Железин.

Образованные полки получили наименования:

1-й партизанский полк – командир И.И. Коцуба-Борзов;

2-й партизанский полк – командир А.И. Комаров;

Нижне-Амурский полк – командир Ф.П. Павлюченко;

Горно-Амгуно-Кербинский полк – командир И.А. Будрин (полк пока находился в районе с. Керби):

Анархо-коммунистический полк – командир С.И. Шерий. Но вскоре С.И. Шерий был послан в Иркутск для связи с наступавшей Красной Армией Советской России, и командиром полка стал Иван Видманов.

Там же в Личах был сформирован Сахалинский областной ревком во главе с Федором Васильевичем Железиным, поскольку город Николаевск с апреля 1917 г. был центром Сахалинской области.

Стремясь избежать напрасного кровопролития, 27 января командование армии решило послать в Николаевск парламентариев. Добровольно вызвался поехать И.В. Орлов-Овчаренко, в прошлом один из командиров партизан в Приморье, проделавший долгий путь с Тряпицыным. С ним отправился возчик Петр Михайлович Щетников (в некоторых источниках его ошибочно называют Сорокиным).

Парламентарии не возвратились. После пыток парламентариев убили. Подобные действия японцев и белогвардейцев поставили их вне законов войны.

После обстрела Николаевска из орудий, захваченных красноармейцами в крепости Чныррах, под давлением различных консульств японцы вспомнили о декларации генерал-лейтенанта Сирамидзу о соблюдении японской армией нейтралитета и прислали представителей на переговоры, которые проходили 25-28 февраля. В ходе переговоров Тряпицын вынудил японцев разговаривать с ним как с представителем Советской власти. В качестве наблюдателей на переговорах были два белогвардейских офицера: капитаны Мургабов и Немчинов.

Капитан Немчинов был опознан Тряпицыным, как руководитель расстрелов партизан на Сучане (ныне Партизанск в Приморье), но был отпущен в город, хотя и не считался парламентарием. Японцы были вынуждены подписать соглашение, на основании которого части Красной Армии вступили в Николаевск.

В руках чрезвычайной комиссии, назначенной ещё в Личах и возглавляемой партизаном Е.Т. Беляевым, оказались все документы белой контрразведки.

Обезображенные трупы партизанских парламентариев Овчаренко и Щетникова, а также 17-ти бывших в 1918 г. советских и партийных работников, расстрелянных белыми и японцами перед вступлением партизан в город, были выставлены в гробах для последнего прощания в здании гарнизонного собрания.

Чрезвычайной комиссии удалось выловить практически всех гласных и негласных сотрудников белой контрразведки. Все они были расстреляны. Были арестованы и посажены в тюрьму те, кто в 1918 г. подписал петицию на имя японского императора с просьбой послать войска на Амур для свержения Советской власти. По сути, подписа-

ми под петицией они подписали свои смертные приговоры. В мае, перед эвакуацией из города под давлением превосходящих сил японцев, эти арестованные были расстреляны.

После тщательной разведки расположения и морального состояния частей партизан в ночь на 12 марта японский батальон майора Исикава напал на советские войска в городе Николаевске.

Следует сказать, В.Г. Смоляк интуитивно определил, что нападение на партизан в Николаевске было санкционировано японским командованием из Хабаровска.

Судя по имеющимся документам, японцы готовились к такому же нападению на революционные войска и в Хабаровске.

11 марта 1920 г. председателем Хабаровского Военно-Революционного Штаба, представлявшим высшую власть в городе Хабаровске, Иваном Георгиевичем Булгаковым-Бельским был отдан приказ №19. Вот часть его содержания:

« §1. 12 сего марта (это по новому стилю дата Февральской Революции, - Г.Л.), по случаю празднования годовщины Великой Российской Революции, вменяю в обязанность все здания Правительственных и частных учреждений и заведений днём украсить красными флагами, а вечером, кому позволяет состояние, иллюминировать электрическими лампочками. Занятий во всех учреждениях, заведениях и торговли не производить. Столовым, кофейням и ресторанам разрешаю функционировать.

§ 2. Начальник японского штаба лейтенант Окабэ уведомил меня, что на стрельбище в юго-восточной окраине города, 11, 12 и 13 марта с 8-ми часов утра до 3-х часов дня японскими войсками будет произведена практическая стрельба боевыми патронами. О чем довожу до сведения граждан города Хабаровска и его окрестностей...».

На следующий день отдан приказ №21: «§1. 12 сего марта в 12 часов дня Военно-Революционный Штаб передал всю полноту власти в городе Хабаровске и его районе Временному Исполнительному Комитету Совета Рабочих, Красноармейских и Крестьянских Депутатов»...

12 марта в Николаевске должен был состояться съезд Советов Сахалинской области, что знаменовало восстановление Советской власти во всей области. Таким образом, Советская власть была восстановлена от Охотского моря до Забайкалья, так как в Амурской области она была восстановлена 5 февраля. В Приморье она также была восстановлена за исключением Владивостока и Никольска-Уссурийского.

Уведомление японцев о предстоящих стрельбах боевыми патронами 11, 12 и 13 марта в Хабаровске – это ни что иное, как хитрость, уловка, за которой прятали подготовку к нападению, но оно не состоялось в связи с неясностью обстановки, так как было бы ни чем иным, как началом войны против Советской Республики. А к этому японцы в тот момент ещё не имели общего плана, т. е. не были готовы. Нападение они подло совершат в апреле, когда во Владивостоке должно было быть подписано соглашение между местными властями и японским командованием.

В результате боев с 12 по 14 февраля в Николаевске японский батальон майора Исикава был полностью разгромлен. Партизаны потеряли убитыми 141 человека, ранеными и обмороженными около 250. В плену у партизан, по сведениям из книги Смоляка, японцев оказалось 132 мужчины и 4 женщины. По имеющимся у меня сведениям - 117 мужчин и 11 женщин из числа обслуживания и увеселительных заведений. Цифры расходятся незначительно, и это особого значения не имеет. Дважды ра-

ненным в одну и ту же ногу оказался Я.И. Тряпицын. Его спас Стрельцов-Курбатов, перетаскив на простыне из горящего штаба в укрытие. Через два дня после ранения скончался начальник штаба Т.И. Наумов-Медведь. Начальником штаба стала Нина Лебедева-Кияшко. Во время выздоровления Тряпицына его замещал Рогозин-Лапта.

Японцами опубликованы следующие сведения о боевых действиях в Николаевске и их последствиях: «В течение времени с 12 марта до мая месяца с.г. в Николаевске-на-Амуре местными большевиками были самым жестоким образом убиты японский охранный отряд, чины консульства и японские жители, всего до 700 человек обоего пола и разных возрастов. Положение этого превышает пределы всякой жестокости и зверства. Ради сохранения достоинства государства императорское правительство принуждено принять к тому необходимые меры... Ввиду изложенного впредь до организации законного правительства и благоприятного разрешения вопроса, будут заняты в Сахалинской области те местности, кои признаются необходимыми...». Итак, японцы возлагают ответственность на большевиков, белогвардейцы вопят о загубленных большевиками тысячах жизней жителей Сахалинской области, большевики клеймят анархистов.

Сожжение японцами деревни Ивановки, сожжение и убийство почти 300 стариков, женщин и детей они не считали «пределом всякой жестокости и зверства».

Несмотря на то, что Тряпицын предупреждал Хабаровск и Владивосток о возможном выступлении японцев, должных мер там не было принято.

В ночь с 4 на 5 апреля японские войска совершили нападение на революционные войска во Владивостоке и Никольске-Уссурийском, а днем 5 апреля – в Хабаровске. За одну ночь и следующий день японцы убили в Никольске-Уссурийском 552 человека, на станции Океанская – 30, в Шкотово – 265, в Раздольном – 100, в Спасске – около 400. При этом они подло убили всех парламентёров, приглашенных в Шкотово для переговоров. В Хабаровске советские войска потеряли около 400 человек убитыми и 1200 пленными.

По японским сведениям при нападении на советские войска было всего обезоружено (т.е. пленено) 468 офицеров (командиров) и 8012 солдат.

29 апреля во Владивостоке местные земские власти подписали с японским командованием Соглашение, по которому практически ликвидировались русские регулярные вооруженные силы в Приморской области и флот на Тихом океане. Генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, командовавший в 1918 г. войсками Уфимской директории, а после событий 4-5 апреля 1920 г. ставший вместо А. Краковецкого командующим войсками Временного правительства Приморской области Земской управы, назвал Соглашение с японцами от 29 апреля «Дальневосточным Брестом».

Но часть революционных войск смогла уйти из городов Владивосток, Никольск-Уссурийский, Спасск и Хабаровск, образовав Хабаровско-Спасский фронт с сохранившейся Советской властью в пределах от Красной Речки под Хабаровском до Свягино под Спасском, с центром в городе Иман (с 1972 г. – Дальнереченск). На левом берегу Амура, напротив города Хабаровска, образовался Хабаровский фронт (он же Восточный по отношению к Амурской области). Сначала обоими фронтами под Хабаровском командовал Г.И. Булгаков-Бельский, а на Спасском направлении командовал А.Ф. Копылов-Андреев. С 22 апреля Восточным фронтом стал командовать С.М. Серышев, поскольку его обороняли войска, перешедшие в Амурскую область и прибыв-

шие из Благовещенска. Вместо Копылова-Андреева Хабаровско-Спасским фронтом стал командовать В.И. Купрессов. Этот фронт просуществовал до конца мая, когда под воздействием Владивостокских псевдо-большевиков самораспустился Иманский Ревштаб.

30 мая в Хабаровске начальник штаба 14 японской дивизии полковник Ойнума и представитель Временного правительства Приморской областной земской управы большевик П.В. Уткин (настоящая фамилия Лясер) подписали соглашение, предопределившее ликвидацию Хабаровско-Спасского фронта и позволившее объединить силы 13 пехотной дивизии, находившейся к югу от Спасска, и 14 пехотной дивизии в Хабаровске.

Войска Серышева смогли отразить попытки японцев вторгнуться в Амурскую область, а положение Красной Армии Нижнего Амура стало крайне сложным.

С 21 апреля японцы заняли Александровск на Сахалине и ввели японскую администрацию на Северном Сахалине.

14 мая японский десант с кораблей «Мисима» и «Минамото» высадился в Де-Кастри, и была начата блокада Амурского лимана.

17 мая из Хабаровска вышла под японским флагом эскадра в составе русских канонерок «Бурят», «Вотяк», «Монгол», «Шквал», пароходов «Сильный», «Хилок», посыльного судна «Копье», катера и баржи в направлении на Николаевск.

Капитан Мургабов, участвовавший в качестве наблюдателя при переговорах Тряпицына с японцами в феврале 1920 г. и вступивший затем в Красную Армию, не смог около Тырского утёса и с. Мариинско-Успенского установить действенные минные заграждения. За невыполнение приказа был расстрелян.

Согласно приказу главкома всеми вооруженными силами Дальне-Восточной Республики Г.Х. Эйхе №94/БЛ от 15 мая 1920 г. командующему Охотским фронтом Я. И. Тряпицыну было предписано избежать столкновения с японцами. Это было возможно только при уходе из города и выводе оттуда семей красноармейцев, работников Советской власти и всех, кто в той или иной мере имел отношение к борьбе против белогвардейцев и японцев. Таким образом, эвакуация из Николаевска не являлась прихотью Тряпицына.

13 мая Сахалинский областной исполком принял решение создать Военно-революционный штаб, которому передать всю полноту власти. Голосование было тайным. Членами Военревштаба были избраны Я.И. Тряпицын, Н.М. Лебедева, О.Х. Ауссем, И.Перегудов и Ф.В. Железин. Именно этому Военревштабу надлежало провести всю организационную работу по эвакуации жителей Николаевска в горнотаёжную местность в поселок Керби на реке Амгунь. Часть людей, в первую очередь женщин и детей, отправили на пароходах. После захвата японцами устья реки Амгунь отряды были вынуждены направить в обход озер Чля и Орель пешим порядком, подчас по бездорожью. Этот таежный переход почти в 500 километров был весьма тяжким, но он был совершен.

Перед уходом из Николаевска каменные здания были подготовлены к взрыву, а деревянные к сожжению. В этот период в городе начались убийства мирных граждан «сахалой» (партизаны из бывших сахалинских каторжников). Ротой «сахалы» командовал А.З. Овчинников, прибывший в марте с острова Сахалин с группой около 70 человек. Ему было 20 лет, сын служителя христианского религиозного культа, в 1918 г.

вступил добровольцем в 1-й русско-чехословацкий добровольческий белогвардейский полк с первых дней мятежа Чехословацкого корпуса Французской армии. Когда понял, что колчаковская власть весьма непрочна, дезертировал и сбежал на Сахалин, где служил в милиции. При свержении колчаковской власти примкнул к противникам белогвардейцев. К «сахале» относились также отбывшие каторгу на Сахалине и осевшие после неё на Амуре.

В последних числах мая были расстреляны заключенные в тюрьме, расстреляны пленные раненые японцы, находившиеся в лазарете. Были отданы приказы по выявлению контрреволюционеров в среде николаевской буржуазии.

1 июня началось уничтожение города Николаевска, в котором не осталось ни одного гражданского человека. В течение двух дней город горел. В.И. Юзёфов в книге «Годы и друзья старого Николаевска», вышедшей в свет в 2005 г., привел список взорванных и сгоревших зданий, к сожалению, не указав источник информации.

Совершив труднейший поход, Тряпицын организовал оборону заградительными отрядами. В Сергие-Михайловском, недалеко от устья Амгуни, был поставлен отряд под командованием бывшего белогвардейского офицера-артиллериста Ивана Тихоновича Андреева и его помощника Михаила Федоровича Аношкина. На месте почтового станка «Беда» поставлен отряд анархиста Леодарского-Осипова, командовавшего ротой бывших белогвардейцев, перешедших на сторону партизан от полковника Вица в Мариинско-Успенском. Александр Николаевич Леодарский под фамилией Сидорова в 1919 г. служил в горной (белогвардейской) милиции. На наблюдательном пункте расположилась команда Якова Есипова. В Князево расположился отряд Семена Бачеева, которому придана рота Андрея Чашина. Штаб 1-го полка Бориса Амурова-Козадаева расположился в Удинске, где находился и штаб Амгуно-Тырского фронта во главе с Е.В. Сасовым-Беспощадным и его начальником штаба С.С. Стрельцовым-Курбатовым. Отряды Бузина-Бича и Рогозина-Лапты остались в тылу японцев.

В некоторых источниках фронт называют Амгуно-Мариинским, но это неверно, т.к. село Мариинско-Успенское было далеко в тылу японцев, а начальником штаба в это время у Сасова ошибочно называют Коцуба-Борзова.

В своей книге «Междуусобица» В.Г. Смоляк делает вывод, что причиной заговора против командования Красной Армии Нижнего Амура явилось то, что «нижне-амурцы не вынесли страшного большевистского эксперимента» и речь прежде всего идёт об уничтожении города и страданиях его жителей.

Из-за невыполнения приказа атаковать японцев по условиям военного времени И.Т. Андреев и А. Чашин могли оказаться расстрелянными. Мог быть расстрелян и Леодарский-Осипов, роте которого надлежало выбить японцев из стойбища Усть-Амгунское. Но Леодарский отказался, ссылаясь на малочисленность роты. И.Т. Андреев должен был явиться в Керби для вступления в должность начальника артиллерийских складов, он понимал, что это лишь предлог для предстоящего его ареста. К этому времени стало известно о терроре, творившемся на Амгуни. Отряд, возглавлявшийся неким Биценко, творил беззаконие, убивая целые семейства местных жителей. Он был застрелен без суда и следствия председателем ревтрибунала Борисом Дылдиным. Тряпицын одобрил действия Дылдина. При обыске трупа нашли защитные офицерские погоны и кокарду. Биценко оказался бывшим белогвардейским контрразведчиком в дивизии атамана Калмыкова. Он стремился подорвать авторитет Советской

власти, разложить партизанскую массу и вызвать междоусобицу и, если удастся, ликвидировать командование армии, т.е. Тряпицына и ближайшее его окружение, хотя его самого считали близким к Тряпицыну, так как он выдал всех заговорщиков, которые в Николаевске хотели сделать командующим большевика Будрина.

Бывший член Кербинского Военревштаба (мятежного) Николай Константинович Павлов вспоминал, что мятеж поднял 3-й взвод сахалинцев во главе с Иваном Водяным, потребовав отрядного собрания и принятия безотлагательных мер. Александр Александрович Хахулин из отряда Бачеева рассказывал, что Бачеев съездил на пароходе «Эммануил» в Керби, где получил задание арестовать И.Т. Андреева и Андрея Чашина. Семён Бачеев не выполнил приказ, по прибытии, ещё с борта парохода, отдал приказ построиться отряду и, сойдя на берег, арестовал Григория Будиш. Рассказал, что на Амгуни идёт террор. На собрании было решено выступить против Тряпицына. Так Андреев оказался во главе мятежа, поскольку был старшим начальником на участке фронта и именно ему грозил расстрел. Под руководством Андреева и Леодарского около 100 человек на пароходе «Эммануил» с баржей и катере «Анда» двинулись вверх по Амгуни. Фронт был брошен. Японцы и не подумали ударить в тыл. Группа Якова Есипова, высадившись с катера, в ночь с 1 на 2 июля разоружила спавшие пулеметные команды. Вторая группа с парохода и баржи окружила Удинск и арестовала командование фронта: Сасова, Стрельцова-Курбатова, Амурова-Козадаева, Кривулина и всех, кто близко стоял к Тряпицыну. Не прозвучал ни один выстрел.

Было решено создать Временный военно-революционный штаб, в который вошли: М.Ф. Аношкин, Н.К. Павлов, А.Н. Леодарский, Е. Полетаев, Семен Бачеев, Василий Пак, А.Никифоров, Н. Николаев и И.Т. Андреев. И.Т. Андреев стал председателем штаба и командующим восставшими.

В ночь с 3 на 4 июля мятежники высадились на окраине Керби. На лодке группа из 7 человек во главе с Леодарским подошла к «Амгунцу», на котором находился Тряпицын. Леодарскому разрешили подняться на борт, т.к. он пользовался доверием командующего и сказал, что прибыл со срочным пакетом, его узнал часовой. Пока часовой рассматривал пакет, сунутый ему под нос, его разоружили. Леодарский обманом, сказав, что на фронте произошли непредвиденные события, японцы предприняли неожиданную вылазку, уговорил Тряпицына открыть дверь каюты. В результате Тряпицын и Нина Лебедева были арестованы. Без выстрелов, так же обманом, были разоружены роты, находившиеся в Керби. Было арестовано около 450 человек, их посадили в трюмы барж.

Страх перед Тряпицыным был столь велик, что его заковали в якорные цепи.

Боясь просто перестрелять арестованных, новоявленный Военревштаб решил провести иллюзию суда. Было объявлено о выделении представителей в суд от красноармейцев и жителей Керби. Набралось 103 человека. И получил название «Суд 103-х». О том, как попадали в судьи, свидетельствует доклад министру иностранных дел ДВР от 22 марта 1922 г. бывшего председателя следственной комиссии Михаила Николаевича Науменко-Наумова. «Я был избран председателем Веселогорской следственной комиссии и когда хотел уклониться от этой чести как тяжело раненый, то мне сказали, что отказ будет сочтен за сочувствие Тряпицыну. Несмотря на тяжелое состояние здоровья, мне пришлось согласиться и принять на себя должность председателя...». Он отмечал: «Тряпицын до конца, до последней секунды вел себя стойко, не выказывая

слабости, Лебедева и другие были тряпками. Когда был дан залп по осужденным, то все упали, Тряпицын лёжа, раненый обратился к Нине, сказав: - Нина, ты жива? – и получив утвердительный ответ, добавил. - Мне только тебя и жалко. Остальные пропадай пропадом... После этого подошел командующий карательным отрядом и выстрелом каждому в висок из револьвера покончил с преступниками...»

Расстрелом руководил Яков Сергеевич Есипов. Следствие началось 7 июля, а суд состоялся на следующий день.

Проанализируем, кто руководил спектаклем этого суда Линча. Председатель суда – бывший белогвардеец А.З. Овчинников, заместителями - П.Я. Воробьёв и И.М. Мишин.

После первых заседаний П.Я. Воробьёв выполнял роль председателя суда. Воробьев был родственником расстрелянного богача белогвардейца Чемерзева, расстрелянного в Николаевске, и служил в белой милиции на Кербинских приисках.

К суду были привлечены 133 человека. Из них 23 расстреляны, 33 приговорены к тюремному заключению, 50 освобождены по суду и 27 дел остались не рассмотренными. Посмотрим какова партийная принадлежность расстрелянных: 12 большевиков, 8 беспартийных, 2 анархиста, одна эсерка-максималистка.

Первые 7 расстрелянных: командующий Красной Армии Охотского фронта Я.И. Тряпицын (анархист), начальник штаба армии Н.М. Лебедева (эсерка-максималистка), председатель Сахалинского областного исполкома Советов Федор Васильевич Железин (большевик), командующий Амгуно-Тырским фронтом Ефим Варфоломеевич Сасов-Беспощадный (большевик), командир партизанского отряда и комиссар труда областного исполкома Иван Кириянович Оцевилли-Павлуцкий (анархист), начальник снабжения армии Макар Михайлович Харьковский (большевик), член Чрезвычайной следственной комиссии Иосиф Сидорович Трубочанинов-Крученый (беспартийный). В последующие дни расстреляли командиров полков и отдельных отрядов, работников Советской власти и просто стоявших близко к Тряпицыну, а также тех, кто занимался бандитизмом с провокатором Биценко: Б.В. Амуров-Козадаев, Ф.В. Козадаев, М.С. Подопрigorov, М.Е. Морозов, Ф.И. Горелов, А.Л. Фаинберг, А.С. Козицин, А.И. Иванов, А.И. Волков, И.Д. Куликов-Федоров, Г.Н. Константинов, К.И. Молодцов, И.Г. Живной, В.Н. Буря, Л.В. Граков, В. Лобастов.

Расстрел адъютанта Биценко Абрама Леонтьевича Фаинберга, В.Н. Бури и В. Лобастова в данной ситуации создавал иллюзию необходимости и правомерности расстрелов.

На суде Я.И. Тряпицыну предъявлено обвинение в диктаторстве, контрреволюции, превышении власти, расстреле коммунистов Будрина, Мизина и Иваненко, в отклонении от политики Советской власти, в активном выступлении против власти Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Под противодействием Советской власти подразумевался отказ Тряпицына признавать создание Дальневосточной Республики, которую старательно пытались образовать псевдобольшевики типа Абрама Моисеевича Тобельсона (он же Краснощеков Александр Михайлович). И он был прав, существование Дальневосточной Республики на два года затянуло Российскую Гражданскую войну и интервенцию на юге Приморья, а на Сахалине интервенция продолжалась аж до середины мая 1925 г.

Итак, бывшие белогвардейцы по суду расстреляли большевиков больше, чем было расстреляно по приговорам Чрезвычайной следственной комиссии Красной Армии Нижнего Амура.

Поскольку некоторые члены «Суда 103-х» уклонялись от участия в судебном спектакле, то пришлось членов суда набирать новых.

В Военревштаб и суд стали поступать коллективные просьбы об отмене расстрелов.

Когда масса красноармейцев поняла преступность действий нового Военно-революционного штаба, то они под руководством Павлюченко (Павличенко) выступили против мятежников, правда, неудачно. В их рядах оказался и первый председатель суда А. З. Овчинников. Он с оружием в руках был пойман мятежниками, но прощен за первые расстрельные приговоры.

В последующем он сбежал в Америку, где им была издана брошюрка о событиях в Николаевске. П.Я. Воробьев угнал из Керби катер и сбежал в Николаевск к японцам.

И.Т. Андреев со всей семьей в последующем также сбежит на Сахалин к японцам, а затем в Китай, где и умрет в 1932 г.

Из остатков партизан был создан 19-й полк Народно-революционной армии ДВР под командой Ездакова, перешедший в Амурскую область.

В результате мятежа Советская власть на Нижнем Амуре была ликвидирована. Удско-Кербинский уезд стал составной частью Дальне-Восточной Республики.

Я умышленно не стал описывать действия нижеамурских партизан во главе с Тряпицыным и председателем Сахалинского облисполкома Ф.В. Железиным по проведению мероприятий восстановления Советской власти, так как те, кто его судил, вообще не могли предъявить Тряпицыну и Железину никаких претензий практически до середины мая. Да и прекрасно это сделал Смоляк, опубликовав в своей книге документы того времени.

Что касается сожжения Николаевска, то действия командования партизан были вполне оправданными. Оставлять врагу город, в котором они могли создать опорную базу для сухопутных войск и военно-морского флота, совершенно не имело смысла. Ныне никто не предъявляет претензий Кутузову и градоначальнику Москвы за то, что они сожгли город перед вступлением в него французских войск Наполеона.

Японский адмирал заявил, что в Николаевске невозможно создать военно-морскую базу и пришедшие корабли на зимовку суда были выведены оттуда.

Николаевские события показали всему миру, что русские люди готовы пожертвовать всем, чтобы добиться победы над врагом. поголовное уничтожение японцев и белогвардейцев и сожжение города вызвало своеобразный шок не только в Японии. С Дальнего Востока восвояси убралась американские, итальянские, чехословацкие, китайские и другие интервенционистские войска. Лето 1920 г. японцы провели в различных переговорах, стремясь вывести свои войска без потерь из Забайкалья и большей части Приморской области.

Я не случайно начал повествование о детстве моей матери. Моя мать имела 4 класса церковно-приходской школы. Умерла в 2006 г., не дожив полтора месяца до 96 лет. У неё был кирпичный дом с подведенным газом, крытый железом, с индивидуальным водяным отоплением от котла с газовым топливом. Я родился в 1941 г. через полтора месяца после гибели на фронте отца. А всего нас осталось у матери 7-ро после

Великой Отечественной войны. И все получили необходимое воспитание и образование. Никто не попал на скользкую дорогу. Свою службу в Советской Армии я закончил в звании полковника. С немцами общаюсь на немецком языке, с англичанами – на английском, с китайцами – на китайском. Вправе задать вопрос: могло бы это быть, если бы не было Советской власти? Например, при современном «диком капитализме», унаследованном страной после свержения Советской власти под видом «перестройки». Когда люди стали жить за железными дверями, решетками на окнах, за многочисленными замками и запорами, когда пышно расцвел бандитизм, проституция, алкоголизм, наркомания, казнокрадство, и ежегодно в стране умирает почти на миллион человек больше, чем рождается, а бездомных детей насчитывается сотнями тысяч.

Не сомневаюсь, абсолютное большинство моих соотечественников не читало мемуары А.Ф. Керенского, некоторое время возглавлявшего правительство после Февральской Революции, в которых он сказал, что немецкий экономист Ауфхаген, побывавший в России и познакомившийся с реформами Столыпина, заявил, что они создали условия для революции.

Не понимают они и того, что Гражданская война была развязана не большевиками, а демократами, бросившимися возвращать утраченную власть. И ещё, сам Керенский, глядя в окно Михайловского замка и увидев как солдаты убили двух офицеров, сказал: - «Гражданская война началась!» То есть ещё до Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Мой сосед и давний товарищ, ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке Ключников Иван Тихонович, узнав из средств массовой информации о перезахоронении бывшего командующего белогвардейскими армиями на Юге России Деникина и восхвалении его подвигов, пошел в церковь, где задал вопрос служителю христианского религиозного культа (он же поп, батюшка, священник): как ему воспринимать, что деникинские солдаты, ворвавшись в село, изнасиловали всех женщин и девушек-подростков, в том числе и его будущую мать? Её подруга после этого бросилась в колодец, а она повесилась, но была вынута из петли соседями, и в последующем долгие годы не хотела выходить замуж. В ответ Иван Тихонович услышал слова священника: «Всё в воле божьей!».

В заключение вопрос: много ли исторических деятелей из крошечной группы восставших смогли создать полнокровные Армии? А Яков Иванович Тряпицын это сделал! На прилагаемой, составленной мною схеме можно посмотреть путь партизан под командованием Тряпицына в 1919-1920 гг.

Олег ГУСЕВ

ЯКОВ ТРЯПИЦЫН И «ПРИЗРАК БРЕСТА»

*Герои, подобно произведениям искусства,
кажутся более великими через пространство
веков.
П.Буаст*

1

На протяжении всех 1960-х гг. на гигантской советско-китайской границе великоханьцы не прекращали - нет не провокаций, а самых настоящих боевых действий против СССР: вырезались заставы, велись артиллерийские обстрелы и психические атаки, похищались часовые и т.п. Но русскому долготерпению однажды пришёл конец. Герой случившейся в начале марта 1969 г. пятидневной войны между СССР и Китаем мл. сержант Юрий Бабанский, как и многие русские люди, до сих пор, вероятно, не знает, что события на уссурийском острове Даманский и предшествовавшие им кровавые провокации, как две капли воды, были похожи на такую же ситуацию, возникшую в 1918-1922 гг. на Дальнем Востоке. Её узлы развязались в городе Николаевске-на-Амуре, который стал как бы тогдашним «островом Даманский». В Николаевске-на-Амуре, как и в других городах Дальнего Востока, стоял сильный японский гарнизон. Вводя войска под предлогом охраны своих подданных, Япония чувствовала себя полновластным хозяином на наших землях. Пассажиров Владивостокского трамвая японцы заставляли вставать, когда в вагон заходил японский офицер. Японцы показательно расстреливали русских, живыми сожгли в топке паровоза большевика Сергея Лазо. Но был приказ московского правительства «патрон в патронник не досылать, на провокации не отвечать». До сих пор считается, что «решение Владимира Ильича» было единственно правильным. Однако....

События в Николаевске-на-Амуре тесно связывают с именем Якова Тряпицына - командующего партизанской Красной армией. 2 июня 1920 г. якобы по его «диктаторскому» приказу город был подожжён, кирпичные здания взорваны, а население эвакуировано. Пепел, груды развалин и бродящие между ними редкие полубезумные жители - это всё, что осталось от богатого купеческого города с годовым оборотом в 50 000 000 золотых рублей...

Кривотолки о случившемся ходили на севере Хабаровского края до 1960-х гг., пока были живы свидетели тех событий. Например, рассказывали, что Тряпицын «устраивал своей любовнице, Нинке Лебедевой, молочные ванны», для чего население принуждали сдавать молоко. Молоко действительно реквизировалось, но для раненых партизан. Народ не знал истины, т.к. советские СМИ правды о Тряпицыне не говорили, навесив на него ярлыки «индивидуалиста-диктатора» и «контрреволюционера-анархиста». Не жалели чёрных красок для этой личности **все**. Кроме того, выражаясь современной терминологией, никто не хотел взять на себя ответственность за произошедшее.

13 июля 1920 г. в Николаевск прибыл из Владивостока журналист В. Эчъ, написавший по свежим следам книжку «Исчезнувший город. Трагедия Николаевска-на-Амуре» (Владивосток. «Типолитография Иосиф Крот», 1920). Он и заложил основы литературы о Тряпицыне. «Тысячи убитых, груды развалин, разорение края - вот что дали населению партизаны. Исчезнувший город... Это так и есть, ибо города нет. Он исчез во славу лозунгов Тряпицына. И только развалины домов и остатки пожарищ молчаливо говорят о «друзьях народа» и их способе действий», - так начинает свою книгу В. Эчъ. По ней японцы сняли фильм «Сожжённый город», который прошёл по всему миру в качестве доказательств «зверств большевиков», хотя Тряпицын большевиком никогда не был. По науськиванию Хабаровского крайкома КПСС саркастически изображали Тряпицына и советские дальневосточные писатели, если сюжеты их произведений касались жизни обитателей низовий Амура 1919-1922 гг.

Казалось, в постперестроечные годы должно быть сказано новое слово и о Тряпицыне, и об «исчезнувшем городе». Но ничего не переменилось. Сегодняшние демократы в 2000 г. отметили 80-летие событий в Николаевске-на-Амуре ёрнической статьёй в «Секретных материалах» (№8/27, 2000) «Хромой диктатор». В ней написано:

«Очевидцы утверждали, что, упав после залпа и будучи смертельно раненным, Яков повернул голову к рухнувшей рядом с ним Ниной и прохрипел: «Мне только тебя и жалко, остальное - пропади пропадом!»».

В действительности же он сказал: «Тебя мне только и жаль».

Последние три слова - домысел автора для усиления образа «индивидуалиста-диктатора». Так кто же он: герой или жертва?

2

Яков Иванович Тряпицын родился в 1897 г. в деревне Саввастейка Владимирской губернии Муромского уезда в семье мастера кожевенного дела. Кроме ремесла кожевника, Яков овладел специальностями металлиста, сапожника, стекольщика, оружейника и некоторыми другими. Самостоятельно изучал этнографию, ботанику, зоологию, историю, ораторское искусство. В 1916^г добровольно вступил в действующую армию и воевал в окопах I Мировой войны в составе лейб-гвардейского Кексгольмского полка. На фронте постигал теорию и практику военного дела. Однако «царя в голове» у молодого человека, видимо, не было, т.к. он в своём стремлении к знаниям попался на удочку профессиональных революционеров, тысячи которых активно деморализовывали русскую армию. Покинул он фронт после тяжёлого ранения в ногу. Заразившийся революционной бациллой Яков Тряпицын, вернувшись с фронта, не ужился с отцом - «носителем отсталых мелкобуржуазных взглядов». Впоследствии у партизанских костров Тряпицын с гордостью рассказывал, как он «подтачивал основы монархии путём разложения армии».

Ища применения своей деятельной натуре, Тряпицын приехал в Западную Сибирь, до которой уже докатилась тревожная весть об оккупации Дальнего Востока японцами и о пресловутом «буфере».

«Буферная» Дальневосточная Республика была создана «ленинской гвардией» якобы для того, чтобы затруднить Японии объявить войну Советской республике. Феномен Тряпицына непонятен потому, что ситуация, сложившаяся вокруг «буфера», до сих пор как следует не изучена. После печально знаменитого Брестского «мира» население

Дальнего Востока не поверило в «буфер». Если Ленину для победы социалистической революции не жалко было жизнью 90% русских людей, то, надо полагать, 90% русских территорий ему тоже было не жалко. Народ решил, что ДВР - это «дальневосточный Брест»: дескать, ни за понюшку табака большевички, приехавшие в запломбированном вагоне, продали немцам Малороссию и Прибалтику, а японцам - Дальний Восток.

Поскольку красные сами не могли ручаться за исход гражданской войны в их пользу, то можно ли было всерьёз надеяться, что большевики когда-нибудь ликвидируют ДВР и освободят «республику» от японцев? «Де-факто» многотысячный японский военный корпус хозяйничал от Владивостока до Иркутска. Потому-то народ и взялся за оружие. Именно этим, а не «классовой борьбой» объясняется стихийное появление партизанских армий на пространствах Дальнего Востока. Не для того недавние переселенцы из центральных областей России с великими трудностями обустроивались здесь, чтобы стать рабами у «япошек».

«Буфер», тихий, негласный по отношению к Японии, объявили и белогвардейцы. Мол, расправимся с большевиками, а потом выкинем и японцев. Так рассуждал, по всей видимости, адмирал Колчак. Простой народ видел, что с японцами ходят в обнимку и большевики, и белогвардейцы. А раз так, то ему ничего не оставалось, как бить и тех, и других. «Гражданская война на Дальнем Востоке, пожалуй, самая запутанная часть истории Страны Советов», - пишет газета «Секретные материалы». На самом деле, ничего запутанного нет. Есть пока не разоблачённое преступление «ленинской гвардии». Преступление потому, что с 1918 по 1922 гг. большевики не только не помогали народу, восставшему против японских интервентов, а всячески мешали ему, и это стоило немалой «лишней» крови. Ленинцы боялись «буфера» наоборот, т.е. как бы на Дальнем Востоке не возникло национального русского государства, им враждебного.

Воодушевляясь открывающимися перспективами, сюда устремились эсеры-максималисты, просто эсеры, анархисты и прочие уклонисты, чтобы воплотить в жизнь свои «идеалы». В конце марта 1919 г. прибыл во Владивосток и Яков Тряпицын. Он сразу же вошёл в подпольную организацию, в основном состоящую из портовых грузчиков, которая запасалась оружием и вербовала добровольцев для борьбы с японскими интервентами. Под руководством Тряпицына был осуществлён налёт на Владивостокский военный склад. Так возникла ещё одна «пятёрка», которая вскоре ушла в уссурийскую тайгу и, соединившись с другими группами, например, с «группой тов. Шевченко», начала наносить удары по японцам и белогвардейцам вблизи г. Сучан (ныне г. Партизанск). Где-то там стоял со своим громадным по численности Ревштабом и большевик-«буферщик» Сергей Лазо, который изображал какую-то «деятельность». Вскоре Тряпицын с экспедиционным отрядом ушёл в Гродеково, где отряд был разбит и рассеян по тайге превосходящими силами японцев. В июне Тряпицын с партизаном Караваевым вышел на Амур в окрестностях Хабаровска. Навстречу им попала разведка во главе с «максималистом тов. Вольным», который узнал в Караваеве знакомого анархиста. Так Тряпицын и Караваев стали хабаровскими партизанами.

Вскоре Яков был избран (таков был порядок у партизан) руководителем одного из мелких отрядов и успешно воевал с калмыковцами. 2 ноября 1919 г. в селе Анастасиевка собралась совместная конференция партизан и тайных революционных организаций Хабаровска, которая выработала план дальнейшей борьбы с японскими интервентами. На конференции был избран Ревштаб. Тряпицыну во главе трёх партизанских отря-

дов было поручено действовать в направлении Николаевска-на-Амуре. В этом городе надо было установить Советскую власть и преградить продвижение в глубь страны с берегов Татарского пролива располагавшегося там сильного японского гарнизона. Не вдаваясь в подробности, скажем, что Тряпицын, действуя в необычайно трудных условиях надвинувшейся зимы и полнейшего бездорожья, эту задачу успешно выполнил, заслуженно став популярной в среде партизан фигурой. Из района Анастасиевки в низовья Амура вышли несколько небольших групп партизан, а к Николаевску подошла неплохо организованная партизанская армия в несколько тысяч человек.

В это время на совещании командиров партизанских отрядов было решено организовать два военных округа: Хабаровский и Николаевский. Командующим Николаевского округа был выбран Яков Тряпицын, а начальником штаба - эсерка-максималистка Нина Лебедева. Среди командиров партизанских групп наиболее яркими вожаками к этому времени стали Ф. Железин, И. Оцивилли-Павлуцкий, Чёрный-Покровский, М. Харьковский, Дед-Пономарёв, Нигиевич-Случайный, Наумов, Стрельцов, Павличенко, Ауссем и др.

Благодаря военным и организаторским способностям Тряпицына, 26 февраля 1920 г. Николаевск-на-Амуре был взят с минимальными потерями: 2 убитых, 1 раненый и 14 человек обмороженных.

На следующий день на общегородском митинге Тряпицын выступил с речью, обращенной к обывателям этого богатого города:

«Вы же, приспешники капитала и защитники кровожадного империализма, ещё вчера ходившие с белыми повязками, не мечтайте, что вас спасут нацепленные сегодня красные банты. Помните, что тайком за нашей спиной вам работать не удастся. Царство ваше отошло! Будет вам уже ездить на согнутой спине рабочего и крестьянина. Уходите к тем, чьи интересы вы защищали, т.к. в наших рядах вам места нет. Помните вы все товарищи, что будет есть только тот, кто станет сам работать. Не трудящийся, да не ест!».

Впоследствии для расследования Николаевских и Кербинских событий из Хабаровска была послана советская межпартийная комиссия, которая установила, что в низовьях Амура вводился коммунизм не на словах, а на деле:

«Все мероприятия красного штаба направлялись в сторону немедленного осуществления социализма: монополизировалась торговля, социализируются торговые предприятия у русских владельцев и выкупается товар у иностранцев, китайцев и корейцев. Социализируются и объединяются промышленные предприятия, а затем уничтожается денежная система, организуется армия труда, во главе которой стоит «Бюро труда», намечающее план общих работ и распределяющее рабочую силу. Торговля совершенно прекращается, а население пользуется одинаковым пайком и одинаковым участием в получении всех других продуктов и товаров и т.д.».

Председатель Сахалинского областкома (тогда Николаевск-на-Амуре был областным центром Сахалинской области) РКП(б) О.Х. Ауссем, позже назначенный представителем Советской России в Вене, пишет в своих воспоминаниях: «...перевалив через хребет (при эвакуации из Николаевска. - О.Г.) партизаны оказались сразу в стране правильного денежного обращения, от которого они совершенно отвыкли не только за годы тайги, но ещё более за месяцы Николаевской коммуны. Даже кто имел деньги, не думал их таскать с собой, а бросил в Николаевске. Дети ими играли. А на Селемдже за всё стали требовать денег. Помню, как на второй или третий день после перевала партия, в кото-

рой шли Коренев и я, встретила китайского торговца, пробиравшегося на прииски с грузом сахара и табаку на спине. Сахар мы съели, а табак выкурили, и были несказанно удивлены, когда китаец потребовал денег или золота. Не гнев и не смех вызвало это требование, а именно безграничное удивление, как напоминание и возврат к каким-то давно забытым временам. Китаец же следовал за нами по пятам два дня, непрерывно повторяя: «Здесь Сахалин-закон-земля нету; здесь Амур-закон-земля».

Этот же автор пишет: «В смысле организации политической и хозяйственной жизни края тоже никаких ошибок или преступлений совершено не было. Несмотря на отсутствие партийного руководства (ВКП(б). - О.Г.), Николаевский исполком и самые Советы, и весь советский аппарат строил по формам, указанным в Советской России коммунистической партией. Повторилось явление, уж не раз наблюдавшееся в революции: анархисты и максималисты, державшие в Николаевске в своих руках военную силу, ничего своего в дело революционного строительства внести не могли и потому не препятствовали копированию коммунистических форм».

Как видим, ярлык «индивидуалиста-диктатора» прилеплен коммунистической пропагандой на Тряпицына совершенно несправедливо. По инициативе Тряпицына 28 марта был проведён Областной съезд трудящихся.

Японцы запросто появляясь в штабе партизан, говорили: «Наша - большевики! Некоторые японские офицеры, например, поручик Цукомото и переводчик Канайя сорвали с себя погоны и нацепили красные банты.

Однако в 3 часа ночи 12 марта 1920 г. **японцы вероломно напали на сонных, ничего не подозревающих партизан.** Штаб Тряпицына был разгромлен, десятки партизан были убиты, сотни ранены; и дело казалось проигранным. Но на помощь пришли отряды, располагавшиеся в окрестностях города. В результате двухдневных ожесточённых боёв японский гарнизон понёс большие потери - 600 человек убитыми. 135 японцев сдались лишь после приказа по радио генерала Ямады. Тряпицын, тяжело раненый в ногу, успешно руководил развернувшимся сражением.

В радиотелеграфных сообщениях Тряпицын и Лебедева призывали хабаровских коммунистов не идти ни на какие уступки японцам. Соглашатели, «естественно», их не слушались, и катастрофа Николаевска повторилась 5 апреля, когда японцы вероломно напали на партизан, расквартированных в Хабаровске. Аналогичные события случились и во Владивостоке. Но Советская Россия по-прежнему требовала от бунтарей-партизан покорности японцам. Позиция Тряпицына хорошо видна из телеграммы, которую он послал в Иркутск «тов. Янсону» - Уполинотдела (уполномоченного иностранным отделом от ЦК ВКП(б)) из Москвы:

«Нам стало ясно, что вы совершенно неверно информированы о положении здесь, и хотели бы спросить, кто вас информировал о положении здесь, а также и Москву, которой вынесено постановление о буферном государстве на Дальнем Востоке, создание которого совершенно нецелесообразно... Вы указываете, что целью является создание такого государства, которое может признать Япония, следовательно, государства не советского, но тайно действующего по указаниям Совроссии. Насколько это абсурдно, для нас было это совершенно ясно с первого момента. Прежде всего, государство это, если оно земское, а не советское, не может вести политики Советов, и за время своего существования совершенно ясно выявило политику чистой белой гвардии, что и доказано событиями в Хабаровске и Владивостоке; второе это то, что японцы не допус-

тили бы советской политики буфера и сразу её заметили бы, и такие обвинения от них уже были, они указывали, что под ширмой земства гнездятся большевики; и, возможно, что этот мотив тоже является одной из причин их выступления, именно с целью уничтожить советские элементы, и они этого достигли. ... думая избежать столкновения с Японией и прекращения оккупации мирным путём, вы рассчитывали, что Япония, признав земство, откажется от оккупационных целей и уйдёт подальше.

Японцы уступают только силе. И вы достигли как раз обратных результатов. Вместо избавления от японцев - буфер дал нам ещё более злейшую войну, даже больше; вы своим дурацким буфером сорвали уже готовую победу красной партизанской армии на Д. Востоке, ибо смею вас уверить, что если бы не провокации буферов и земцев, то японцы под давлением наших сил ушли бы отовсюду, как ушли из Амурской области и Николаевска» (выделено мной. - О.Г.).

В эту трудную минуту Тряпицына поддержали Охотское побережье и Камчатка. Вот телеграмма из Охотска:

«Первомайское собрание всех трудящихся Охотска, приисков и его окрестностей решило не признавать буферного государства, фактически выливающегося на Д.В. в японо-белогвардейскую оккупацию. Собрание находит совершенно ненужными указания владивостокских и хабаровских центров, ибо это является лишь издевательством, если не сказать больше. Рабочие и крестьяне считают, что оккупация Японией Дальнего Востока неизбежна и вызывается вовсе не какими-либо «недоразумениями», и никакая дипломатия не предотвратит её. Пусть мы остались одиноки, пусть, согласно словам Уполинотдела Янсона, от нас отказалась Советская власть, но мы решили не опускать руки».

3

Между тем наступала весна, со дня на день ожидался ледоход на Амуре. Японцы захватили Александровск-на-Сахалине, их военная эскадра была готова войти в устье Амура. В Де-Кастри высадился японский десант с целью атаковать Николаевск с суши. С ним сразу же начали боевые действия отряды Тряпицына. По мере очистки Амура ото льда японцы продвигались на канонерках к Николаевску из Хабаровска. Всего на борьбу с партизанской армией Тряпицына Япония выставила 10000-ю армию. Напрасно Тряпицын просил помощи у хабаровских и Владивостокских соглашателей. Доходило до того, что с ним просто отказывались выходить на связь. И хотя в Николаевске с активной помощью местного населения начались работы по укреплению города, штаб Тряпицына принял

решение его оставить, чтобы сохранить партизан и в полной мере использовать их преимущество перед японцами - умение воевать в условиях труднопроходимой тайги. Поэтому постановили: центр обороны перенести в глухой посёлок золотодобытчиков - Керби, что на реке Амгунь, левом притоке Амура.

Уже к 1922 г. ленинцы постарались укоренить мнение, что в ужасах Николаевска повинны максималисты и анархисты. Фактически же город был взорван и сожжён, а население принудительно эвакуировано через посёлок Керби в Благовещенск-на-Амуре по постановлению Николаевского Ревштаба, состоящего из коммунистов {Ауссема, Железина и Перегудова), одного анархиста (Тряпицына) и одной эсерки-

максималистки (Лебедевой), т.е. анархо-максималисты были в меньшинстве. Участь Николаевска едва не постигла и Благовещенск-на-Амуре, когда благовещенский Ревком, в большинстве состоящий из коммунистов Трилиссера, Жданова, Яковлева, Шилова, Боровицкого и других, в ожидании летнего наступления (1920) японцев разработал план по взрыву всех каменных зданий города и эвакуации населения. Благовещенск уцелел лишь случайно. Указав на это, один из сочувствующих Тряпицыну написал:

«Автор не обвиняет амурских коммунистов, он только подчёркивает то лицемерие, с каким они впоследствии отнеслись к судьбе Тряпицына и Нины, с которыми имели общие идеалы, к осуществлению которых стремились одинаковыми способами».

Тряпицын со своим штабом и «ротой охраны» покинул город последним на глазах у занимающих Николаевск японцев. Вот здесь-то и случился роковой казус: группа, направляясь в Керби, ... заблудилась в тайге, в которой провела 22 суток. Это невероятно, т.к. её проводником был тунгус (эвенк). Скорее всего, этот «дитя природы» был японским лазутчиком, и пока Тряпицын напрасно кормил весенних комаров, в Керби среди скопившихся там полуголодных, больных беженцев и деморализованных партизан другие японские лазутчики создали новое к нему отношение. 23-летний Тряпицын, оставаясь, видимо, в глубине души своей наивным идеалистом-романтиком, не предвидел такого поворота, и по прибытии в Керби дал арестовать и себя, и свой штаб силам нового «реввоенсовета» во главе с его бывшими подчинёнными Андреевым и Леодорским.

С Тряпицына сняли френч, одели его в грязные лохмотья и заковали в... якорные цепи.

В Керби среди озлобленных эвакуированных были организованы митинги и собрания, на которых «демократическим путём» избрали суд в количестве... 103-х человек. Может, это тоже часть происков японцев, а может, и марксистов-ленинцев, которым народный вождь Яков Тряпицын был не нужен. Председателем суда был некий Овчинников, товарищем председателя - Воробьёв, секретарями - Усов, Акимов, Птицын и Лобанов. «Суд 103-х», проходивший при «открытых дверях», постановил: руководителей Николаевского военного округа Якова Тряпицына, Нину Лебедеву, Макара Харьковско-го, Фёдора Железина, Ивана Оцивелли-Павлуцкого, Ефима Сасова и Трубчанинова «подвергнуть смертной казни через расстреляние», Степана Деда-Пономарёва - посадить в тюрьму. В решении суда, который закончился 9 июля в 21 час, было сказано: «Приговор над названными осуждёнными привести в исполнение 9 июля, вечером, в 10 час. 45 мин.».

И действительно, казнь совершилась «9 июля, вечером в 10 час. 45 мин.» ровно, хотя в тех местах в это время уже не видно ни зги. Не исключено, что в этом была какая-то шифровка для разведотдела Генштаба японских вооружённых сил. Суд продолжался несколько дней; смертный приговор был вынесен ещё 25 человекам, заподозренным в «тряпицынщине».

Овчинников и Андреев, свершив «суд», сразу же сбежали в Николаевск, к японцам. Андреева потом видели в Харбине в качестве мелкого торговца. Овчинников эмигрировал в США, где издал книжку «Движение красных партизан на русском Дальнем Востоке. Николаевская резня».

Очевидец вспоминает:

«...в грязном от близости человеческого жилья кустарнике ...на краю убогого селения Керби, под могильной насыпью, связанные верёвками, закованные в якорные цепи нашли свой последний приют анархисты, максималисты и коммунисты Тряпицын, Лебедева, Железин, Оцевилли-Павлуцкий, Трубочанинов, Сасов и Харьковский. Если бы не крошечный простой крест, каких много на убогих погостах сирот-бедняков, воздвигнутый неизвестной наивной чистой душой, то и в ум не пришло бы, что тут, в яму для нечистот, истерзанные, обagrённые кровью, оплёванные и проклятые свалены люди...».

Яков Иванович Тряпицын вместе с революционерами-пропагандистами разлагал русскую армию во время I Мировой войны, но он искупил свою вину перед Россией, возглавив народную войну с японцами на Дальнем Востоке. То же самое можно сказать и о Нине Михайловне Лебедевой.

Казнённая в возрасте 21 год, в 14 лет она была осуждена на вечное поселение в Сибирь за революционную деятельность, т.е. за подрыв устоев Империи.

После 1922 г. на какой-то дальневосточной партийной конференции ВКП(б) ставился вопрос об отношении к Тряпицыну. Дальневосточные представители «ленинской гвардии», которые по своему значению в истории народной партизанской войны на Дальнем Востоке и в подмётки не годилась Якову Тряпицыну, зачислили его в «самозванцы-диктаторы» и «контрреволюционеры-анархисты». Справедливости ради скажем, что споры на коммунальных кухнях вокруг этой личности среди коммунистов не стихали никогда. Некоторым из них было всё-таки стыдно (может быть, потому, что из семи расстрелянных николаевских руководителей трое были коммунистами), и в 1960-х гг. они на 40 страницах машинописного текста написали «Декларацию» в защиту Тряпицына начальнику Главного управления архивов при МО СССР.

Победив в Центральной России и Сибири, Красная армия не встретила никакого сопротивления со стороны японцев и «на Тихом океане свой закончила поход». И это было чудом, потому что в той исторической ситуации, как казалось бы, у Японии был верный шанс, развязав военные действия против Советской России, оттяпать себе солидные куски нашей территории, как это удалось немцам по Брестскому договору! Япония отозвала свои войска в метрополию не потому, что испугалась Красной армии, а потому, что видела решимость простого люда Дальнего Востока бороться с интервентами не на жизнь, а на смерть. Об этом говорил вид взорванного и превращенного в пепел Николаевска-на-Амуре. Это был презрительный плевок в сторону Японии, как в своё время сожжённая Москва была плевком в сторону хвалёных орд Наполеона и Франции.

Японии, которая была очень уверена в себе после Цусимы и Порт-Артура, сбил спесь высокий боевой дух Тряпицына и его партизан. Своими решительными действиями разгромивший японский гарнизон и без колебаний казнивший взятых в плен 135 японских военнослужащих Тряпицын очистил сознание русских людей от «синдрома Цусимы». В этом его главная заслуга. В оглушительном разгроме советскими войсками японской Квантунской армии в августе 1945 г. есть в какой-то степени и вклад Тряпицына.

Здравомыслящие люди на Дальнем Востоке убеждены, что Яков Тряпицын избавил большевиков от затяжной позиционной войны с сильным и коварным противником. Коммунистические «историки» скрыли от нас Национально-освободительную войну, которую на протяжении четырёх лет вёл на Дальнем Востоке Русский народ против японских оккупантов.

В октябре 1987 г. в интервью хабаровской газете «Молодой дальневосточник» кандидат исторических наук В.Г. Смоляк сказал:

«Чтобы быть объективным, приведу несколько высказываний людей, лично знавших Тряпицына.

Генерал-полковник В.З. Романовский: «Наши некоторые руководители того времени на Дальнем Востоке, не разобравшись с делом, пошли по пути провокаторов, помогли нашим врагам облить грязью наш народ и его великое дело, творимое им, очернить лучших борцов за власть Советов, наконец,

истребить физически товарищей Тряпицына, Лебедеву и других, чем причинили огромный вред общему делу».

Журналист П.И. Гладких (близкий родственник В.К. Блюхера): «В одной из бесед Василий Константинович сказал: «Для меня ясно одно: Тряпицын был борцом за власть Советов, таким же, как сибирский «дедушка» Нестор Каландаришвили, который также считал себя анархистом. Загубили Якова Тряпицына напрасно. Не разобрались досконально в этом сложном деле и наломали дров».

Первый главком НРА ДВР Г.Х. Эйхе: «Анархизм Тряпицына носит декларативный характер, во всяком случае, идеологически. Другое дело - его поступки, но в них больше самоуправства, безответственности, бунтарства и всего прочего, чем идейного анархизма... По целому ряду объективных и субъективных причин вокруг Тряпицына и его действий образовался такой невероятно запутанный, противоречивый клубок мнений, суждений и даже документов, что разобраться в них надо ещё много времени и много трудов».

С этим пожеланием будущим историкам нельзя не согласиться».

5

...Креста на месте расстрела и «захоронения» Тряпицына и его товарищей давным-давно нет.

Весной 1980 г. минуло 60 лет после тех драматических событий; и я, автор этих строк, на рейсовом самолёте АН-2 прилетел в посёлок им. Полины Осипенко (бывший Керби), чтобы поклониться праху Тряпицына. Но на месте захоронения увидел большой... огород, засаженный картофелем. Но это было ещё не самым ужасным. Годы ранее какой-то мужик по незнанию соорудил на могиле героев... туалет, но, прослышав о своей оплошности, тем не менее, оставил свою постройку на месте. В связи с этим, говорят люди, в посёлок прибыл директор Хабаровского краеведческого музея и известный на Дальнем Востоке писатель-натуралист Всеволод Петрович Сысоев. Он объяснил мужику ситуацию и полушёпотом приказал туалет - убрать. Полушёпотом потому, что в посёлке жили два «стукача» из КГБ: секретарь райисполкома и её муж - заведующий орготделом тамошнего райкома КПСС, которые, не медля, сообщали, куда надо, обо всех посторонних, интересующихся местонахождением «захоронения» и его состоянием. Эта супружеская пара «стукнула» и на меня в хабаров-

ское отделение КГБ. Откуда я знаю, что именно они? Потому что проводивший со мной профилактическую «беседу» работник КГБ любезно сообщил мне их имена и должности.

Почему посмертная судьба Якова Тряпицына столь необычна? Потому что яркое проявление русского духа всегда было противно интернационалистам-ленинцам. Оно глубоко противно и пришедшим им на смену либеральным демократам. Отсюда идентичная коммунистической по своей «идейной» направленности статья в «Секретных материалах» в 2000 г., а не от недостатка архивных данных. Работая над этой главой, я, например, пользовался материалами, хранящимися в Дальневосточной книжной палате при Государственной Публичной библиотеке; и их там предостаточно.

(публикация из ж. Дальний Восток, № 7-8)

В.Ф. Лоскутников, читатель

Партизанское движение на Нижнем Амуре в период с ноября 1919 года по июль 1920 года

Предисловие

О партизанском движении я много слышал и хотел написать, но родня отговаривала. В 1934 году мой отец отказался получить удостоверение участника партизанского движения. Когда я в 1960 году спросил его об этом, отец ответил: «Когда я вспоминаю, с какими бандитами я был рядом, мне и сейчас делается дурно». Еще он сказал, что архив партизанского соединения Тряпицына начальник штаба Истомин сдал в 1935 году в архив г. Томска. Я туда не ездил.

Я, Лоскутников Н.Ф., за свою жизнь выслушал многих участников и очевидцев партизанского движения на Нижнем Амуре в 1919-1920 годах, и прочитал не менее 30 печатных работ и публикаций на эту тему. Среди авторов есть двое Г.Хлебников и Г.Левкин, прославляющих «гениального полководца» Я.Тряпицына, который ни разу не вступал в бой с регулярными войсками.

Кратко повторю события тех дней. Первый бой. В селе Киселевка гарнизон из 20 казаков сдался без боя. Руководили Д. Бузин-Бич, Т. Наумов, Я. Тряпицын, Г. Мазин.

Отряд Тряпицына остался в Киселевке. С 22.12.19 по 10.01.20 группа Тряпицына в составе 7 человек совершила обходной рейд Киселевка - Спорный - Удыль - Богородск - Мариинск. Уничтожили драгу и лабораторию по сплаву золота, расстреливая по пути мирных людей. Воинской славы не стяжала.

В это время отряд Бузина-Бича пошел на Сухановку. Бой второй - Сухановка, третий - Циммермановка, четвертый - Пульсы-Калиновка, пятый - Софийск. Уничтожен японский обоз с солдатами. Разбит отряд белых, причем с каждой стороны воевало по 200 человек. Потери белых - 43 человека, партизан - 3 убитых, один раненый. Отряд при выходе из Софийска увеличился до более чем 300 человек. Руководили всеми боями Д. Бузин-Бич, Т. Наумов, Г. Мазин.

Но я повторюсь.

Отряд партизан Д. Бузина-Бича в Сухановке принял бой, уничтожив японский обоз с солдатами. Белые отступили без потерь. В Циммермановке уничтожили почти четверть личного состава отряда белых. В следующем соприкосновении в Пульсах партизаны забрали у белых два пулемета с патронами. А также в те дни призыв Ленина о создании буферной республики ДРВ. Все эти события сделали личный состав бе-

лой армии пассивным в боях, т.к. продвижение партизан от Циммермановки до Николаевска гарнизоны белых сдавались без боя. Солдаты и мужчины из освобожденных сел вступали в партизанские отряды.

На стр. 63 [3] записано, что «Тряпицын освободил от белых села Циммермановку, Пульсы, Софийск». Эта запись ложная. Скорее всего, произошло следующее. Я.Тряпицын и Н.Лебедева (она работала ранее телеграфисткой) опередили всех и о чужой победе сообщили в Хабаровский центр за подписью Я.Тряпицына. За эту «победу» его и назначили командующим армией.

Здесь же написано, что «Расстояние 930 км от Хабаровска до Николаевска было преодолено за 50 дней». Фактически отряд вышел из Хабаровска 10 ноября 1919 года и пришел в Николаевск 22 февраля 1920 года, пробыв в пути 104 дня.

К Мариинску с верховьев Амура подошел отряд Бузина-Бича, с низовьев - отряд Тряпицына. После переговоров белые сдались без боя. Здесь Тряпицын показал, как надо расправляться с пленными. Во льду Амура пробили прорубь. Тряпицын саблей отрубил голову пленному. Труп спустили в прорубь [4].

После длительных переговоров японцы сдали Николаевск, изрубив на куски первых двух парламентаров, и остались в нем с оружием. 12 марта 1920 года японцы подняли мятеж в Николаевске. Тряпицын был ранен. Спасение города и партизанского отряда возглавили военный комендант Комаров и начальник милиции Г.Мазин.

Командующий войсками ДВР Г.Х.Эйхе 15.05.20 передал Тряпицыну директиву №94: «...командующему Я.И.Тряпицыну надлежит уклоняться от вооруженных столкновений с японцами». Тряпицын не выполнил указание - не перевел партизан на левый берег Амура. В результате партизанская армия потеряла свыше 1500 человек: японцы за неделю часть уничтожили, часть взяли в плен, остальных разогнали по кизенским лесам. С 27 мая по 2 июня 1920 года по команде Тряпицына расстреливали людей в тюрьмах. Войдя в Николаевск вслед за японцами, представители миссии российского Красного креста обнаружили свыше 6000 незахороненных трупов [1]. Тряпицын сжег Николаевск, но японцы построили казармы и без проблем прожили в них два года.

Весной после таяния снега в Удинске, Керби, Николаевске и прочих местах многие партизаны нашли трупы своих родственников, убитых отрядами Тряпицына, что и породило в конце концов процесс 103.

Г. Хлебников и Г.Левкин предлагают поставить расстрелянному по приговору партизанского суда Тряпицыну памятник. Считаю - нельзя ставить памятник бандиту.

Разные авторы одни и те же события излагают по-разному, например: 1.В [8] указано, что после Киселевки партизаны освободили Циммермановку, причем с каждой стороны воевало по 200 человек. Потери белых - 43 человека, партизан - 3 человека. Истинную картину боя я пересказал со слов очевидцев.

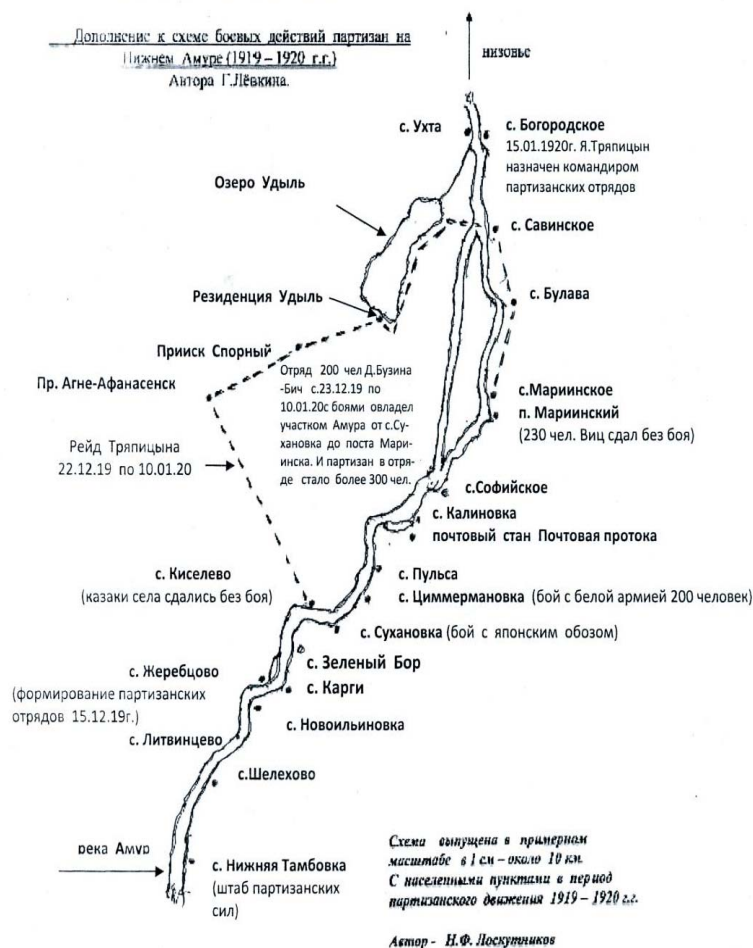
2.В [5] Г.Хлебников бандитов назвал героями. Я встречал его и предупреждал о том, что он искажает события. За полвека так и не договорились.

3.В [6] Г. Левкин указал, что отряд партизан, выйдя из Хабаровска 10.11.19, пришел в Киселевку 22.11.19, что составляет 547 км по фарватеру. Пройти это расстояние бе-

регом Амура за такое время невозможно, а движение по Амуру возможно не ранее 5 декабря - после ледостава, поскольку сухопутных дорог вдоль Амура не было.

4.Г.Хлебников и Г.Левкин утверждают, что разбой в Николаевске учинили «Сакалинцы» (бежавшие с Сахалина каторжники). Что же делал Тряпицын, располагая партизанской армией?

Схема движения партизан с
15.12.1919г. по 15.01.1920г.

Первый этап партизанского движения

После Анастасьевской конференции из Хабаровска вниз по Амуру вышло во главе с коммунистом М.Попко несколько экспедиционных групп (Г.Мазин, Т.Наумов и Я.Тряпицын), чтобы в пути создать несколько отрядов и освободить Николаевск от белых и японцев [3, стр. 63].

Во второй половине декабря 1919 года в Жеребцово появился небольшой отряд во главе с Яковом Тряпицыным - бывшим прапорщиком царской армии. Одет был в мундир полковника с погонами и шинель полковника без погон. На левом борту шинели был красный бант, на голове - папаха полковника. Идейным руководите-

лем в отряде была Нина Лебедева-Кияшко. На левой груди - бант разных цветов. Себя называла левой эсеркой.

В эти декабрьские дни отец с семьей заселился в новую мастерскую. И в своем новом жилье они встретили командование партизанского отряда - Якова и Нину. Из разговора с Тряпицыным отец узнал, что партизанский отряд должен отправиться в село Киселевку и там разоружить казачий гарнизон. Отец рассказал Тряпицыну, что в Киселевке был несколько раз и из разговора сельчан слышал, что гарнизон состоит из полусотни казаков, хорошо вооруженных личным оружием. Они имеют до тридцати пулеметов, пушек нет. Отец предостерег, что с одним пулеметом и без винтовок отряд погибнет. Это подтвердили партизаны-разведчики, которым доводилось бывать в Киселевке.

На общем совете решили изготовить макет пушки-гаубицы из дерева, подвести под вечер пушку лошадьми, рассыпать пехоту с деревянными ружьями и пулеметами. Но до этого послать два десятка лыжников по распадку реки Медвежки, перейти перевал в районе речки Девятки, чтобы овладеть единственной дорогой из Киселевки на золотые прииски Агне-Афанасьевские и речку Амгунь Кербенского района.

Киселевка расположена у подножья крутой горы вдоль левого берега Амура. Горы зимой перейти и обойти с востока невозможно. С западной стороны у подошвы горы есть пятачок, по которому проходит единственная дорога на золотые прииски. До предъявления требования о капитуляции Киселевки взводу партизан с пулеметом необходимо было укрепиться на дороге. А на Амуре поднять белый флаг и предложить начать переговоры. Не исключалось, что казаки покинут село и уйдут на прииски по тайге. А там их встретит пулеметным огнем взвод партизан. После этого гарнизон примет парламентаров с белым флагом.

Мой отец Ф.П. Лоскутников

Все командиры с этим предложением согласились. Пушка-гаубица в российской армии в основном предназначалась для стрельбы по пехоте шрапнелью. Лафет, ствол, колеса и прочее изготовили из древесины и собрали во дворе нашей усадьбы. Пушку установили и закрепили на специальных санях для транспортировки по снегу. Запрягли три артиллерийские упряжки по две лошади в каждой. Пока отряд партизан находился в Жеребцово, в него влились группы бойцов из Шелехово, Литвинцево, Ново-Ильиновки и Каргов. Некоторые охотники были со своими лыжами и ружьями. В этот отряд вступил мой отец Федор Павлович Лоскутников. Подошел сформированный в Троицком второй отряд из 150 лыжников (командир Дмитрий Бузин-Бич, начальник штаба Т.Наумов, а также будущий начальник милиции г. Николаевска Г.Мазин). Часа за три до выхода партизанского отряда с пушкой вышла группа лыжников, вооруженных винтовками и одним пулеметом, установленным на таежных нартах. В назначенное время из села вы

шел партизанский отряд в двести человек, половина из которых не имела оружия. Всем без оружия предложили по пути на о. Зеленоборском срубить из тальника дубинки и оформить под ружья. В отряде было около двадцати молодых офицеров нижних чинов, ранее служивших в царской армии. Все они были в военной форме без погон, вооружены и на конях.

Моему отцу, Лоскутникову Федору Павловичу, Нина Лебедева определила роль ямщика. Он должен был управлять санной кибиткой, в которой поехали Нина Лебедева и Яков Тряпицын вслед за отрядом. За ними - конный взвод. Яков сказал Нине: «Эти ребята будут моим карательным отрядом». Перед Николаевском их стало человек 120.

Пройдя 20 км, к полудню приблизились к с. Зеленый Бор. Отряд сделал привал. Тряпицын на шинель надел погоны полковника и с группой офицеров подъехал к почтовому стану с «арестованными». Зашли в жилую часть дома. Хозяин, Максим Татаринцев семидесяти лет, занимался доставкой и перевозкой почты. Красных в селе ожидали со дня на день, и старик Татаринцев был весьма рад, когда вместо красных появились мнимые белые. Он, отличившись угощением, за обедом рассказал, кто у них в селе за красных и каким образом они собираются встречать белых. Подтвердил, что некоторых «арестованных» он знал, например, деда Пономарева как комиссара с 1918 года. Другого, Степана, работавшего у него в сенокос, - как красноармейца. Одновременно партизаны в офицерской форме вели разговор с его дочерью Марией. Она похвасталась, что для встречи красных приготовила пельмени со стрихнином. Партизаны сбросили маски и устроили Марии порку за стрихнин. В те годы у многих профессиональных охотников можно было найти этот химикат, но ядом не пакостили.

В Зеленом Бору получили сигнал, что лыжники с пулеметом заняли оборону на дороге из Киселевки в тайгу. Отряд Тряпицына перед закатом подошел к Киселевке.

Не доходя до берега метров 800, пехота с деревянными пулеметами и палками вместо винтовок рассыпалась по линии обороны на амурском льду. Орудие подвезли на упряжке в середину линии обороны, установили якобы для обстрела села. Тряпицын с группой партизан из карательного отряда взял белый флаг и двинулся к Киселевке. В селе прозвучала очередь из пулемета. Парламентеры остановились. Часть казаков попыталась сбежать на Агне-Афанасьевский прииск. Их остановил пулеметной очередью из засады отряд Якова Лапты (Рагозина). Казаки повернули в Киселевку. После этого выбросили белый флаг. Разоружили гарнизон, изъяли винтовки, патроны и более двадцати пулеметов. Когда казаки узнали, что пушка деревянная, то долго плевались.

При подходе партизан к Киселевке часть белого гарнизона, отряд из 30 конных казаков, сгруппировался в нижнем конце села. Во время переговоров с парламентарями стемнялось, и казаки незамеченными ушли в сторону Черемшиной протоки к Софийску. В Киселевке осталось 20 престарелых белых казаков с арсеналом. С ними то и воевал карательный отряд Тряпицына. О «Подвигах» Тряпицына рассказал житель Киселевки Берсенов, записавший на видео рассказ женщины - свидетеля событий тех дней.

Начальник отряда партизан Д. Бузин-Бич (бывший прапорщик) со своим отрядом партизан этой же ночью вышел в село Сухановку ниже Киселевки на 8 км. Там разместились на постой в деревенских избах. В отряде было около 200 человек, среди

которых стрелком был мой отец. На следующий день взамен деревянных ружей выдали трофейные карабины, винтовки и по 5-10 патронов. В Сухановке стали готовиться к обороне, т.к. было получено сообщение, что готовится нападение со стороны Циммермановки, где расположился хорошо вооруженный гарнизон белых числом более 200 человек. Кроме того, к ним с низовья Амура подходил японский обоз около 50 подвод с солдатами.

После освобождения Киселевки отец и его земляки присмотрелись к поведению Якова Тряпицына в части формирования молодыми офицерами карательного отряда и к их поведению. У партизан появилась ясность, какая будет у Тряпицына кончина. Это слова отца и его сослуживцев по партизанскому отряду, которые шли в Николаевск выгнать со своей земли японскую погань.

Партизанский отряд вдоль береговой кромки Сухановки сделал из снега бруствер и полил его водой. Береговой откос вдоль села тоже полили водой. За бруствером можно было ходить, не пригибаясь при обстреле. Въезд в село тоже превратили в коток. В бруствере сделали бойницы для пулеметов и винтовок.

В ночь с 23 на 24 декабря 1919 года разыгралась очередная пурга. Рано утром сообщили, что белые пошли в наступление. В первых рядах шел японский обоз. Они хотели пройти мимо Сухановки, но попали в засаду. Партизаны открыли огонь. Бой продолжался более суток. Белые без потерь отступили в Циммермановку. А солдаты и лошади японского обоза погибли: к концу боя снегопад прекратился, но мороз прикончил раненых. И на этот раз смекалка и трудолюбие русского мужика не в сказке, а наяву помогла партизанам.

В отряде был один человек с ранением - учитель из Ново-Ильиновки Петр Григорьевич Ахмылин. На следующий день отцу дали задание: отвезти Ахмылина за 100 км в больницу Нижней Тамбовки. Уезжая, отец получил задание от командира Д.Бузина-Бича и начальника штаба Истомина. Ему надлежало проехать до Троицкого с письмами партизан к родственникам и с личными обращениями к населению о помощи красным партизанам продовольствием и одеждой. Отец в этой поездке был один и без оружия. Порой ему казалось, что население отдавало последнее добро со словами: «Выгоните японских и белых бандитов».

В эти же декабрьские морозные дни 1919 года партизанский отряд Д.Бузина-Бича освободил Циммермановку. Здесь нашли вечный покой партизаны Александр Плетнев, Максим Ярких и Лю Цао. Именами Плетнева и Ярких назвали улицы в селе. Белые понесли потери: три офицера и около сорока солдат. В первых числах января 1920 года отряд Бузина-Бича занял участок длиной 18 км между почтовым станом Пульса и почтовым станом в Почтовой (Кардинской) протоке, а также населенный пункт в несколько усадеб (ныне село Калиновка). До села Софийское оставалось 12 км. Белые на этом участке бои вели пассивно. Были захвачены трофеи - два станковых пулемета, брошенных белыми при отступлении. Дмитрий Бузин-Бич и начальник штаба Т.Наумов послали в Софийское солдат-белогвардейцев, вступивших в партизанский отряд в Циммермановке, договориться с бывшими сослуживцами о сдаче Софийского без боя. Гарнизон сложил оружие, солдаты вступили в партизанский отряд. Нескольким десяткам офицеров разрешили с оружием уйти в Де-Кастри. Таким образом, солдаты и часть офицеров Циммермановского гарнизона перешли на сторону

партизан, остальные офицеры оказались в Де-Кастри. На пути отряда Бузина-Бича стоял Мариинск с гарнизоном около 250 белых.

В это время Яков Тряпицын с семьёй соратниками (среди них Нина Лебедева-Кияшко, адъютант Яков Лапта, Александр Зимин, Анатолий Фомин и др.) предпринял глубокий обход врага в далекое от Киселевки с. Богородское по дороге на прииски Агне-Афанасьевск, Спорный, Удыль. Через озеро Удыль вышли к Богородскому. Гарнизон белых - 200 человек - сдался без боя. Прошли-проехали более 200 км. На приисках пополнились свежими партизанскими силами из рабочих-горняков. В количестве 100 человек отряд вышел в тыл к белым к Мариинску (гарнизон около 250 человек). В Спорном Тряпицын со свитой, воспользовавшись моментом, занялся разбоем и погромами. Взорвали золотосплавную лабораторию и золотомоечную установку - драгу, арендаторов-золотоискателей братьев Алексея и Иннокентия Усольцевых расстреляли.

Во время переговоров с командующим Нижне-Амурскими войсками полковником Вицем о сдаче Мариинска без боя Тряпицын заявил: «Я монархист, сейчас иду против существующей власти, а потом пойду против Советской власти» [2]. Эта фраза объясняет последующие действия Тряпицына. 10 января 1920 года отряды Якова Тряпицына и Д. Бузина-Бича вступили в Мариинск. Солдаты белых отказались уходить в Де-Кастри и присоединились к партизанам. Яков Тряпицын назначил себя командующим трех партизанских отрядов.

28 февраля 1920 года после заключения перемирия с японцами Николаевск перешел в руки партизан. Японский гарнизон остался в городе. Большая часть партизан в начале марта 1920 года была рассредоточена в селах: Киселево, Софийск, Мариинск, Тыр, Удинск, Керби.

10 марта 1920 года Командующий партизанской армией Я. Тряпицын объявил японскому гарнизону численностью около 1000 человек ультиматум о сдаче оружия. Срок ультиматума истекал 12 марта. Партизан в городе было около 500 человек, главные силы располагались в окрестных селах. Не запрещалось японским военным служащим находиться в городе с оружием. Усиленные караулы у штаба отсутствовали. 11 апреля был устроен банкет, на котором присутствовали администрация города, Тряпицын и японцы. В час ночи с 11 на 12 марта японцы напали на штаб партизан в Николаевске, обстреляли и подожгли его. Был смертельно ранен начальник штаба Т. Наумов. Дважды раненый Тряпицын оказался изолированным от партизан. Героическую оборону возглавили комендант гарнизона Комаров и начальник милиции Г. Мазин. Решающую роль в спасении города и партизан сыграл подошедший с Амгуни горный полк под командованием Бурдина. После четырехдневного боя 700 японцев было убито, остальных взяли в плен. Потери партизан - от 147 до 380 человек - на совести Тряпицына, допустившего перечисленные ошибки.

Тряпицын назначил новым начальником штаба Нину Лебедеву-Кияшко, которая издала декрет «О социализации каждой женщины», согласно которому каждый партизан с мандатом на женщину мог забрать для развлечения из любого дома любую женщину. Отказ подчиниться мандату был равносителен смертельному приговору [2].

Нина Лебедева-Кияшко в период продвижения партизанского в Николаевск в начале февраля 1920 года на почтовых лошадях отправилась в штаб партизанских сил в село Нижняя Тамбовка. И, долго не задерживаясь, вернулась в отряд. И второй раз в

конце марта 1920 года прибыла в Нижнюю Тамбовку и на следующий день выехала в Николаевск. Торопилась, т.к. наступала весенняя распутица. При вторичной поездке сопровождал Нину мой отец Федор Павлович Лоскутников. На обратном пути она отдыхала день в селе Жеребцово в доме наших родителей. Моя мама рассказывала, что Нина обратилась к ней с жалобой на моего отца. Назвала его Федором Павловичем и сказала: «Не могу уговорить его надеть дорожную шапку из конфискованного имущества. Он всегда отказывается и говорит, что его обшарпанная кожаная шапка лучше и дороже». Этот разговор состоялся при сборах к отъезду в Николаевск. Отец в это время запрягал пару почтовых лошадей «гусем».

Еще в начале мая 1920 года был образован военно-революционный штаб в составе 5 человек для организации отпора интервентам. Возглавил его Иван Тихонович Андреев. Из трех партизанских отрядов было создано три фронта под общим командованием Тряпицына.

Киселевским фронтом командовал Д. Бузин-Бич. Со своим отрядом и пополнением он прибыл в Киселевку во второй декаде мая.

В этом отряде был мой отец. В июне 1920 года Д. Бузин-Бич отправил отца как специалиста на прииск Спорный для восстановления технологической линии по добыче золота. После ее восстановления в начале весны 1921 года отец остался там на постоянной должности до ноября 1924 года (ухода на депутатскую работу).

Амгуно-Тырским фронтом командовал Сасов-Беспощадный. Он возглавил партизанский отряд в районе поселка Керби по реке Амгунь. Партизаны базировались также в селах Удинском на Амгуни, Тыр и Тахта на Амуре. К его отряду был приписан карательный отряд, при котором находились Я. Тряпицын и Н. Лебедева-Кияшко.

Де-Кастринский фронт возглавил Яков Лапта (псевдоним - Рагозин). Он со своим отрядом обосновался в Мариинском, Софийском, Богородском. Лапта появился в партизанском отряде на Амуре вместе с Яковом Тряпицыным, прибыв из Приморья. Как и Тряпицын, был арестован контрразведкой белых. Был адъютантом, отменным мародером и провокатором. Об этом записано в очерке истории КПСС: «В этот момент на подпольный центр в Хабаровске обрушился удар противника. 20 октября 1919 года Исполнительный комитет предали попавшие в калмыковскую охранку Заварзин и Лапта. Они выдали около 60 подпольщиков - почти весь Исполнительный комитет и актив. 23 подпольщика были расстреляны или зарублены [3].

Однажды мой отец услышал адресованные Тряпицыну слова Лебедевой-Кияшко о Лапте: «Яков, умири ты этого мародера». Тряпицын ответил: «Он мне нужен, и я во многом ему обязан».

Разжиганию реваншистских настроений Японии способствовали политика империализма и действия Тряпицына. Еще в ходе съезда была принята резолюция, требовавшая от Японии немедленно вывести войска с территории Советского Дальнего Востока. По команде Тряпицына радиостанция крепости Чныррах, одна из мощнейших на Дальнем Востоке, передала призыв разгромить Японию. Среди населения Японии распространялись сведения о зверствах партизан по отношению к японцам. Все это давало повод к эскалации интервенции.

14 мая японцы 20-тысячной армией блокировали побережье Амурского лимана от Де-Кастри до Николаевска. Японский десант в несколько тысяч человек наступал из Де-Кастри на Софийск и Мариинск. Японские гидросамолеты следили за передви-

жением партизан и бомбили Софийск и Мариинск, как место вероятного сосредоточения партизан. 17 мая 1920 года японские сухопутный и морской отряды вышли из Хабаровска и соединились в Софийске с японцами, наступавшими из Де-Кастри.

Японские соединения многократно превосходили партизан и численностью, и вооружением, и организованностью. После стычек в Кизенских лесах партизаны стремительно стали отступать в низовья Амура. Часть их ушла в леса, растворилась в таежных поселках. Многие вернулись к родным очагам. Военнопленных японцы расстреливали, увозя на баржах подальше от русских поселений. Один из расстрелов был в устье реки Горюн, за селом Бичи. Вместе с партизанами японцы расстреляли Михаила Турыгина - мужа моей тети Александры, бывшего белого офицера, проживавшего в Николаевске и не примкнувшего ни к какому движению.

В начале третьей декады мая Яков Лапта бросил руководство своим Де-Кастринским фронтом, который был основным. Из 5-тысячной армии Тряпицына на 1 июня 1920 года осталось немногим более 2 тысяч. Лапта сменил свой черно-красный бант на черный и с небольшой группой бандитов путешествовал по Амуру на пароходах с белыми и японцами, помогая тем и другим грабить народ и расстреливать всех неугодных. В июне 1920 года в селе Литвинцево Лапта потребовал у семидесятилетнего жителя Зиновия Федоровича Мокрюкова деньги, которых у него не оказалось. За это его голого привязали к дереву без еды и питья. Через три дня он умер. Его внучка, проживающая ныне в Солнечном, рассказывает: «Моего деда убили красные партизаны». Где был в это время Тряпицын?

После ухода партизанских отрядов в Николаевске в период с 22 мая по 2 июня 1920 года остался Тряпицын с карательным отрядом в составе примерно 120 человек, которые продолжили массовое мародерство, грабежи убийства, изнасилования. Расстреливали всех: богатых, коммунистов, солдат, свидетелей, жен руководителей города и просто того, кто попадал под руку. Тряпицын сжег город. Керосин для поджигания города брали на зимовавших в Николаевске судах и на маяках в районе Де-Кастри. После ухода его отряда из города уцелело около двух тысяч жителей из бывших в начале марта более чем двенадцати тысяч. После трехдневных пожаров сгорело 2076 городских домов, осталось 31 [2].

2 июня 1920 года карательный отряд Якова Тряпицына в составе 120 человек покинул горящий Николаевск. Месяц проблуждав по таежным поселкам и приискам, Яков Тряпицын со своим карательным отрядом пришел в поселок Удинский, а 4 июля 1920 года в Керби, где были сосредоточены основные силы партизан.

Партизанскому комитету надоело слушать о мародерстве и расстрелах бедных и богатых: у одних не было денег, а у других все забрали, и каратели убивали свидетелей, и он организовал партизанский судебный процесс: от каждой группы партизан из 25 человек выставили заседателями в суд по одному человеку, набрав суд из 103 человек. Председателем процесса был избран председатель подпольного комитета партизан в низовьях Амура Иван Тихонович Андреев. Арестовали Якова Тряпицына и Нину Лебедеву-Кияшко. Задержали 450 человек при численности всей партизанской армии: в марте 1920 года - 5000; в конце июня 1920 года около 2500.

Суд над руководителями партизанского движения, перевоплотившимися в жестоких карателей, состоялся 9 июля 1920 года. Этот открытый судебный процесс вошел в историю как процесс 103. Осудили 130 человек: к смертной казни приговорили - 16,

в том числе Тряпицына, Лебедеву-Кияшко, Сасова-Беспощадного и заочно Якова Лапту. К тюремному заключению приговорили 33 человека. Остальных помиловали и освободили.

Краткая выдержка из приговора суда:

Тряпицын Яков Иванович 23-х лет обвиняется: ...1) в том, что он, занимая должность командующего красной Армии, допустил ... ряд беспричинных арестов и расстрелов мирных граждан и их семейств и должностных лиц и проявил бездействие власти...

...2) в том, что он, Тряпицын, 27 мая отдал распоряжение расстрелять ряд активных советских коммунистов командиров как т.т. Бурдина, Мазина, Иванченко - без достаточных и даже без всяких к тому оснований, то-есть в убийстве ... [1].

После расстрела Тряпицына Д. Бузин-Бич поручил бывшему ординарцу Якова Лапты И. Татаринцеву ликвидировать Якова. Татаринцеву надоело мародерство его командира, и он ушел в отряд Д. Бузина-Бича.

Рассказ моей мамы Марии Ивановны Лоскутниковой

В один из дней в середине июля 1920 года из низовьев Амура со скоростью 4-5 км/час поднимались два парохода, каждый вел под своим бортом баржу. На одном из пароходов находились японцы. Среди них - Лапта со своей дружиной с черными бантами на груди. На барже везли пленных партизан. Другой пароход был занят богатыми пассажирами и белыми офицерами. В Жеребцово сделали стоянку для погрузки дров и двинулись вверх по Амуру. В эти часы в нашем доме появился мой племянник Иннокентий Татаринцев. Он попросил приготовить махорки из свежих листьев табака и рассказал о своем задании: ему надо по берегу догнать пароходы и встретиться с Лаптой, чтобы привести в исполнение решение суда. Я ему сказала, что заходил знакомый боцман и спрашивал, есть ли в Бичах дрова, они собираются там остановиться. Иннокентий отправился в дорогу.

Пароходы с баржами зашли в устье Горюна и сделали остановку в Бичах. Японцы и белые решили расстрелять партизан. Сбросили сходни. Спустились пассажиры, спустился и Яков Лапта со своими бандитами. Повели на расстрел первую партию партизан. Тут Лапта увидел рядом со своей свитой бывшего ординарца Иннокентия с черным бантом. Со словами: «Наслужился у коммунистов» Яков разрешил ему подойти. Иннокентий достал кисет и предложил закурить. Раскуривали сигарки. В это время раздался ружейный залп. Все повернули головы на выстрелы. Иннокентий схватил за руку Лапту и развернул, схватил другую руку, отступая на глубину реки Горюн, прикрывался Яковым и сломал ему в плечах обе руки. Бросил его, нырнул и поплыл вдоль борта парохода. В него стреляли и легко ранили. Якова Лапту по его просьбе застрелили его «братишки» и похоронили в селе Бичи. Раненного Иннокентия подобрали жители Средней Тамбовки и отвезли в больницу Нижней Тамбовки, там он стал поправляться, но умер. Жители села не исключали, что его могли отравить.

Я в 1937-1938 годах неоднократно видел, как жители г. Николаевска разыскивали в амурских селах и забирали вещи: перины, верблюжьи одеяла, одежду, посуду. Я был удивлен: у людей отбирают вещи, а они не протестуют. Отец объяснил мне, что хозяева забирают свои вещи, награбленные мародерами еще в 1920 году.

В начале 30-х годов ГПУ разыскивало по селам горшки с намытым золотом и изделиями из него - кольцами, сережками, золотыми зубами. Понятые рассказывали,

что оперативники приходили во двор, два раза ударяли ломом в углу двора и сразу выкапывали горшок с золотом.

Я пользовался, кроме рассказов своих родителей, воспоминаниями следующих людей: моей тети Александры Ивановны (девичья фамилия Мокрюкова), проживавшей в 1919-1920 годах в Николаевске, где служил ее муж Михаил Турыгин; подруга моей матери Лазович Ольга, проживала с мужем в Николаевске до 28 мая 1920 года, родственники матери - члены семейства Барминых.

Литература

1. Славинский, Д. Николаевские дни 1920 года // Новое время. - 2003.- №23.- С. 36-40.
2. А.Сутурин. «Об Амурском диктаторе». // Амурские ведомости , 1991.- 19 апреля.
3. А.Сутурин. «Об Амурском диктаторе». // Амурские ведомости , 1995.- 24 октября.
4. Очерк истории КПСС. Хабаровская организация. 1900-1978 годы.
5. Берсенов. «Воспоминания очевидицы событий 1920 года». Видеозапись.
6. Г.Хлебников. «Амурская трагедия». Роман.
7. Г.Левкин. «Было, но быльем не поросло...».
8. П.М. Пралжайтис. «Эхо партизанских сопок», стр.228-234.
9. Бойко-Павлов. «Так было на Дальнем Востоке».

Слева направо: Д. Бужин (Бич),
Я. Тряпицын после ранения 12 марта 1920 г.
и его адъютант А. Волков

В.Г. Смоляк

В огне брода нет

Имя Якова Тряпицына окутано легендами, а споры
в исторической среде не утихают до сих пор:
кто он - герой или бандит?

смерти (он умер 17 декабря
1971 года) Николай Никитич
передал ее мне...

Свой голос в этой дискуссии оформил и Виктор Смоляк книгой «Междоусовица».

Издание было приурочено к годовщине ухода Виктора Григорьевича, а своим рождением книга обязана содружеству людей, кому Смоляк был близок и дорог. Прежде всего это - его семья, коллеги по Ротари-клубу и дружившие с ним сотрудники музея имени Гродекова. Презентация книги состоялась в Хабаровском краеведческом музее в декабре 2009 года. Ознакомившись с содержанием издания многое становится

понятным, особенно в той в той запутанной истории, которая у специалистов получила название «Николаевский инцидент»; с его трагической развязкой - сожжением самого города и исходом многотысячного мирного населения, обреченного на голод и смерть. Григорий Викторович Смоляк рассказывая о своём отце говорит, что тот был человеком чрезвычайно разносторонним: преподавателем, учёным, телеведущим, журналистом. Но всю свою сознательную жизнь, он прежде всего оставался историком.

Защитив в Московском университете кандидатскую диссертацию в 1973 году, он до конца дней продолжал работать над темой «Гражданская война на Дальнем Востоке». Такую специализацию предопределили впечатления его послевоенного детства и юности, когда он впервые услышал от очевидцев о событиях, происходивших на Нижнем Амуре в 1918-1922 годах. Тема продвигалась тяжело. В 1973 году, естественно, ни о какой иной трактовке, кроме официальной, не могло быть и речи. Более того, учитывая конкретные исторические обстоятельства, не все события оценивались однозначно, они требовали дополнительного осмысления.

Размышляя на тему белого и красного террора, партизанщины и интервенции, В. Смоляк посвящал много времени этой теме, часто публиковался в общероссийских и краевых газетах. В последние годы его интерес к тем годам и судьбам людей, вершивших историю, приобрел характер некоторой одержимости. Он пытался понять логику Якова Тряпицына, отдавшего приказ о сожжении Николаевска, представить себя на его месте, почувствовать то, что чувствовал он.

С некоторыми главами книги «Междоусобица» хотелось бы познакомить читателей.

Вместо предисловия.

В советское время историки особое внимание уделяли истории Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войны. Отличительной особенностью всех работ по этой проблематике является двуцветное красно-белое видение российской междоусобицы. Когда исторические факты не укладывались в классическую марксистскую схему оценок прошлого, они игнорировались или подгонялись. Классический пример такого подхода - оценка истории партизанского движения в низовьях Амура (1919-1920 гг)

Историки и участники Гражданской войны оценивают ее по-разному. Главная причина этого - трагический конец событий. Одни пишут о беспримерном героизме партизанской армии, другие -положительно оценивают события только до момента эвакуации партизан из Николаевска-на-Амуре, третьи в действиях партизан - от начала и до конца - видят только анархизм и бандитизм...

...Объясняется такой разброс оценок очень просто. Все участники партизанского движения в низовьях Амура были поделены большевиками на сторонников и противников Я. Тряпицына. Одни получили удостоверения партизан, со всеми вытекающими отсюда привилегиями и льготами, другие - нарицательное имя «тряпицынец», идентичное махновцам. Такое разделение существовало весь советский период нашей истории, публиковались только книги и сборники воспоминаний противников Тряпицына, которые вписывались в большевистское понятие партийности автора. А

что на практике означало строгое соблюдение принципа партийности? Можно найти этому объяснение у соратника И. Сталина - Л. Кагановича: « мемуарист-большевик не может и не должен просто рассказывать факты, он должен твердо стоять на генеральной линии партии...».

.. В конце пятидесятих годов прошлого века была предпринята попытка Хабаровским крайкомом КПСС выслушать как сторонников, так и противников Я. Тряпицына. Сотрудник Хабаровского краеведческого музея Николай Прибылов написал записку на имя секретаря КК КПСС А. Шишкова «О мерах по восстановлению истории николаевских событий 1920 года». Он обратил внимание на гонения инакомыслящих по этой проблеме: «Когда писатель Р. Агишев с документами в руках пытался на специальном совещании у бывшего секретаря крайкома КПСС Ажгибкова в 1959 году доложить о Николаевской коммуне, его выслушали, можно сказать, заткнув уши, а потом спросили: «Когда ты кончишь защищать Тряпицына?». Ввиду создавшейся обстановки Агишев и Прибылов выехали из Хабаровска, но исторические факты, сколь их ни прятали и ни искажали, оставались фактами, к которым надлежало вернуться»...

...Крайком КПСС предложил председателю Приамурского географического общества А. А. Степанову подготовить справку о николаевских событиях. Так появился стостраничный текст **«Вопросы географии Дальнего Востока, 1920 год на Нижнем Амуре»**. Оставим в стороне несурзное название работы и обратимся к выводам автора, изложенным в заключении: «...приведенный выше фактический материал подтверждает правильность решений Приморской областной конференции РКП (б) от 10 июня 1920 года, считавшей необходимым предать революционному суду Тряпицына, Лебедеву и примыкавших к ним лиц как сознательных противников Советской власти и организаторов массовых убийств коммунистов, общественных деятелей, женщин, детей. Под лживым флагом защиты чистой Советской власти анархо-максималистам в марте-июне 1920 года удалось захватить в свои руки партизанский штаб и установить свою диктатуру на Нижнем Амуре для борьбы против ленинской политики Коммунистической партии. Во время своего господства в Николаевске-на-Амуре анархо-максималисты физически уничтожили значительную часть партийно-советского актива низовий Амура, истребили большое количество ни в чем не повинных людей, пытаясь превратить Нижний Амур в антисоветский, антикоммунистический плацдарм...»,

... Как я уже писал выше, сторонники Тряпицына, участники тех событий, не имели возможности публично изложить свою позицию. Большую работу по сбору воспоминаний этих людей провел Н. Прибылов. У него была специальная папка для переписки, которая называлась «За» и «Против» Тряпицына». Накануне смерти (он умер 17 декабря 1971 года) Николай Никитич её передал мне...

Из Папки Николая Прибылова

Р. Агишев - Бессонову (бывший министр земледелия ДВР) и В.П. Голионко (участник трех революций), 24 апреля 1959 г.:

«Мною получены из Томского архива копии протоколов 1 -го съезда Советов в Николаевске и заседаний Исполкома, избранного на съезде. Эти документы доказывают всю абсурдность возводимых на николаевских коммунистов обвинений и пока-

зывают, что за большевиками Железиным, Бич-Бузиным, Ауссемом, Харьковским и другими

- во время николаевских событий сохранялось преобладающее влияние. Само собой разумеется, что никакой расправы над мирным населением не было. Все это досужий вымысел пытающихся во имя каких-то личных эгоистических мотивов извратить историю...».

Партизан И.И. Самойлов - партизану Н.С. Демидову, 29 июля 1960 г.:

«Письмо ваше получил и удивлен: неужели вы не знаете, что Андреев был посланцем японцев? Да я лично сам и многие сахалинцы знаем и видели Андреева. Да, это он расстрелял Тряпицына и после этого с почетом был привезен в Александровск-Сахалинский и жил во флигеле у миллионера Петровского под охраной японских штыков. Андреев почитался японцами так же, как их национальные герои...».

Активный участник Гражданской войны на Дальнем Востоке Б. Жданов - Прибылову, 13 апреля 1959 г.:

«Тряпицын и Лебедева уничтожили русский город, истребили половину неповинного населения, а другую обрекли на муки в таежном пути якобы в целях спасения от мести японцев...

...Советую вам раз и навсегда излечиться от анархо-эссеровской отрывки. Будет хорошо, если вы публично выступите с осуждением ваших заблуждений».

Писатель Г. Г. Пермяков - Прибылову, 29 марта 1963 г.:

«Придет время - и будет роман о Якове Тряпицыне, восстановят его могилу, опубликуют двусторонние документы, будут заслушаны обе стороны. Если 50-летние люди хотят объективности о Якове Тряпицыне, то тем более этого потребуют будущие 30-летние...».

Министр земледелия ДВР И.С. Бессонов - Прибылову, 11 декабря 1958 г.:

«Что Тряпицын и Лебедева боролись за Советы и являлись героями - это факт. В моих воспоминаниях имеется обвинение Тряпицыну, написанное по неправильной информации. Но теперь я снимаю свое обвинение».

Писатель П.И. Гладких - партизанскому командиру С.С. Стрельцову-Курбатову, 23 августа 1963 г.:

«В одной из бесед Василий Константинович Блюхер сказал мне: «Для меня ясно одно: Тряпицын был борцом за Советскую власть, таким же, как и сибирский «дедушка» Нестор Каландаришвили, который также считал себя анархистом. Загубили Якова Тряпицына напрасно. Не разобрались досконально в этом сложном деле и наломали дров...».

Кровавый финал

«...Несмотря на поздний час, в поселке Керби не спали. То там, то здесь виднелись группы бывших беженцев из Николаевска-на-Амуре, местных жителей. Все ждали, когда из трюма баржи выведут приговоренных к смертной казни.

Одиннадцать часов вечера. В окружении своих соратников пришли на берег председатель временного революционного штаба Тихон Андреев, члены президиума «суда 103-х» П. Воробьев, С. Жемайтис, С. Слепак, А. Овчинников, С. Птацмн и другие. На барже скрипнула железная дверь трюма, на палубу стали выводить осужденных.

Первым на трап, в окружении конвоя, вступил уже бывший командующий партизанской Красной армии Николаевского фронта **Яков Тряпицын**. С высоко поднятой головой, в холщевой белой рубашке навыпуск, закованный в цепи, он медленно шел по скрипящему трапу, припадая на раненую ногу. Следом за ним, по-бабьи скрестив руки на большом животе, спускалась бывший начальник штаба партизанской Красной армии максималистка **Нина Лебедева**. Затем на берег сошли другие осужденные. Замыкал группу председатель Сахалинского областного Совета коммунист **Федор Железин**.

Когда все семь приговоренных к смертной казни оказались на берегу, конвоиры начали построение для последнего похода по земле. Первым, опоясанным цепью с длинными концами, поставили Я. Тряпицына. Рядом - Нина Лебедева. За ними - все остальные. Конвоиры взяли за концы цепи, окружив ею всех смертников. Вокруг плотного конвоя сразу же образовалась толпа из беженцев, партизан, местных жителей. На окраине села конвой остановился. Любопытных оттеснили метров за двадцать от вырытой ямы.

Участники тех событий, конвоиры, в своих воспоминаниях рассказывают, что во время движения Тряпицын и Лебедева достаточно громко переговаривались:

«Яша, нас действительно хотят расстрелять?».

«Разве в такую прекрасную ночь расстреливают? Это просто демонстрация».

«Я знаю, что беременных женщин нигде в мире не расстреливают. Если тебя расстреляют, а меня нет, я назову нашего сына Яшей. Ты согласен?».

«Конечно, согласен. Ты не волнуйся. Все будет хорошо».

Осужденных поставили на бровке заранее вырытой ямы. На ясном небе сияла полная луна. Было светло как днем. Заместитель председателя суда **Петр Воробьев** зачитывает решение «суда 103-х». Голос его хорошо слышен:

«За содеянные преступления, постоянно подрывающие доверие к коммунистическому строю, могущие нанести удар авторитету Советской власти, подвергнуть смертной казни...».

Командир взвода конвоя **Петр Приходько** резко командует: «Конвой, отойти в сторону!».

Напротив приговоренных, вскинув оружие, приготовился к стрельбе взвод бывших артиллеристов. Все замерли. Тишину ночи разорвал пронзительный крик:

«Да здравствует мировая революция! Да здравствует Советская власть!...».

Команда «Взвод, пли!» прерывает крик Федора Железина. Осужденные повалились в яму. Все, кроме Якова Тряпицына. Он только пошатнулся после залпа, но затем вновь выпрямился. На секунду все оцепенели. Он наклоняется и берет на руки бездыханное тело Нины Лебедевой.

«Стреляйте!» - уже не командует, а кричит Приходько.

В Тряпицына началась беспорядочная стрельба, но он продолжал стоять с телом Лебедевой на руках. Приходько подбегает к нему и в упор разряжает пистолет. Тряпицын медленно валится в яму, не выпуская из рук Лебедеву. Даже мертвый, он не хотел отпускать ее от себя. А она за эту верность подарила ему несколько мгновений жизни, приняв на себя пули бывших соратников по оружию.

Так, **9 июля 1920 года** в двенадцать ночи в селе **Керби** свершилось одно из трагических событий Гражданской войны на Дальнем Востоке...».

«Меня очень поразила ее неблагозвучность...»

Впервые я услышал фамилию «Тряпицын» в конце 40-х годов прошлого века. Помню, как меня тогда поразила ее неблагозвучность.

Мы жили тогда в Николаевске. В бараке у нас была маленькая комнатка, и почти ритуальным было вечернее чаепитие.

-Соседка, я не помешала? - это приходила баба Катя. Ее воспоминания в основном

были об участии в партизанском движении на Нижнем Амуре. Заканчивала она их традиционными вздохами; « До сих пор не пойму: зачем наши же партизаны расстреляли моего командира Яшу Тряпицына и его жену Нину Лебедеву? Они же тоже были за Советскую власть...»

- А где, баба, его расстреляли?

- На Керби. Мы вместе с ним шли по тайге из Николаевска. Дорог - нет, комаров - море, а главное, - мы заблудились. У нас кончились продукты. Хорошо, было несколько лошадей, мы их съели. У нас был небольшой запас плиток шоколада. Тряпицын его берег на всякий случай. Однажды наш николаевский мужик стоял на посту и несколько плиток съел, так его Яша перед строем застрелил. Жалко было мужика, молодой еще был и партизан хороший...

...Эти рассказы бабушки Кукушкиной запали мне в душу, и когда я стал историком, одно усвоил твердо: только в архивных документах можно найти ответы на вопросы: «Зачем же наши партизаны расстреляли моего командира Яшу Тряпицына?...».

...По автомобильной трассе Хабаровск - Комсомольск-на-Амуре в 40 километрах от Хабаровска расположено село Анастасьевка.

Сегодня в селе ничего не напоминает о том, что именно здесь 2 ноября 1919 года произошло событие, которое в конечном итоге предопределило победу красных над белыми в Приамурье. В исторической литературе это событие получило название «Вторая объединенная конференция представителей партизанских отрядов, революционного крестьянства и подпольных организаций»...

.. Там впервые и встретились два основных персонажа «нижнеамурской трагедии»: Яков Тряпицын и Нина Лебедева. Тряпицын присутствовал на конференции как командир небольшого партизанского отряда, базировавшегося на станции Кругликово. Н. Лебедева никого не представляла, а была известна как член разгромленного хабаровского подполья.

Яков Иванович Тряпицын. Родился в семье зажиточного крестьянина во Владимирской области. Окончил четырехгодичную сельскую школу с похвальным листом. Участвовал в Первой мировой. За личную храбрость был награжден Георгиевским крестом. Принимал участие в штурме Зимнего дворца.

Весной 1918 года уехал на Дальний Восток, во Владивосток. Участвовал в захвате японского вагона с оружием, после чего ушел к партизанам на Сучан. Отряд был разбит японскими карателями, после чего Тряпицын отбыл под Хабаровск...

Нина Михайловна Лебедева. С юных лет - в партии социал-революционеров. За покушение на пензенского губернатора была осуждена, ссылку отбывала в Акатуе, на знаменитой Нерчинской каторге вместе с Марией Спиридоновой, лидером партии левых эсеров, и Фани Каплан, покушавшейся в августе 1918 года на Ленина. После

Февральской революции - один из организаторов Читинского союза максималистов. От семеновских банд бежала в Благовещенск, затем - в Хабаровск, где была секретарем подпольной организации...

...В исторической литературе организатором и идейным вдохновителем партизанской конференции называется Бойко-Павлов, но считать его «героем Гражданской войны на Дальнем Востоке» надо с большими оговорками. **И. Бессонов вспоминал:** «В отношении Бойко-Павлова могу сказать следующее: когда я познакомился с его статьями, то убедился, что такого лжеца я не встречал еще в своей жизни...».

Б.Г. Славина, участница хабаровского подполья в 1918 -1919 годах, пишет

В 1966 году в «ТОЗ»: «Мне хорошо была известна обстановка в Хабаровске по занятии города интервентами и калмыковской бандой, но никаких сведений о причастности Бойко-Павлова к подполью не имели ни я, ни другие подпольщики...».

...Уже на конференции наметился конфликт Тряпицына и Бойко-Павлова. Начался он со спора: где размещать продовольственную базу для зимней кампании 1919-1920 года, Но это был не единственный повод, здесь будет уместно сказать: «шерше ля фам».

Нина Лебедева была единственной женщиной, к тому же молодой и красивой, среди ее делегатов. К ней был проявлен интерес, среди соискателей были и будущие члены ревштаба: Холодилов и Бойко-Павлов, но свой выбор она остановила на Якове Тряпицыне.

...В исторической литературе уход Тряпицына в сторону Николаевска трактуется по-разному. Одни говорят, что он был послан решением ревштаба, другие - что ушел сам. Косвенные же факты свидетельствуют, что в низовья Амура Тряпицын ушел по личному распоряжению Бойко-Павлова. Тот хотел таким способом избавиться от соперника. У участника той конференции Бессонова есть в воспоминаниях следующая фраза: «Когда Холодилов позволил себе бросить ей нестерпимо грязное оскорбление, то мы с Бойко-Павловым дали ему внушительный отпор, а теперь он сам называет ее «потаскухой»...».

Один и без оружия

...В первой половине 1920 года партизаны подошли к Софийску, где в то время находился батальон белых под командованием полковника Вица, в задачу которого входило не допустить их к Николаевску. Тряпицын обходным маневром вышел к Богородскому и таким образом замкнул белых в капкан. Без боя партизаны захватили обоз с рождественскими подарками, почтой и боеприпасами для батальона белых, и тогда Тряпицын связался с Вицем по телефону с предложением личной встречи. Он согласился, если Тряпицын будет без охраны.

Яков идет на неё один и без оружия. О чем говорили с глазу на глаз 23-летний партизанский командир и убежденный сединой полковник царской армии, мы уже никогда не узнаем. Не вызывает сомнений только одно: Тряпицын продемонстрировал незаурядное мужество, а Виц - благородство и офицерскую честь.

Тряпицыну была предоставлена возможность выступить перед батальоном, главной была японская тема: интервенты пришли на нашу землю, чувствуют себя хо-

зяевами, грабят и разоряют Россию, а цель партизан - выбросить оккупантов с родной земли и построить в России Трудовую республику...

...Весь батальон, кроме офицеров, сделал шаг вперед, и в тот момент Тряпицын мог арестовать офицерский состав, но он этого не сделал. На благородство полковника Вица он разрешил им покинуть Мариинск, взяв с собой часть продовольствия и личное оружие, и Виц увел свой небольшой отряд в сторону Де-Кастри...

...Они были обречены. Виц своей властью освободил их от присяги, сам же принял решение уйти из жизни. На прощанье он написал жене и детям в Петроград, просил простить его за самовольный уход из жизни, ибо он не мог выполнить свой офицерский долг перед Россией...

После самоубийства полковника Вица офицеры приняли решение сложить оружие, однако 12 марта 1920 года, во время японской провокации в Николаевске-на-Амуре, партизаны их расстреляли.

«Штурмовые ночи Спасска, николаевские дни...»

...Именно такими были слова знаменитой песни дальневосточных партизан «По долинам и по взгорьям», но затем, по политическим мотивам, в песне заменят «Николаевские дни» на «Волочаевские».

В Николаевске находились японский батальон, насчитывающий 800 человек, под командованием майора Исиава, а также отряд Белой гвардии - 500 человек - полковника Медведева. Кроме того, в городе была и большая колония мирных японцев.

К февралю 1920 года в отряде Тряпицына насчитывались порядка 2000 человек. Желание освободить город было всеобщим. Трижды штаб партизанской Красной Армии предлагал японцам начать переговоры о перемирии, но получал отказ. Более того, партизанский парламентар Орлов вместе с ямщиком Сорокиным были арестованы, подвергнуты жесточайшим пыткам, а затем утоплены в проруби на Амуре. Партизаны решили брать город штурмом, но после определенных усилий договор о прекращении военных действий был подписан, и 28 февраля 1920 года партизанские полки вошли в город.

Началось странное «замирение». Вот как об этом вспоминал участника тех дней Д.С. Бузина (Бич): «Мы поражались дружбой японцев, их расположением к красным партизанам. Начинались даже срывания погон со словами: «Наша – тоже большевика». Открыто говорили, что когда Тряпицын пойдет с красными войсками к Хабаровску, то японцы - вместе с ним. «Компай» слышалось в те дни не только на банкетах в штабе, но и в партизанских казармах».

11 марта вечером в партизанском штабе был очередной банкет по случаю открытия 12 марта областного съезда Советов, а в 3 часа ночи город проснулся от грома разрывающихся гранат, оружейной и пулеметной стрельбы. Главный удар был направлен против штаба партизан, где в то время там находились Тряпицын, начальник штаба Наумов и другие служащие со своими детьми...

...Многие были убиты, в том числе и начальник штаба Наумов, Тряпицын дважды ранен. Бой на улицах был жестокий и беспощадный, многие прятались в подвалах, а появившиеся хунхузы и русские уголовники (их еще называли «сахалы» с Сахалинской каторги.) начали грабить покинутые дома, а в японских кварталах, под

видом партизан, вырезали даже семьи. **Д. Бузин (Бич) вспоминал:** « Я был свидетелем жуткой сцены: два красных партизана (китаец и русский) вели троих японских детей в приют. Их догнали несколько китайцев, отняли детей, и один сказал: «Вырастет - все равно будет сволочь», - и выстрелил из «Смита» в старшую девочку...».

Сразу же после выступления японцев было создано две комиссии, одна - международная, во вторую вошли только русские, но выводы были идентичны: японские войска первыми напали на партизан...

...Не успел еще развеяться дым от пожара, как в Николаевске открылся съезд Советов, чуть позже были сформированы комиссариаты, заложены основы коммуны. Было выпущено несколько воззваний: «Мы - не боги, а люди, перед которыми поставлена непосильная задача: продовольствия мало, одежды и обуви почти нет совсем, денег нет, а нужда всеобщая и тяжелая...», Но с приближением весны стала нарастать угроза вторжения японцев, которые могли попасть сюда, как вскрылся бы Амур. В это же время началось и открытое противодействие Тряпицына созданию буферной республики - ДВР. Чем он руководствовался, когда выступил против линии партии? Если коротко, то ненавистью к интервентам и верностью советской власти...

«Изменился Тряпицын, изменилась Нина, почему?..»

8 марта 1920 года из Наркоминдела РСФСР в Николаевск поступила телеграмма: «Согласно официальных японских кругов, напечатанных в английской прессе, японские войска, высадившиеся без всякого сопротивления в Александровск-на-Сахалине, в количестве одного пехотного батальона с артиллерийской батареей, предназначены для взятия Николаевска-на-Амуре, как только порт освободится ото льда. Имейте это в виду», - и уже к маю стало ясно, что противостоять японцам невозможно. Нет сил, да и нечем.

Японский десант в 20 тысяч солдат высадился на Сахалине и близ Де-Кастри, в Мариинск из Хабаровска прибыл японский отряд, Николаевск оказался в кольце. Военревштаб принимает решение начать эвакуацию вверх по Амургуни, в район Кербинских приисков. Это был дальневосточный таманский поход: почти 15 тысяч эвакуированных жителей, огромные обозы и трехтысячная армия, прикрывавшая отступающих, двигались по тайге, марям и болотам.

«Как только началась эвакуация, - вспоминал заместитель председателя **Сахалинского облисполкома О. Ауссем**, - все резко изменилось, изменился Тряпицын, изменилась Нина. Почему? Есть только один ответ: психологическое поражение. Было два Тряпицына: один в дни нашего триумфа... прекрасный организатор, талантливый военачальник, страстный революционный строитель боевой товарищ в полном смысле этого слова. Этот Тряпицын прекратил свое существование, когда стало ясно, что войска врага обладают значительным превосходством и невозможно защитить Николаевск...».

...Уничтожение Николаевска началось 30 мая 1920 года. Каменные здания взрывались, деревянные - поджигались. Все военно-инженерные сооружения крепости Чныррах взорвали. Сильный ветер превратил город в огромный костер. Почти два дня огонь пожирал город, оставив на месте Николаевска сплошное пепелище. Я. Тряпицын в информации сельским ревкомам сообщал об этом так: «Город весь сожжен, реальное училище, мастерская, электрическая станция и другие крупные здания, японцам достался один пепел...».

...Что можно было сказать об этом варварском акте? Командующий партизанской Красной Армии Я. Тряпицын на сто процентов выполнил совместное обращение председателя СНК В.И. Ленина и председателя ВЦИК Я.М. Свердлова от 2 июня 1918 года, в котором предлагалось всем местным Советам в случае нашествия неприятеля поголовно истреблять тех, кто оказывает ему содействие, а при «подходе врага вывезти все ценное, а все, что не будет вывезено, уничтожить...». Копия этого обращения у нижеамурцев имелаь.

Молодой Дальневосточник № 50, 16-23 декабря 2009

ВАШ ДОМ

Дома есть разные на свете,
А Ваш дарован нам судьбой.
Мы здесь опять немного дети,
И снова наши звёзды светят,
И снова мы в ладу с собой.

Здесь слово - не для протокола.
Здесь каждый волен быть
собой.

И в дружной кутерьме весёлой
То хор звучит, то чьё-то соло,
То разговор наперебой.

Пускай чуть-чуть взрослеют даты,
Но, скучным датам вопреки,
Опять мы здесь, мы с Вами рядом,
Встречаясь с Вашим мудрым взглядом,
Вперёд глядим из-под руки.

А. Кухтина

Редактор

Мусалитина В. М.

Редактор - корректор информации

Вишнякова С.И.

Технический редактор

Иванова О.М.

Корректор

Щербакова О.Е.

Компьютерная верстка

Зайцевас Н.С.

Отвественный за выпуск

Листратенко Е.В.

Спонсор

Марсодолов А. В. ООО «Афалина»

Подписано к печати (число, месяц, год)

Отпечатано

